

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

БУХАРУ:

разсказъ о плаваніи по инду отъ моря до лагора
съ подарками великобританскаго короля
и отчетъ

о путешествіи изъ индіи въ Кабуль, татарію и персію,
предпріятомъ по предписанію высшаго правительсва индіи
въ 1831, 1832 и 1833 годахъ

лейтенантомъ

остъ-индской компанейской службы

Александромъ Борнсомъ,

членомъ королевскаго общества.

— „ Per arctes iter aestuosas,

. . . . per inhospitalem

Caucasum, vel quæ loca fabulosus

Lambit Hydaspes.“

Hor.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

изданіе П. В. Голубкова,

дѣйствительнаго члена русскаго географическаго общества.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1848.

H. sing. 1504 i-2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 23 Августа 1848 года.

Ценсоръ, В. Флеровъ.

(С. 2)

H

Fgt 187/5114

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВА I.

ЛАГОРЪ.

	Стр.
Отъѣздъ изъ Делли.—Сношенія съ Ранджитъ Сингомъ.— Селенія на Сатледжѣ.—Жители.—Берега Сатледжа.— Алтари Александра.—Вступленіе въ Панджабъ.—При- вѣтствія.—Гари.—Сейкскіе фанатики.—Манджа.— Древніе каналы.—Городъ Патти.—Конный заводъ.— Акали или фанатикъ.—Сейкскій вельможа и его за- мокъ.—Знаменитая дорога Джагангира.—Вступленіе въ Лагоръ.—Представленіе къ Магараджѣ.—Земле- трясеніе.—Ранджитъ Сингъ въ отъѣзжемъ полѣ.— Описаніе его лагеря.—Разговоръ съ Ранджитъ Син- гомъ.—Превосходныя кашмирскія палатки.—Лейбъ- Медикъ.—Ранджитъ Сингъ на охотѣ.—Возвращеніе въ Лагоръ.—Праздникъ базанта или весны.—Пирше- ство у Магараджи.—Приготовленія къ нашему путе- шествію.—Внимательность г.г. Аллара и Кура.—Про- щальная аудіенція.—Наставленія г. Кура. . . . 1—57	

II

ГЛАВА II.

Стр.

Отъездъ изъ Лагора.—Уменьшеніе багажа.—Описаніе сада.—Гималаи.—Ченабъ или Асесинъ.—Почва и колоды.—Сахаръ.—Сейкскій начальникъ.—Сейки.—Особенности этого племени.—Переправа чрезъ Ченабъ.—Болъзани.—Переправа чрезъ Джеламъ или Гидаспъ.—Пріездъ въ Пиндъ Дадапъ Ханъ.—Древности.—Соляныя копи.—Положеніе Солянаго хребта.—Его формаціа.—Копи, пласты и температура.—Способъ разработки соли.—Ея достоинство.—Берега Гидаспа.—Селенія.—Мѣсто битвы Пора.—Обширныя развалины.—Ниса и Буцефалія.—Сравненіе войска Пора съ арміею Ранджитъ Синга.—Плавучіе острова.—Женскій нарядъ.—Пріездъ въ Ротасъ.—Крѣпость.—Горныя породы.—Маникіальскій топъ.—Монеты и рѣдкости.—Маникіальъ тоже что Таксилла.—Рауиль Пинди.—Гардуарскіе богомольцы.—Сейкскій жрецъ.—Маргалла.—Беларскій топъ.—Садъ Газнъ Абдалла.—Индъ.—Лагерь на Индѣ.—Переправа въ бродъ чрезъ эту рѣку.—Разсказъ о сейкскомъ солдатѣ.—Аттокъ.—Феномень.—Промывка золота. 58—118

ГЛАВА III.

ПЕШАУАРЪ.

Вступленіе въ страну Афгановъ.—Мѣры предосторожности.—Прощальное письмо къ Ранджитъ Сингу.—Соляная монополія.—Поля битвы.—Въездъ въ Пешауаръ.—Афганское угощеніе.—Посѣтители.—Прогулка съ начальникомъ.—Его характеръ.—Какъ Афганцы проводятъ пятницу.—Страшное зрѣлище.—Братъ

III

Стр.

начальника.—Распоряженія относительно дальнѣйшаго путешествія.—Правитель и его дворъ.—Посѣтителн.—Прогулки въ Пешауарѣ.—Перепелиный бой.—Соколинная охота.—Мулла Наджибъ.—Святоша.—Невыгода раздачи лекарствъ.—Древности.—Заключеніе относительно топовъ.—Приготовленія къ отъѣзду.—Maitre d'Hotel пешауарскаго правителя. . . . 119—164

ГЛАВА IV.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КАБУЛЬ.

Отъѣздъ изъ Пешауара.—Хиберцы.—Переѣздъ чрезъ рѣку Кабуль.—Караванъ.—Горы.—Горныя породы.—Свиданіе съ момандскимъ начальникомъ.—Вѣжливость Хиберца.—Губительный вѣтеръ.—Древности.—Джалелебадъ.—Снѣжныя горы.—Бала-багъ.—Гандамакъ.—Холодныя straps.—Обращеніе жителей съ лошадьми.—Джагдалакъ.—Почтовые дворы императоровъ.—Кочующіе Гилджисы.—Испаганъ.—Разсказъ о Фаттигъ Ханѣ.—Ущелье Лата-бандъ.—Пріѣздъ въ Кабуль.—Нашъ вожатый, Магоммедъ Шарифъ. 165—195

ГЛАВА V.

КАБУЛЬ.

Пріѣздъ г. Вольфа.—Науабъ Джаббаръ Ханъ.—Представленіе къ правителю Кабула.—Разговоръ.—Гробница императора Бабера.—Сношеніе съ жителями.—Кабуль.—Его базары.—Преданія.—Монеты.—Армяне.—Угощеніе.—Кабульскіе сады.—Плоды и вино.—

Бага Гиссаръ.—Разницы между азіятскими и европейскими обычаями. — Идъ или праздникъ. — Гробница Тимуръ Шаха.—Алхемія. — Минералы.—Еврейское происхождение Афгановъ.—Различныя мнѣнія относительно этого происхожденія.—Каффиры.—Приготовление.—Шикарпурскіе купцы. 196—250

ГЛАВА VI.

ПУТЕШЕСТВІЕ ЧЕРЕЗЪ ГИНДУ КУШЪ ИЛИ СВЯЗНЫЯ ГОРЫ.

Отъѣздъ изъ Кабула.—Кафила-баши. — Контрабандная торговля оземпйрами Корана.—Джалраизъ.—Долина рѣки Кабула.—Рыбный садокъ.—Газни.—Ущелье Унна. Газарское семейство.—Зобъ.—Али иллахи.—Изданъ Бакшъ.—Ущелья Гаджигакъ и Казу.—Видъ въ горахъ.—Баміанъ.—Его идолы.—Географическія ошибки.—Выѣздъ изъ Афганистана. — Узбекскій начальникъ Сигана.—Наши чувствованія при вступленіи въ Татарію.—Ущелье Даданъ Шиканъ.—Рахматъ уллахъ Ханъ.—Узбекское состраданіе. — Магоммеданскій законъ.—Товарищи. — Азіятскія понятія о Европѣ. — Ущелье Кара Кутталъ.—Жизнь путешественника.—Привѣтствія.—Страшныя тѣснины.—Ядовитое растеніе. — Хейбакскія пресмыкающіяся животныя.—Домъ.—Жители.—Кулумъ и равнины Татаріи. . 251—299

ГЛАВА VII.

ВАЖНЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ.—ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КУНДУЗЪ.

Затрудненія въ Кулумѣ.—Очеркъ несчастій Муркрофта.—Отъѣздъ изъ Кулума. — Благоприятный случай къ побѣгу.—Ночное приключеніе.—Мой рассказъ о самомъ себѣ.—Безразсудство нашего вожатаго.—По-

сѣтителя, и способъ пить чай.—Преданія объ Александрѣ Великомъ. — Свиданіе съ кундузскимъ начальникомъ. — Кундузь и его правитель. — Отъѣздъ изъ Кундуза. — Отъѣздъ изъ Кулума. — Скупость нашего ваятаго. — Опасности на пути въ Балкъ. — Миражъ. — Мазаръ. — Могила Требека. — Приѣздъ въ Балкъ. — Смѣтливость Кафила-баши. . . . 300—340

ГЛАВА VIII.

БАЛКЪ И ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ БУХАРУ.

Описаніе Балка. — Климать. — Монеты находимыя въ Балкѣ. — Кафила-баши. — Могила Муркрофта. — Отъѣздъ изъ Балка. — Древняя Бактріана. — Точность описанія Квинта Курція. — Степь Туркмацовъ. — Оксъ. — Особенный способъ переправы чрезъ эту рѣку. — Караванъ. — Кизъ-Кудакъ. — Хваджа. — Литература. — Амазонки племени Лекей. — Куркинджакъ. — Невольникъ. — Спѣжныя горы. — Карши. — Болѣзни. — Опасенія. — Письмо къ бухарскому министру. — Базаръ. — Узбеки. — Абдулла Ханъ. — Знакомые. — Усталость. — Размышленія. — Приѣздъ въ Бухару. . . . 341—380

ГЛАВА IX.

БУХАРА.

Перемѣна одежды. — Посѣщеніе министра. — Подозрѣнія. — Регистанъ или большой базаръ въ Бухарѣ. — Бухарское общество. — Невольничій базаръ. — Индусы. — Индійскій сипой. — Красавица. — Одежда. — Банн. — Знакомые въ Бухарѣ 381—422

VI

ГЛАВА X.

БУХАРА.

Стр.

Городъ Бухара.—Историческій очеркъ.—Бухарскія коллегии.—Литература Средней Азіи.—Свиданіе съ визиремъ.—Самаркаидъ.—Гробница Бауа Дива.—Древній городъ.—Монеты.—Узбекское семейство.—Бухара въ пятницу.—Прощальный визитъ Министру.—Отъѣздъ 423—465

ГЛАВА XI.

ЗАДЕРЖКИ ВЪ БУХАРСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

Задержка Каравана.—Совѣтъ купцовъ.—Страна между Бухарою и Оксомъ.—Сношенія съ Туркманами.—Туркманскіе знакомцы.—Эрзарисы.—Рабство въ Туркѣстанѣ.—Наши сопутники.—Музыка.—Наше общество.—Развалины Биканда.—Походы Александра.—Отвѣтъ изъ Оргенджа.—Узбекскіе обычаи.—Приготовленія къ отъѣзду.—Письмо изъ Индіи.—Размышленія 466—502

ПУТЕШЕСТВІЕ.

ГЛАВА I.

ЛАГОРЬ.

502 Въ концѣ Декабря 1831 года я имѣлъ честь получить отъ генераль-губернатора Индіи окончательное разрѣшеніе ѣхать въ Среднюю Азію. Двадцать третьяго числа этого же мѣсяца его свѣтлость выдалъ мнѣ въ Дели паспорта, и я отправился на границу въ Лодіану, гдѣ имѣлъ удовольствіе найти своего сопутника, г. Джемса Жерарда, хирурга бенгальской арміи. Капитанъ Ч. М. Уэдъ, нашъ политическій агентъ, жившій въ этомъ городѣ, оказалъ мнѣ всю нужную помощь и все вниманіе, и я здѣсь свидѣтельствую ему мою искреннюю признатель-

ность. Англичане, находившіеся въ этомъ отдаленнѣйшемъ постѣ Британской Индіи, также изъясняли самое непритворное участіе въ нашемъ благополучіи. За дружескимъ пиршествомъ 2 Января 1832 г. мы простились съ нашими соотечественниками и на другой день на долго расстались съ образованнымъ обществомъ, вступивъ въ одну изъ безмолвныхъ пустынь Индіи. Мы пошли путемъ, лежащимъ вдоль лѣваго берега Сатледжа и ведущимъ къ сліянію этой рѣки съ Біасомъ или Гиѣзисомъ.

Такъ какъ необходимость и благоразуміе поставляли намъ въ обязанность испросить, предварительно нашему переходу чрезъ границы, дозволенія Магараджи Ранджитъ Синга на вступленіе въ Панджабъ, то мнѣ дано было почувствовать, что въ этомъ случаѣ моя собственная, частная просьба къ этому государю будетъ имъ уважена скорѣе, чѣмъ всякое официальное письмо отъ нашего правительства, ибо милостивый пріемъ его во время первой моей поѣздки не допускалъ никакого сомнѣнія на счетъ его разрь-

шенія. Въ слѣдствіе этого я обратился къ его высочеству письменно и, испрашивалъ снисходительнаго дозволенія снова вступить въ его владѣнія, въ короткихъ словахъ объяснилъ ему цѣль своего путешествія и заранѣе поздравлялъ себя съ тѣмъ удовольствіемъ, которое мнѣ представлялось, въ самомъ началѣ повѣздки, при переходѣ чрезъ владѣнія столь доброжелательнаго союзника. Выражаясь въ тонѣ восточной гиперболы, я увѣрялъ его высочество, „что удовольствіе вновь увидѣть его увеличить мое счастье, ибо я буду имѣть случай возобновить дружескія отношенія къ государю, вы окія добродѣтели котораго лелѣяли мои воспоминанія непрерывною радостью!“ Чрезъ три дня къ намъ присоединился небольшой отрядъ кавалеріи, высланный къ намъ на встрѣчу; начальникъ его привезъ самый дружескій отвѣтъ отъ Магараджи; въ немъ Ранджитъ свидѣтельствовалъ удовольствіе, которое онъ ощутилъ при извѣстіи о нашемъ пріѣздѣ. Вмѣстѣ съ этимъ намъ дано было знать, что по мѣрѣ нашего слѣдованія мы будемъ получать деньги и другіе подарки; но я

учтиво отклонилъ эту милость, потому что считалъ путешествіе безъ подобныхъ знаковъ вниманія болѣе приличнымъ нашему званію. Такъ какъ молва не могла не предшествовать намъ и притомъ въ самыхъ преувеличенныхъ образахъ, то мнѣ желательно было избѣгать всякаго великолѣпія и гласности, тѣмъ болѣе, что мы дѣйствительно не имѣли на нихъ никакого права.

Спускаясь по берегамъ Сатледжа, мы постепенно теряли изъ виду Гималайскія горы. Въ продолженіе первыхъ двѣнадцати миль онѣ представлялись намъ во всемъ своемъ величій, убѣленные снѣгами отъ основанія до вершины, и никакой второстепенный хребетъ не заслонялъ ихъ красотъ отъ нашихъ взоровъ, хотя онѣ находились отъ насъ почти на 150 миль. Линія ихъ вершинъ не представляла такихъ угловатостей, какія замѣтны на этомъ же самомъ хребтѣ болѣе къ востоку; а бѣлизна этой гигантской цѣпи являла рѣзкій контрастъ съ зеленою равниною панджабскихъ. Правда, что по утрамъ

эти послѣднія также бѣгали инеемъ , но онъ всегда исчезалъ при первыхъ лучахъ солнца. Столь быстрый переходъ отъ холода къ теплу придавалъ поверхности земли такую яркую зелень , какую рѣдко можно встрѣтить въ странахъ тропическихъ.

По берегамъ Сатледжа мы миновали множество селеній, въ которыхъ всѣ дома имѣли плоскія кровли и были построены изъ кирпичей , высушенныхъ на солнцѣ и складенныхъ по деревяннымъ перевязкамъ. Жилища эти опрятны и удобны, жители хорошо одѣты и, по видимому, довольны своею судьбою. Они преимущественно состоятъ изъ индусскихъ и магоммеданскихъ Джатовъ и небольшого числа Сейковъ: Всѣ здѣшніе магоммедане суть большею частью люди , перешедшіе изъ индуизма. Любопытно замѣтить, что мазульмане преобладаютъ своимъ многочисленіемъ преимущественно на южномъ берегу этой рѣки, гдѣ, по сосѣдству міра индусскаго, слѣдовало бы ожидать господства и его вѣры. Въ верхнихъ частяхъ Сатледжа, близъ Лодіаны,

жители по большей части земледѣльцы; но въ мѣстахъ ниже его соединенія съ Біасомъ или Гифазисомъ они живутъ грабежемъ. Нося разныя названія, каковы: Догаръ, Джалмери, Селери и проч., они извѣстны подѣ общимъ названіемъ Раатовъ и ведутъ непрерывную вражду между собою. Въ обработанныхъ округахъ эта страна имѣетъ видъ обширной равнины, производящей никакихъ кустарниковъ, такъ, что поля пшеницы нерѣдко простираются на многія мили безъ всякихъ живыхъ изгородовъ. Тутъ хлѣбъ растутъ безъ помощи искусственнаго орошенія, хотя воду всегда можно найти на двадцати шести футахъ подѣ поверхностью земли. Деревьевъ чрезвычайно мало: они встрѣчаются только близъ селеній, и потому дрова здѣсь до того недостаточны, что вмѣсто ихъ повсюду употребляютъ коровій навозъ, который предварительно паръзываютъ и потомъ провѣтриваютъ, складывая его кѣтками. Жаръ онъ даетъ самый сильный, что заставляетъ жителей совершенно забывать недостаточность древеснаго топлива. Страна, которая лежитъ за по-

лосою, примыкающею къ Сатледжу, известна под именемъ Малуа. Она имѣетъ сухой климатъ и сухую почву и производитъ *грамъ*, ячмень, *баджри* * и *матъ*, вывозимые въ Панджабъ.

Прѣхавъ пятьдесятъ миль отъ Лодіаны, мы остановились въ Гари, на берегахъ Гифазиса, нѣсколько ниже слиянія этой рѣки съ Сатледжемъ. На всѣхъ нашихъ картахъ это слияніе означено пятидесятью милями ниже, что, какъ кажется, могло имѣть мѣсто только въ отдаленное время. Объ эти рѣки послѣ своего соединенія представляютъ въ это время года величественный потокъ, имѣющій 275 ярдовъ въ ширину: въ бродъ переходить его невозможно. Дѣйствительная же ширина русла равняется мили съ половиною отъ одного берега до другаго, изъ коихъ сѣверный выше южнаго. Вода течетъ со скоростью одной съ четвертью мили въ часъ; въ то время, какъ мы находились въ этихъ мѣстахъ, она была совершенно прозрачна и нисколько

* *Holcus spicatus*.

ко не имѣла того мутнаго и грязнаго вида, который представляетъ рѣка, будучи раздута горными потоками. Глубина не превосходила двѣнадцати футовъ, ибо рѣка уже вошла въ свое лѣтнее ложе, а тающіе снѣга перестали питать ее. Температура обѣихъ рѣкъ стояла на 57° , что было 6° ниже температуры воздуха. Жители говорили намъ, что лѣтъ за пятьдесятъ предъ этимъ Сатледжъ однажды былъ запертъ въ горахъ обрывомъ утесовъ, скатившихся въ русло, и что воды его, скопаясь нѣсколько недѣль за этою преградою, наконецъ исторглись съ страшнымъ опустошеніемъ. Точно тоже случилось восемь лѣтъ тому назадъ въ Рави или въ рѣкъ, протекающей чрезъ Лагоръ; но это послѣднее обстоятельство не причинило большаго вреда и ограничилось только тѣмъ, что навело ужасъ на жителей чернымъ цвѣтомъ воды, перевалившейся чрезъ обвалъ, преградившій ея теченіе. Въ недавнее время Сатледжъ измѣнилъ свое направленіе и при этомъ смылъ нѣсколько селеній, стоявшихъ на его берегахъ, которые отъ свое-

го глинистаго и рыхлаго свойства легко подмываются потокомъ. Близъ теперешняго мѣста соединенія этихъ двухъ рѣкъ мы перешли высохшее русло стараго Сатледжа, который, какъ говорятъ, сливался когда-то съ Гифазисомъ при Фирозпурѣ. Пространство между старымъ и новымъ руслами, простирающееся отъ двѣнадцати до пятнадцати миль поперекъ, не представляетъ никакихъ деревьевъ и покрытъ тучнымъ иломъ, осажденнымъ рѣкою.

Хотя въ странѣ, подверженной подобнымъ измѣненіямъ, почти нѣтъ возможности находить тождества въ топографіи новыхъ и древнихъ временъ, однакоже мы знали, что находились въ сосѣдствѣ алтарей Александра Великаго и потому искали тутъ останковъ *македонскаго сумаэброта*, но безъ успѣха, не смотря всѣ наши труды и рвеніе. Въ то время, какъ войска Александра взбуштовались на берегахъ Гидаспа, герой македонскій переправился за эту рѣку и воздвигъ двѣнадцать колоссальныхъ алтарей въ ознаменованіе предѣла и славы сво-

его похода. Маіоръ Реннель назначаетъ мѣста этихъ памятниковъ между Біасомъ и Сатледжемъ; но историки Александра не подтверждаютъ мнѣнія этого знаменитаго географа. Они даже не упоминаютъ о Сатледжѣ; а пустыня, о которой они говорятъ какъ о лежавшей за Гифазисомъ, не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ страной, простирающеюся за этою рѣкою, ниже сліянія ея съ Сатледжемъ, гдѣ дѣйствительно и по-сіе время есть пустыня. Кромѣ того, не правдоподобно, чтобы Александръ рѣшился воздвигнуть памятникъ своимъ завоеваніямъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только небольшая, въ бродь-проходимая рѣка отдѣляла его отъ Индіи. Мы нѣсколько дней блуждали около этихъ мѣстъ и дѣлали изысканія по всемъ направленіямъ. Переправившись за Сатледжъ, мы нашли, въ точкѣ соединенія его съ Біасомъ, кирпичную развалину небольшого размѣра, называемую *Андриза*: слово это какъ будто бы звучитъ по-Гречески, но строеніе принадлежитъ къ магомеданскому періоду. Послѣ этого мы поплыли по Гифазису и миновали сліяніе обѣихъ

рѣкъ, гдѣ воды ихъ тихо соединяются и спокойно продолжаютъ свое теченіе. Какъ та, такъ и другая рѣка имѣютъ равную ширину въ 200 ярдовъ; но Сатледжъ изливаетъ ббльшее количество воды. Мы производили свои изслѣдованія съ слабыми надеждами на успѣхъ открытія остатковъ древности, потому что жители не помнили даже и того, чтобъ въ этихъ странахъ случалось кому нибудь изъ нихъ видать даже и Европейцевъ. Должно, однако же, сказать, что наши неуспѣшные поиски этихъ алтарей въ здѣшнихъ мѣстахъ есть уже шагъ къ ихъ открытію: въ послѣдствіи если и найдутся слѣды ихъ существованія, то они, вѣроятно, будутъ гдѣ нибудь ниже по рѣкъ и притомъ на лѣвомъ берегу соединеннаго потока Біаса и Сатледжа, называемаго Гаррою. Замѣчу здѣсь, что на пути изъ Лодіаны, почти въ двадцати миляхъ отъ этого военного поста, мы услышали о развалинахъ Тихара, лежавшаго на южномъ берегу Сатледжа и размытаго рѣкою въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ. На этомъ мѣстѣ и нынѣ находятъ выжженные кирпичи

большаго размѣра и особенной формы ; а это дастъ поводъ думать , что развалина принадлежить къ древнимъ временамъ . Если алтари стояли здѣсь , то мои предположенія ошибочны .

Одинадцатаго числа , мы на поромахъ переправились чрезъ Сатледжъ при Гари ка Паттанъ и вышли на берегъ въ Панджабъ , въ деревнѣ этого же имени . На этомъ перевозѣ находится двадцать три порома ; онъ охраняется четырехъ-сотеннымъ отрядомъ конницы , поставленнымъ здѣсь властителемъ Панджаба для удержанія фанатиковъ сейкской вѣры отъ вторженія въ британскія владѣнія . При входѣ въ селеніе мы были встрѣчены толпою женщинъ и дѣтей , вышедшихъ къ намъ съ пѣснями и привѣтствіями . Эта толпа состояла изъ бѣднѣйшихъ поселянъ и потому кажется , что такимъ поступкомъ ихъ руководила надежда на нашу щедрость : какъ бы то ни было , обычай этотъ имѣетъ въ себѣ что-то пріятное . Ребятишки селенія также толпились вокругъ насъ съ любопытствомъ ; пока мы приближались , они стоя-

ли смиренно и внимательно смотрѣли; но когда мы миновали ихъ, все зашевелилось и зашумѣло: они бѣгали, падали, прыгали и хохотали до тѣхъ поръ, пока начальникъ отряда и его конники не возстановили порядка. Я хорошо помню, что въ дѣтствѣ можетъ быть никто болѣе меня самаго не радовался въ подобныхъ случаяхъ: чловѣческая природа повсюду одна и таже.

Едва мы вступили въ Панджабъ, какъ явился къ намъ сердарь, по имени Шамъ Сингъ, получившій на это особое приказаніе отъ своего государя. Онъ, по обычаю Сейковъ, поднесъ мнѣ лукъ и два мѣшка денегъ; отъ послѣдняго подарка я отказался, считая себя вполне награжденнымъ тою снисходительностью, съ которою намъ дозволено было вступить въ эту страну. Мнѣ также весьма хотѣлось избавиться какънибудь отъ самаго сердара и отъ всей его свиты; но это было не возможно: онъ присланъ былъ изъ далекаго Лагора, чтобъ сопутствовать намъ, ибо дороги были не совсѣмъ безопасны. Въ

послѣдствіи мы не раскаялись, что не успѣли отклонить отъ себя этого чловѣка, потому что намъ привелось проходить чрезъ деревню, сожженную сейкскими фанатиками и находившуюся въ ихъ рукахъ. Это были тѣ же самые изуверы, о которыхъ я упоминалъ выше. На дорогѣ мы встрѣтили отрядъ изъ 500 всадниковъ при двухъ полевыхъ орудіяхъ, высланный для наказанія этихъ *сумазбродныхъ* и *слѣпотствующихъ* людей, какъ ихъ называютъ на языкѣ панджабскаго кабинета.

На другое утро мы начали свой переездъ чрезъ Доабъ *, лежащій между Біасамъ и Рави (Гидраотъ), и именуемый Манджа. Эта самая возвышенная часть Панджаба на востокъ отъ Гидаспа: фактъ этотъ доказывается тѣмъ, что восточный берегъ одной рѣчки и западный другой равно высоки. Левый берегъ Рави имѣетъ почти 40 ф. высоты; на столько же возвышается и правый Біаса. Здѣсь колодцы гораздо глуб-

* Такъ называется страна, лежащая между двумя рѣками — междурѣчье.

же, чѣмъ на югъ отъ Сатледжа: тутъ они имѣютъ глубину болѣе шестидесяти, а тамъ не превосходятъ и двадцати трехъ футовъ. Почва здѣшняя тверда: она состоитъ преимущественно изъ отвердѣвшей глины, а иногда изъ хряща, и производитъ только ежевику и колючія растенія, извѣстныя у жителей подъ именемъ джанда, харила * и бабуля **. Плодородіе земли зависитъ отъ дождей; искусственное орошеніе не введено здѣсь въ общее употребленіе. Стада нильгаи (родъ сайги) блуждаютъ въ этихъ мѣстахъ въ большомъ числѣ. Во времена минувшія могольскіе императоры, усматривая сравнительное безплодіе этого края, орошали его посредствомъ каналовъ, проводимыхъ изъ Рави и соединявшихъ эту рѣку съ Біасомъ. Остатки одного изъ такихъ каналовъ можно и по-сѣ время видѣть близъ города Патти: онъ когда-то проходилъ подъ прямымъ угломъ къ Біасу; но въ продолженіе послѣднихъ 150 лѣтъ совершенно почти засыпался. Область Манджа славится храбростью своихъ солдатъ и пороною

* Capparis.
** Mimosa Arabica.

своихъ лошадей , что , безъ сомнѣнія , навсегда упрочить ей покровительство ея властителей , кто бы они ни были .

Патти былъ первый городъ , въ который мы вступили . Онъ имѣетъ около 5.000 жителей и построенъ , вмѣстѣ съ близлежащимъ городомъ Султанпуромъ , въ царствованіе Акбара . Дома его возведены изъ кирпичей : кирпичами вымощены даже всѣ улицы . Недавно рабочіе , копая колодезь въ сосѣдствѣ , отрыли древній водоемъ , на которомъ была индусская надпись , свидѣтельствовавшая , что водоемъ былъ сдѣланъ какимъ-то Агартата , о которомъ однако же преданіе умалчиваетъ . Округъ Патти въ прежнія времена заключалъ въ себѣ 1360 селеній и , будучи тогда орошаемъ каналами , давалъ доходу около девяти лаковъ рупій .

Въ Патти мы осматривали одинъ изъ конныхъ заводовъ Ранджитъ Синга . Намъ показывали около шестидесяти матокъ , преимущественно даннійской породы , выведенной изъ-за Ги-

даспа, гдѣ свойства страны точно такія же, какъ и въ Манджѣ, т. е. она суха и возвышенна. Не имѣеть ли эта сухость и знойность края — подходящаго своею почвою на Аравію, гдѣ лошадь достигаетъ такого совершенства — какого нибудь вліянія на превосходство этого животнаго? Заводскія лошади здѣсь преимущественно кормятся ячменемъ и какою-то стелющеюся травою, называемою *дубъ* и считающеюся необыкновенно-питательною. Недавно лошади этого завода были поражены какою-то заразительною болѣзнію, отъ которой ихъ вылечилъ, какъ говорятъ, одинъ магоммеданинъ, живущій въ соседнемъ святилищѣ. Не смотря на то, что человекъ этотъ слѣдовалъ вѣрѣ Магоммеда, Сейки въ благодарность возобновили и украсили храмъ его, который теперь является бѣлымъ, опрятнымъ зданіемъ, блестящимъ на солнцѣ. Сейки вообще допускаютъ терпимость въ дѣлахъ вѣры, и я замѣтилъ, что въ Индіи добродѣтель эта развита гораздо болѣе, нежели какъ объ этомъ думаютъ въ Европѣ. Можетъ статься, что это общее уваженіе ко всемъ вѣрованіямъ проистекаетъ изъ

суевѣрія; но откуда бы оно ни проистекало, оно основано на здоровомъ разсудкѣ и на благородствѣ чувствованія. Магомедане, безъ сомнѣнія, были гонителями въ періодъ своихъ завоеваній (какіе завоеватели не были гонителями?); но по мѣрѣ того, какъ они упрочивали свою власть надъ покоренными народами, они оставляли свои предрассудки ко взаимному благоденствію какъ самихъ себя, такъ и своихъ подданныхъ.

Тринадцатаго числа, къ намъ явился посланный отъ того самаго Акалнса, который за нѣсколько дней предъ этимъ сжегъ деревню и котораго фанатическіе поступки вызвали противъ себя мѣры правительства. Этотъ разбойникъ, по имени Негна Сянгъ, изъявлялъ желаніе посѣтить насъ; мнѣ самому хотѣлось взглянуть на такого прославившагося челоуѣка и отъ него самого узнать его исторію и послушать разсказъ о подвигахъ его шайки. Эти фанатики сейкской вѣры не признаютъ надъ собою никакой власти, и правитель Панджаба успѣваетъ умѣрять ихъ неистовства одними только интри-

гами и подкупами. Они обыкновенно ходятъ съ обнаженными мечами и безъ различія наносятъ обиды какъ высшимъ сановникамъ , такъ и мернымъ жителямъ селеній ; дерзость свою во многихъ случаяхъ они простирали даже до того, что покушались на жизнь Ранджитъ Синга. Мысль о свиданіи съ подобнымъ человѣкомъ много беспокоила нашихъ проводниковъ , которые всѣми силами убѣжденія старались отклонить меня отъ моего намѣренія и наконецъ совершенно прекратили наши желанія тѣмъ, что объявили посланному, что начальникъ его можетъ явиться, но безъ своихъ приверженцевъ. Негна Сингъ на это не согласился, и мы принуждены были отказаться отъ удовольствія видѣть человѣка, грозившаго Ранджитъ Сингу въ нѣсколькихъ миляхъ отъ его столицы, и довольствовались одними разказами о этомъ сейкскомъ изуверѣ. Въ отгѣнкахъ фанатизма Панджаба и другихъ странъ я не могъ найти никакой разницы. Эти Акалсы или Нинганги немногочисленны, но они совершаютъ ужаснѣйшія злодѣянія и прикрываются своимъ религіоз-

нымъ характеромъ. Они оказываютъ такую же вражду къ другимъ вѣрованіямъ, какъ и къ вѣрѣ Сейковъ, и, по видимому, враждуютъ со всемъ человѣчествомъ. Фанатизмъ ихъ восходитъ до степени сумашествія. Вѣра Сейковъ хорошо извѣстна: она была вполне описана сэръ Джонъ Малькольмомъ. Подобно своимъ сосѣдямъ, магомеданамъ, они уклонились отъ многихъ первообразныхъ формъ своей религіи, и все свое отличіе отъ другихъ сектъ основываютъ только на обрядахъ. Сейкъ будетъ говорить вамъ, что табакъ есть самое презрѣнное изъ всѣхъ наркотическихъ веществъ, потому что основатель ихъ секты, Гуру Говиндъ Сингъ, доказалъ это открытіемъ нечистоты, скопляющейся въ чубукахъ на подобіе нечистоты въ человѣческомъ тѣлѣ! Одинъ Сейкъ увѣрялъ меня, что табакъ и мухи были самымъ величайшимъ зломъ нашего развращеннаго вѣка (кальнугъ: собственно, темнаго вѣка).

На половинѣ пути чрезъ Доабъ мы достигли Пиданы; мѣстопробыванія одного изъ главнѣй-

шихъ сановниковъ Панджаба, сердара Джауала Синга, нарочно отправленнаго изъ Лагора, чтобъ сдѣлать намъ пріемъ въ его помѣсть. Онъ встрѣтилъ насъ за милою отъ этого мѣста и вручилъ мнѣ письмо, лукъ и мѣшокъ денегъ. Этотъ сановникъ былъ одѣтъ въ богатое парчевое одѣяніе; свита его имѣла одежду желтую: это любимый цвѣтъ Сейковъ. Джауала Сингъ извѣстенъ за храбраго воина и обладаетъ всею пріятностью обращенія и разговора, которыя выигрываютъ въ немъ еще болѣе отъ воинственнаго его вида и роста, почти-равняющагося шести футамъ. Уже смеркалось, когда онъ повелъ насъ обратно въ нашъ небольшой лагерь чрезъ свой фортъ или чрезъ свой федалный замокъ, который далъ намъ выгодное понятіе о живищѣ сейкского вельможи. Замокъ стоялъ посреди селенія, занятаго его вассалами; все это было обведено земляною насыпью и вѣнширымъ ровомъ. Во внутренности этого мѣста находится базаръ и обширныя конюшни, построенныя по правильному плану. Въ мирное время, послѣдовавшее за покореніемъ этой страны, большая часть

вельможъ обратила свое вниманіе на улучшеніе своихъ мѣстопробываній: жилища ихъ издали имѣютъ самый величественный и привлекательный видъ, хотя они во многомъ уступаютъ укрепленнымъ жилищамъ раджпутскихъ начальниковъ Маруара. Они обыкновенно построены по военному, въ видѣ четырехугольника, съ высокими стѣнами и башнями. Радущіе нашего хозяина было столько неограничено, что мы пробыли съ нимъ два дня. Съ вершины его замка мы любовались обширнымъ видомъ примыкающей къ нему страны, которая, будучи въ соседствѣ двухъ столицъ этого края, т. е. Лагора и Амритсира, вообще тщательно воздѣлывается, не смотря на то, что почва ея самая неплодородная.

Приближаясь къ Лагору, мы вступали на великую дорогу Джагангира, которая въ прежнія времена была осынена деревьями; по сторонамъ ея стояли минареты и каравансарай. Она вела путешественниковъ отъ Агры до Лагора, города Великаго Могола, и была прославлена въ

Лаала Рухъ по поводу описанія царскаго поезда въ Кашмиръ. Теперь деревья не существуютъ; но множество минаретовъ и величественныхъ каравансараевъ еще свидѣлствуютъ блестящія времена могольскихъ императоровъ. Путь этотъ и теперь является широкою, торною дорогою и нельзя ѣхать по ней безъ того чувства удовольствія, которое авторъ Лаала Рухи умѣлъ въ своихъ читателяхъ возбудить и удовлетворить совершенно.

Вечеромъ, 17 числа, мы вступили въ царственный городъ Лагоръ, когда-то соперничествовавшій съ Делли. Мы ѣхали между развалинами, его окружающими, и въ трехъ миляхъ отъ него были встрѣчены генераломъ Алларомъ и туземными сановниками, высланными къ намъ съ привѣтствіемъ Ранджита. Г. Алларъ пріѣхалъ въ каретъ, въ которую впряжены были два мула. Докторъ Жерардъ и я сѣли въ этотъ экипажъ и отправились съ генераломъ въ его домъ, гдѣ было отведено для насъ помѣщеніе. По окончаніи церемоніи приѣма раз-

ныхъ посланій отъ Ранджитъ Синга, какъ дружественныхъ, такъ и официальныхъ, удалились всѣ Сейки, принадлежавшіе къ этимъ депутаціямъ, и оставили за собою множество кашмирскихъ и кабульскихъ плодовъ въ знакъ милостиваго расположенія ихъ повелителя. Вечеромъ намъ присланъ былъ мѣшокъ съ 1.100 рупіямп; безъ обиды Магараджъ не было возможности отказаться отъ этой суммы.

На другое утро мы засвидѣтельствовали наше почтеніе Магараджъ, который милостиво принялъ насъ въ саду, миляхъ въ двухъ отъ города. Онъ былъ необыкновенно веселъ, и мы провели съ нимъ около двухъ часовъ. Разговоръ его переходилъ отъ самыхъ важныхъ предметовъ къ самымъ ничтожнымъ : онъ выражалъ намъ свое удовольствіе, которое было ему доставлено свиданіемъ съ генералъ - губернаторомъ, и говори, что послѣ этого онъ рѣшился убавить жалованье своему войску, ибо самъ видѣлъ, за какую незначительную плату содержится индійская армія. Его высочество принималъ

живѣйшее участіе въ бросаніи бомбъ, и передъ своимъ садомъ показывалъ намъ успѣхъ, увѣчавшій его старанія въ этомъ дѣлѣ. Способъ отливки чугуна не извѣстенъ въ этой странѣ и потому бомбы дѣлаются изъ бронзы. Г. Куръ, одинъ изъ его французскихъ офицеровъ, показывалъ ему практическую стрѣльбу этими снарядами въ день нашего пріѣзда и получилъ отъ него въ подарокъ мѣшокъ съ 5000 рупій, кромѣ разныхъ драгоценныхъ украшеній и другихъ вещей. Ранджитъ предлагалъ намъ самые подробные вопросы о предстоявшемъ намъ путешествіи; но какъ я имѣлъ причины не раскрывать вполне своихъ плановъ, то и сказалъ его высочеству, что мы пробирались *по направленію* къ своей родинѣ. Услышавъ это, онъ просилъ меня доставить его дружественное письмо къ англійскому королю; но я извинился въ невозможности сдѣлать этого, опираясь на то, что оно могло подвергнуть меня опасности во время переезда чрезъ страны, лежащія между Индіею и Великобританіею. За этимъ я поднесъ его высочеству пару пистолетовъ, которые были

вполнѣ имъ одобрены: онъ сказалъ, что сохранить ихъ мнѣ на память. Докторъ Жѣрардъ съ своей стороны представилъ ему подзорную трубку, какъ знакъ своего уваженія. Ранджитъ принималъ насъ, окруженный войсками: изъ его палатки видны были четыре полка, стоявшіе во всемъ парадѣ. Когда мы проходили по жилой улицѣ конницы и пѣхоты, войска отдавали намъ честь. При прощаніи онъ просилъ насъ остаться какъ можно долѣе при дворѣ его, ибо онъ желалъ показать намъ тигровую охоту и сдѣлать угощеніе въ своемъ дворцѣ: мы вполнѣ оцѣнили такія почести. Послѣ всего этого мы возвратились къ гостепріимному сообществу г. Аллара и его сослуживцевъ. Здѣсь я не стану описывать Лагоръ, потому что я говорилъ объ немъ при разсказѣ о моемъ первомъ пребываніи въ этомъ городѣ и потому, что онъ уже не представлялъ для меня ничего новаго.

Около полуночи, 22 числа, мы были испуганы землетрясеніемъ, продолжавшимся около десяти секундъ съ большою силою. Домъ, въ ко-

торомъ мы квартировали, страшно дрожалъ, не смотря на то, что онъ былъ прочно выстроенъ изъ кирпича на извести. Атмосфера не предвѣщала предъ этимъ ничего необыкновеннаго : высота барометра ни сколько не измѣнилась ни прежде , ни послѣ этого явленія ; термометръ стоялъ низко , на 37° , а предъ восхожденіемъ солнца опустился на четыре градуса ниже точки замерзанія. Въ предшествовавшемъ Июль мѣсяцѣ онъ восходилъ за 102° . Мнѣ говорили , что землетрясенія въ Лагоръ бывають часто , особливо зимою. Въ Кашмирѣ они еще обыкновеннѣе, а въ сосѣдствѣ горъ случаются безпрестанно. Однако же , минареты лагорскіе ясно доказываютъ, что въ этихъ мѣстахъ со времени ихъ построенія значительнаго переворота въ природѣ не было, — по крайней мѣрѣ въ продолженіе двухъ сотъ лѣтъ. Испытанный нами ударъ, какъ казалось, имѣлъ направленіе отъ юго-востока къ сѣверо западу, и намъ въ послѣдствіи, при переходѣ за Гинду Кушъ, любопытно было видѣть подтвержденіе тому что таково дѣйствительно было это направленіе: въ долину Бодакшана и по

всему верхнему течению Окса, большая часть деревень была разрушена, при чемъ нѣсколько тысячъ людей погибли подъ развалинами. Тамъ ударъ последовалъ въ одно и тоже время и, кажется, въ одинъ и тотъ же часъ какъ и въ Лагоръ, ибо намъ рассказывали объ ужасахъ полночи, бывшихъ слѣдствіемъ этого происшествія.

Чрезъ недѣлю послѣ нашего пріѣзда мы получили отъ его высочества приглашеніе участвовать въ охотѣ. Выѣхавъ предварительно изъ столицы, онъ прислалъ намъ милостивое письмо и четырехъ слоновъ для насъ самихъ и для нашего багажа. Мы немедленно отправились по той же дорогѣ вдоль Рави, по которой выѣхали дворъ. На пути мы провели около часу въ знаменитомъ саду Шалимаръ, который теперь былъ прекраснѣе, нежели во всякое другое время года. Не смотря на то, что это было въ срединѣ зимы, деревья стояли обремененныя апельсинами. На ночь мы остановились близъ деревни Лакодаръ, известной въ исторіи тѣмъ, что въ ней

Надиръ Шахъ переправился чрезъ Рави и вслѣдъ за этимъ овладѣлъ Лагоромъ. Рѣка эта оставила свое прежнее русло, которое теперь совершенно высохло и воздѣлывается подъ пашию: опустошительныя орды Надира скрылись и уступили свое мѣсто трудолюбивымъ и преобразовавшимся жителямъ здѣшняго края. На другое утро мы вступили въ царскій лагерь, остоявшій миль на двадцать отъ столицы. По дорогѣ мы обогнали толпы солдатъ, носильщиковъ и гонцевъ, которые везли и несли плоды и другіе предметы роскоши. Съ первой минуты нашего выѣзда изъ Лагора можно было видѣть, что мы приближались какъ бы къ какому нибудь улью человеческому. За милю до лагеря къ намъ выѣхалъ на встрѣчу одинъ раджа съ своею свитою и проводилъ насъ къ палаткамъ, разбитымъ на самомъ берегу рѣки и представлявшимъ великолѣпное зрѣлище. Огромный шатеръ изъ красной ткани, окруженный такою же оградю, обозначалъ мѣсто стоянки Ранджита; вокругъ размѣщены были красивыми группами палатки его свиты и войска. Палатки, приготовленныя для нашего по-

мѣщенія , принадлежали къ числу самыхъ роскошныхъ. Онѣ были сшиты изъ красной и желтой ткани; подъ ними на землѣ лежали кашмирскіе ковры и французскій атласъ , такъ что я какъ - то неохотно рѣшился опустить ногу на такіе драгоценные предметы. Въ каждой палаткѣ стояла походная кровать съ желтыми шелковыми занавѣсами и съ такими же одѣялами. Такое блестящее великолѣпіе хотя и худо согласовалось съ положеніемъ людей , которымъ впереди предстояли всякаго рода лишения , однако же въ первыя минуты оно было очаровательно. Вскорѣ явился къ намъ одинъ изъ придворныхъ съ поздравленіемъ отъ его высочества; а вечеромъ насъ постѣтили капитанъ Уэдъ и др. Моррей , присланные къ лагорскому двору по дѣламъ политическимъ.

Утромъ 27-го мы выступили вмѣстѣ съ Магарджею и , перейдя въ бродъ Рави , отправились во внутренность страны. Поездъ нашъ былъ привлекателенъ въ высшей степени: свита Ранджита въ полномъ смыслѣ походила на свиту го-

сударя-воина. Всѣхъ верховыхъ лошадей вели впереди; самъ же государь и все общество охотниковъ ѣхали на слонахъ. Два изъ этихъ огромныхъ животныхъ имѣли на себѣ золотыя гуды, изъ которыхъ въ одной сидѣлъ его высочество. На шести, или семи другихъ слонахъ ѣхали его придворные и любимцы. Небольшой кавалерійскій отрядъ при одномъ полевомъ орудіи составлялъ конвой. Позади всѣхъ везли въ шесть лошадей карету, присланную генераль-губернаторомъ.

Ранджитъ былъ очень разговорчивъ во время поѣздки и даже продолжалъ говорить съ нами почти съ полчаса послѣ того, какъ мы остановились. Онъ упоминалъ о счастьи Эмиръ Хана, получившаго огромныя владѣнія отъ нашего индійскаго правительства, ни сколько не будучи обязанъ нести въ замѣну этого военную службу, и потомъ много распространялся о его возвышеніи изъ самаго прѣстаго званія. Тутъ ему следовало бы только вспомнить свой собственный примѣръ, чтобъ убѣдиться, какъ совершенно сча-

стѣ. Ранджитъ говорилъ , что дисциплинированное войско ни сколько не сообразовалось съ обычаями восточныхъ государей, потому что они не имѣютъ возможности платить правильнаго жалованья. Онъ спрашивалъ, бывали ли у насъ случаи, чтобы войска жаловались на получаемую ими плату, и былъ крайне удивленъ, когда мы сказали ему , что подобный поступокъ съ ихъ стороны былъ бы принять у насъ за бунтъ. Такой любопытный для него разговоръ не могъ подѣ конецъ не перейти къ его любимому предмету, т. е. къ вину: когда онъ сошелъ со слона и сѣлъ въ палаткѣ, то замѣтилъ, что мѣсто, на которомъ она разбита, благопріятствовало попойкѣ потому , что оно господствовало надъ всею окрестною странюю. Онъ спрашивалъ нашихъ докторовъ — когда полезнѣе пить вино: до или послѣ обѣда, и отъ души хохоталъ, когда я съ своей стороны прибавилъ, что совѣтовалъ бы и то и другое. Во время этого разговора одинъ поселянинъ вбѣжалъ въ палатку съ громкимъ требованіемъ провосудія; стража схватила и остановила его ; но Ранджитъ суровымъ го-

лосомъ закричалъ : „Не бейте егѣ !“ и выславъ одного знатнаго сановника разобрать дѣло. Если вѣрить тому, что я слышалъ, правосудіе здѣсь такой же дорогой товаръ , какъ и въ другихъ азіятскихъ государствахъ.

Откланявшись его высочеству , мы пошли въ назначеннымъ для насъ палаткамъ , совершенно отличнымъ отъ тѣхъ , которыя мы занимали наканунѣ. Онѣ были сдѣланы изъ кашмирскихъ шалей и имѣли около четырнадцати футовъ въ квадратъ. Двѣ изъ нихъ соединялись щитами изъ такихъ же драгоценныхъ шалей , а надъ промежуткомъ , между ними находившимся , раскидывался навѣсъ , поддерживаемый четырьмя прочными шестами , украшенными серебромъ. Шали на одной палаткѣ были красныя , а на другой—бѣлыя. Въ каждой изъ нихъ стояла походная кровать съ занавѣсами изъ кашмирскихъ шалей. Все это походило болѣе на какое-то волшебное жилище , чѣмъ на лагерьъ въ кустарникахъ Панджаба.

Между лицами, находившимися въ лагерь; мнѣ нельзя не упомянуть о мудромъ Азидонинѣ, врачѣ и секретарѣ Ранджитъ Синга, обладавшемъ, по понятіямъ востока, глубокими свѣдѣніями въ богословіи, метафизикѣ и естествознаніи, приобретенными имъ изъ чтенія греческихъ писателей. Знаніе свое онъ выказывалъ во многихъ длинныхъ рѣчахъ, изъ которыхъ я извлекаю слѣдующее, какъ образецъ того, что на востокѣ иногда называютъ мудростью. „Миръ заключаетъ въ себѣ“ „говорилъ Азидонинъ“ „три различныя атома, вполне совершенныя; всѣ они входятъ въ составъ благороднѣйшаго созданія Бога, т. е. человека. Ни драгоценныя камни, ни драгоценныя металлы не могутъ увеличить ихъ числа и ихъ объема: въ ихъ красотѣ заключается все ихъ превосходство. Въ царствѣ растительномъ мы видимъ, что деревья и травы, всасывая влажность земли и перерабатывая ее въ свое существо, разрастаются въ величинѣ и славу. Въ царствѣ животномъ мы находимъ тварей, пожирающихъ одни изъ этихъ растений какъ питательныя для нихъ и оставляющихъ другія.

какъ вредныя для ихъ существованія, находимъ ихъ плодящимися безъ всякихъ общественныхъ постановленій. Въ одномъ только чловѣкѣ мы замѣчаемъ всѣ превосходства : онъ обладаетъ красотою и украшаетъ себя драгоценными камнями; онъ постигаетъ и употребляетъ съ пользою свойства растительнаго царства; онъ къ животному инстинкту присоединяетъ разумъ и вѣруетъ въ будущность; онъ избираетъ себѣ жену послѣ долгаго соображенія и не блуждаетъ стадами подобно другимъ животнымъ.“

Но собравшись охотиться, а не философствовать, мы на другой день выѣхали вмѣстѣ съ Магараджею. Онъ ѣхалъ на своей любимой верховой лошади, покрытой красивымъ, богато-вышитымъ чепракомъ, украшеннымъ по краямъ изображеніями всѣхъ возможныхъ птицъ, извѣстныхъ подъ названіемъ дичи. Ранджитъ былъ одѣтъ въ платье изъ зеленыхъ шалей, подбитое мхомъ; кинжалъ его горѣлъ драгоценнѣйшими брилліантами; легкій металлическій щитъ, подаренный ему бывшимъ государемъ Кабула,

довершалъ его вооруженіе. За нимъ слѣдовали слоны, а своры собакъ, крапчатой породы, вывезенныя изъ Синда, Бухары, Ирана и изъ его собственныхъ отдаленныхъ владѣній, составляли авангардъ. Соколовъ несли на рукахъ сокольничьи. Птицы эти махали крыльями и звѣнѣли колокольчиками, привѣшанными къ ихъ ногамъ. Рота пѣхоты, растянутая въ длинную линію, при помощи двухъ, или трехъ сотъ конниковъ, сдѣлала облаву; мы слѣдовали за лѣсничими, вооруженными тяжелыми аллебардами, и вскорѣ подняли дичину. Въмѣсто тигровъ показались кабаны. Мечи Сейковъ заблестали на солнцѣ и чрезъ полчаса восемь чудовищъ кусали прахъ земли; кромѣ того множество другихъ запутались въ тенетахъ. Большая часть этихъ животныхъ были убиты всадниками, вооруженными саблями, и только весьма немногія поранены были вначалѣ изъ ружей. Удовольствія подобной охоты едва ли могутъ быть постигнуты охотниками-европейцами, ибо кабаны не имѣли средствъ для своего спасенія; наслажденіе же Сейковъ восходило до выс-

шей степени. Охота: эта имѣла мѣсто въ равнинѣ покрытой высокою травою; сидя на слонахъ, въ мѣстахъ болѣе открытыхъ, мы спокойно любовались этимъ зрѣлищемъ. Ярко-цвѣтныя одежды придворныхъ производили необыкновенный эффектъ. По мѣрѣ того, какъ падали кабаны, Ранджитъ подъѣзжалъ и каждого изъ нихъ осматривалъ, а потомъ скакалъ далѣе къ мѣстамъ новой схватки. Черезъ полтора часа мы возвратились къ палаткамъ, гдѣ охотники получили достойныя награды. Послѣ этого притащили живаго кабана, за ногу привязали его къ шпкѣ и затравили собаками. Это жестокая забава, ни сколько не доставляющая удовольствія. Для большаго ожесточенія животнаго, обливали его отъ времени до времени водою. Полюбовавшись такою травлею, Ранджитъ приказалъ пустить на волю всѣхъ оставшихся въ живыхъ кабановъ, по собственнымъ словамъ его, для того, чтобъ они прославляли его великодушіе, и ожесточенныя животныя кинулись сквозь толпу, наполнявшую лагерь, къ не малому удовольствію всѣхъ присутствовавшихъ.

Посль всего этого мы провели еще нѣсколь-
ко времени съ Магараджею , который съ жа-
ромъ рассказывалъ намъ о своихъ подвигахъ за
Индомъ. Онъ между прочимъ описывалъ храб-
рость какого-то Ниганга, или сейкского фанатика,
который сражался пѣшкомъ, и, получивъ тяже-
лую рану, перевязалъ ее и возвратился въ бит-
ву на лошади; вскорѣ онъ былъ раненъ во вто-
рой разъ, но это не устало его: онъ пересѣлъ
на слона и наконецъ, прострѣленный въ грудь,
упалъ мертвый. „Онъ былъ отважный чело-
вѣкъ“, прибавилъ Ранжитъ, „а вмѣстѣ съ
этимъ и страшный негодяй; если бы его не убили
въ этотъ день, то я былъ бы вынужденъ за-
переть его куда нибудь на всю жизнь, ибо онъ
постоянно пытался перебраться чрезъ границы
и выжечь британскіе военные посты.“ Битва, о
которой болѣе всего распространялся его вы-
сочество, происходила при Нуперо, близъ Пе-
шауара; въ ней онъ одержалъ самую знаменитую
изъ всѣхъ побѣдъ своихъ, перешедши предва-
рительно Индъ самымъ геройскимъ образомъ,
именно вплавь, со всѣмъ своимъ войскомъ. Мы

съ удовольствіемъ слушали разсказъ Ранджита о его атакахъ, его воинскихъ построеніяхъ, о битвѣ и о побѣдѣ. Единственный глазъ его горѣлъ при описаніи. „Вы поѣдете чрезъ поле этой битвы,“ прибавилъ онъ, „и вамъ необходимо будетъ осмотрѣть его. Я дамъ вамъ письма къ тамошнимъ начальникамъ и къ хищникамъ Хиберцамъ: они покажутъ вамъ это поле и примутъ васъ съ честью.“ Такой знакъ милости былъ для насъ весьма пріятенъ, тѣмъ болѣе, что мы ни сколько не просили его объ этомъ, хотя въ послѣдствіе письма оказались бесполезными.

Подобныя занятія продолжались до конца мѣсяца, послѣ чего мы возвратились въ Лагоръ съ такимъ же великолѣпіемъ и блескомъ, которымъ были свидѣтелями въ охотничьемъ лагерѣ. На пути мы охотились съ соколами: эта забава можетъ доставить удовольствіе даже и не охотнику. Сто пушечныхъ выстрѣловъ возвѣстили столицѣ о прибытіи Ранджитъ Син-

га. Мы снова помѣстились у почтеннаго друга нашего, г. Аллара.

Шестаго Февраля былъ торжественно празднованъ *Базантъ* или праздникъ весны. По этому случаю мы были приглашены Ранджитъ Сингомъ и сопутствовали ему на слонахъ, чтобъ посмотреть народный праздникъ, которымъ здѣсь, также какъ и въ другихъ странахъ, привѣтствуютъ весну. Панджабскія войска, на протяженіе двухъ миль выстроенныя въ двѣ линіи, между которыми мы ѣхали около тридцати пяти минутъ, преимущественно состояли изъ регулярной кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи. Всѣ полки были одѣты въ желтые мундиры: это парадный цвѣтъ на здѣшнихъ праздникахъ. Магараджа, проѣзжая по этимъ линіямъ, принималъ военныя почести. Дорога наша лежала посреди развалинъ стараго Лагора, по неровной поверхности, придававшей войскамъ волнообразный видъ, увеличивавшій красоту зрѣлища. Въ концѣ этихъ колоннъ стояли царскія палатки, убранныя внутри желтыми шелковыми тканями; меж-

ду ними возвышался шатеръ, цѣнимый въ одинъ лакъ рупій : онъ былъ осыпанъ жемчугомъ и окаймленъ драгоценными каменьями. Великолѣпнѣе этого шатра ничего нельзя себѣ представить. Въ одномъ концѣ его сѣлъ Ранджитъ и въ продолженіе какихъ нибудь десяти минутъ слушалъ чтеніе Гринта или священной книги Сейковъ. Потомъ онъ сдѣлалъ подарокъ жрецу, и книгу вынесли, завернувъ ее предварительно въ десять различныхъ тканей, изъ коихъ наружная, въ ознаменованіе торжественности дня, была сшита изъ желтаго бархату. Послѣ этого поставлены были предъ его высочествомъ плоды и букеты цвѣтовъ, послѣдніе въ такомъ множествѣ, что, можно сказать, ни одинъ кустъ, ни одно дерево, цвѣтущее желтымъ цвѣтомъ, не остались безъ того, чтобъ не принести своей дани празднику. Такому исключительному предпочтенію этого цвѣта я не могъ приискать никакой другой причины, кромѣ прихотливой воли панджабскаго государя. За этимъ явились сановники и предводители войскъ, одѣтые въ желтое платье: они пришли къ Ранджитъ Син-

гу съ денежными приношеніями. Потомъ вошли два сына падшаго кабульскаго государя, Шахъ Заманъ и Шахъ Иубъ, и нѣсколько времени разговаривали съ Магараджею. Науабъ Мултана, также одѣтый въ желтое платье, представлялся Ранджиту съ своими пятью сыновьями и былъ принять имъ чрезвычайно милостиво. Это тотъ же самый человекъ, котораго такъ напугала кабульская миссія: теперь онъ состоитъ въ совершенной зависимости отъ Магараджи. Имъ ему Сарафразъ Ханъ. Агенты изъ Бауалпура и Синда явились въ свою очередь; Ранджитъ Сингъ подробно разговаривалъ съ ними объ открытіи Инда для торговли — предметъ великой политической важности въ настоящее время. По раболопной униженности этихъ агентовъ трудно было сказать, что они стояли здѣсь представителями тѣхъ людей, которые такъ много ненавидѣли Магараджу. По окончаніи церемоніи представленія, явились танцовщицы и, пользуясь всегдашнею милостью его высочества, не забыли попользоваться и грудами денегъ, предъ нимъ лежавшихъ: Ранджитъ, раздѣливъ между ними

почти все принесенное ему золото, приказалъ имъ пропѣть кой какія любовныя пѣсни и торжественную оду вину. Когда пѣніе кончилось, онъ велѣлъ принести вина, пригласилъ насъ выпить прощальный кубокъ, и мы съ нимъ разстались.

Нашъ отъѣздъ изъ Лагора былъ отложенъ на нѣкоторое время по случаю праздника, который его высочество желалъ намъ сдѣлать въ своемъ дворцѣ, Саманъ Бурджъ. На этотъ разъ мы представились къ Магараджъ въ саду, и онъ самъ повелъ насъ къ упомянутому мѣсту, превосходно-иллюминированному восковыми свѣчами: блескъ огней увеличенъ былъ тѣмъ, что предъ каждою свѣчею стояла стеклянка, наполненная цвѣтною водою. Прежде всего насъ ввели въ большую залу — древній чертогъ могольскихъ императоровъ — съ фасада открывавшуюся мраморною колоннадою, покрытою сводомъ. Потолокъ и всѣ стѣны ея были выложены зеркалами и вызолочены, что придавало ей самое очаровательное великолѣпіе. Нѣкоторыя части

этого дворца, также какъ и дворца въ Делли, кажется, многимъ обязаны изобрѣтательности какого нибудь европейскаго художника. Отсюда мы перешли въ небольшую комнату, спальню Магараджи, гдѣ собственно назначалось пиршество. Капитанъ Уэдъ и др. Мёррей также при этомъ присутствовали, и мы всѣ сѣли на серебряные стулья вокругъ егѳо высочества. По одну отъ насъ сторону находилась походная кровать егѳо, заслуживающая описанія: вся ея рама, столбики и ножки, совершенно облитыя золотомъ, покрыты были балдахиномъ изъ сплошныхъ листовъ этого драгоценнаго металла. Самая же кровать, задернутая занавѣсами изъ кашмирскихъ шалей, стояла дюймовъ на десять отъ полу на подножяхъ, сдѣланныхъ также изъ золота; подлѣ нее помѣщалось круглое золотое кресло. Въ одной изъ верхнихъ комнатъ дворца мы видѣли, такъ сказать, второй экземпляръ этихъ драгоценныхъ украшеній. Свѣчи горѣли въ золотыхъ рожковыхъ подсвѣчникахъ и ярко отражались на трехъ золоченныхъ стѣнахъ комнаты, въ которой мы сидѣли; вдоль четвертой

стъны, со стороны двора, во всю длину покоя, висѣла желтая шелковая занавѣсь. Здѣсь въ обществѣ нашего царственнаго хозяина мы отправляли празднество Бахуса. Ранджитъ не щадилъ вина, самъ наполнялъ наши рюмки и своимъ собственнымъ примѣромъ поощрялъ насъ пить. Онъ обыкновенно пьетъ на вѣсь, и воегдашній пріемъ его не превышаетъ вѣса восьми пайсовъ *; въ настоящемъ же случаѣ онъ выпилъ на восемнадцать пайсовъ. Любимое питье его состоитъ изъ крѣпкаго напитка, перегоняемаго изъ кабульскаго винограда: онъ необыкновенно жгучъ и гораздо крѣпче водки. Съ увеличеніемъ числа выпитыхъ рюмокъ Ранджитъ все болѣе и болѣе развеселялся и рассказывалъ намъ много любопытнаго о своей частной жизни. Онъ усмирилъ два бунта въ своемъ войскѣ; трое изъ его начальниковъ были убиты возлѣ него въ сраженіяхъ и однажды онъ вызывалъ своего противника на единоборство для рѣшенія спора. Разсказъ о битвахъ его высочества, казалось, заразилъ враждою танцовщицъ, призванныхъ

* Пайсъ—небольшая мѣдная монета.

въ комнату по обыкновенію къ концу пиршества. Магараджа наполнилъ ихъ виномъ и они передрались, къ его крайнему удовольствію и къ несчастію нѣкоторыхъ красавицъ, потерявшихъ въ общей схваткѣ тяжеловѣсныя украшенія ушей и носа. За этимъ принесли ужинъ, состоявшій изъ множества блюдъ роскошно-изготовленныхъ; кушанье, въ противоположность окружающему насъ великолѣпію, подавали на простыхъ древесныхъ листьяхъ, сшитыхъ на подобіе чашекъ. Блюда эти состояли изъ зайцевъ, куропатокъ, свинины и разной дичи. Ранджитъ ѣлъ много и самъ передавалъ намъ лучшія порціи. За этимъ подано было множество конфетъ и мороженое; но эти предметы описать легче, чѣмъ тѣ палаты, гдѣ мы ужинали. Далеко за полночь мы разстались съ Ранджитъ Сингомъ.

Посреди празднества и веселья мы, однако же, не могли совершенно забыть тѣхъ трудностей, которыя намъ предстояли, и потому не упускали случая воспользоваться опытностью гг.

Аллара и Куръ, путешествовавшихъ изъ Персін сухимъ путемъ чрезъ тѣ страны, въ которыя мы готовились вступить. Эти офицеры, казалось, желали превзойдти одинъ другаго внимательностью къ намъ: они, снабдивъ насъ письмами къ своимъ знакомымъ въ Афганистанъ, сообщили множество свѣдѣній и наставленій относительно предстоящаго намъ образа дѣйствія. Г. Куръ даже вручилъ мнѣ записку * по этому предмету, основанную на собственныхъ его опытахъ. Она заключаетъ въ себѣ много полезныхъ совѣтовъ для каждаго путешественника, и я, читая ее, не могъ не выразить своей глубокой признательности какъ г. Куру, такъ и г. Аллару, за принятое ими въ насъ участіе: тотъ и другой не скрывали своихъ опасеній за нашу поѣздку. Но мы прибыли въ Лагоръ не обсуживать успѣхъ, или неуспѣхъ нашего предпріятія, а собственно для того, чтобъ отсюда окончательно отправиться въ дорогу.

Вечеромъ, 10 Февраля, мы простились съ Магараджею Ранджитъ Сингомъ на плацъ-парадѣ,

* Смотри въ концѣ этой главы.

гдѣ онъ во второй разъ, съ примѣтною гордостью, показывалъ намъ успѣхи, приобретенные его войсками въ бросаніи бомбъ. При этомъ случаѣ онъ спрашивалъ моего собственнаго мнѣнія относительно открытія Инда для судоходства и замѣтилъ, что онъ, по всемъ вѣроятностямъ, извлечетъ изъ этого гораздо болѣе выгоды, чѣмъ правительство англійское, ибо рѣка Индъ и всѣ пять великихъ данницъ ея протекаютъ чрезъ его владѣнія. Онъ говорилъ объ этомъ предметѣ такъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ челоуѣка, обладающаго самыми проникающими взглядами на все его окружающее, и въ заключеніе прибавилъ, что ему не нравилась мысль о судахъ, проходящихъ по всемъ частямъ его государства: онъ опасается столкновенія съ британскимъ правительствомъ. Послѣ этого его высочество продиктовалъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ рекомендовалъ насъ правителямъ Пешауара и Кабула, равно и къ другимъ лицамъ по ту сторону Инда. Онъ также отправилъ приказанія ко всемъ подвластнымъ ему начальникамъ и агентамъ, живущимъ ме-

жду Лагоромъ и границами; потомъ со слона своего пожалъ каждому изъ насъ руку и, пожелавъ благополучія, убѣдительно просилъ меня писать къ нему какъ можно чаще, сообщать подробныя свѣдѣнія о странахъ, чрезъ которыя поѣду, объ ихъ политикѣ и обычаяхъ, и никогда не забывать его, гдѣ бы я ни находился. Въ степяхъ Татаріи и Бухары онъ напоминалъ намъ объ этомъ письмами, и мы вдали отъ его владѣній всегда охотно исполняли его желанія. Никогда не случилось мнѣ покидать азіятца съ такимъ впечатлѣніемъ, какое я ощущалъ въ себѣ при разставаніи съ этимъ удивительнымъ человѣкомъ: безъ всякаго образованія, безъ всякаго руководства, онъ править всѣми дѣлами своего государства съ неослабною силою и твердостью, употребляя власть свою съ умѣренностью, неслыханною въ восточномъ государѣ.

НАСТАВЛЕНІЯ Г. КУРА.

„ГОСПОДИНУ БОРНСУ ОТЪ ДРУГА ЕГО, Г. КУРА.“

„Французы говорятъ, если хочешь спокойно путешествовать, то, гдѣ бы ты ни находился, поступай по пословицѣ — съ волками жить по волчьи выть, т. е. сообразуйся во всемъ съ нравами и обычаями жителей тѣхъ странъ, чрезъ которыя поѣдешь. Вотъ основаніе наставленій,

„Начните съ слѣдующаго: отбросьте все, что только можетъ напомнить въ васъ европейца; ибо какъ скоро узнаютъ въ васъ жителей Европы, тотчасъ же вообразятъ, что вы везете съ собою всѣ рудники перуанскіе. Этимъ вы наживете себѣ толпу враговъ, потому что кочующія варварскія племена, между которыми вы намѣрены путешествовать, ищутъ только денегъ, а не личности путешественника. По это-

му старайтесь избѣгать всего, что можетъ возбуждать ихъ алчность. Представьте себѣ, что нѣсколько разъ случалось слышать, какъ они хвастались убіеніемъ того, или другаго человѣка изъ одного только желанія овладѣть какимъ нибудь предметомъ, составлявшимъ его собственность.

„Избѣгайте сколько возможно всѣхъ тѣхъ случаевъ, гдѣ можетъ быть оскорблена честь ваша. Если же неожиданнымъ образомъ что нибудь подобное и случится, то никогда не отвѣчайте на обиду съ запальчивостью, ибо отвѣчать на дерзость азійца тоже, что подбавлять горячаго вещества къ вспыхнувшему пламени. Если найдете себя вынужденными отвѣчать, то всегда представляйте причины самыя положительныя въ выраженіяхъ учтивыхъ, но смѣлыхъ.

„Примите за правило не входить въ тѣсную дружбу съ жителями Востока: они не способны къ искренней привязанности. Живите хорошо со всѣми, но ни съ кѣмъ не сдружайтесь. Та-

кой образъ дѣйствія обойдется вамъ дешевле всякаго другаго. Помните , что въ нихъ нѣтъ ни чести, ни откровенности, ни преданности, характеризующихъ насъ, европейцевъ. Правда, что по наружности они кротки, учтивы и ласковы, но подъ этими привлекательными личинами у нихъ постоянно кроются коварныя намѣренія. Предательство , измѣна , нарушеніе клятвы не имѣютъ въ ихъ глазахъ ничего предосудительнаго. По ихъ понятіямъ всякое право есть нуль; сила же , на-оборотъ , составляетъ все. Не воображайте , чтобъ то , что мы называемъ добротою , кротостью , снисходительностью, могло оказать вамъ какую нибудь пользу: они не умѣютъ цѣнить подобныхъ качествъ. Вы, какъ европейцы, не стыдитесь употреблять въ дѣло лесть, которая у азіятцевъ во всегдашнемъ и повсѣмъственномъ ходу; пользуйтесь ею съ избыткомъ : она можетъ доставить вамъ множество выгодъ.

„По выѣздѣ изъ Лагора , проститесь съ Бахусомъ: вы не встрѣтите его вплоть до Европы. Въ этомъ отношеніи вамъ предстоитъ важное

пожертвованіе; но оно избавитъ васъ отъ множества ссоръ, на которыя магоммедане всегда готовы по этому предмету. Будьте скромны въ вашихъ расходахъ: чѣмъ менѣе денегъ вы станете тратить, тѣмъ менѣе возбудите алчность азіятцевъ. Старайтесь не давать ни малѣйшаго подарка, ибо если вы наградите имъ одного человѣка, то немедленно явится множество другихъ въ ожиданіи чего нибудь подобнаго, и они не отстанутъ отъ васъ, пока не получатъ удовлетворенія. Въ народѣ показывайтесь какъ можно рѣже. Избѣгайте излишнихъ разговоровъ и въ особенности богословскихъ, въ которые магоммедане всегда любятъ вступать съ европейцами, или представляйте имъ ясныя доводы, если вамъ по необходимости придется высказать свое мнѣніе. Путевыя записки пишите втайнѣ, иначе вы можете возбудить подозрѣнія опасныя для вашей личности.

„Собирая свѣдѣнія, дѣлайте это умно и ловко; никогда не подавайте вида, что вы жаждете имѣть ихъ. Если край представляетъ что

нибудь любопытное, то посещайте мѣста, которыя желаете видѣть, такъ, какъ будто бы изъ препровожденія времени ; если они отдаленны, то всегда отправляйтесь туда подъ прикрытіемъ надежнаго конвоя.

„Выступайте въ путь при безопасныхъ караванахъ и никогда не отдаляйтесь отъ нихъ. Оказывайте уваженіе къ каравансарайщикамъ, ибо отъ нихъ почти всегда зависить счастливый успѣхъ путешественниковъ. Забравъ ихъ расположеніе, вы получите отъ нихъ все нужныя для васъ свѣдѣнія и этимъ избѣгнете необходимости спрашивать незнакомыхъ вамъ людей. Располагайте свои ночныя стоянки не иначе, какъ при самыхъ караванахъ ; но при этомъ пусть всегда кто нибудь изъ васъ стоитъ на сторожѣ.

„Будьте всегда вооружены съ головы до ногъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, казаться страшнымъ. Избѣгайте людей, навязывающихся съ своими услугами, ибо они-то по бѣльшей части и есть

хищники, добирающіеся до вашего кошелька. Прежде, нежели пуститесь въ дорогу, дайте понять, что вы не имѣете при себѣ денегъ и что можете получить ихъ не прежде, какъ по размѣнѣ переводныхъ писемъ. Половину своихъ денегъ постоянно имѣйте хорошо спрятанною. Въ мѣстахъ, гдѣ вы будете опасаться обыска, прячте ихъ заранѣе такъ, чтобъ ихъ нельзя было найти. Помните, что и меня обыскивали нѣсколько разъ: это можетъ случиться и съ вами, а потому имѣйте хорошія потаенныя мѣста для вашихъ денегъ.

„Если вамъ предстанетъ гдѣ нибудь случай платить ввозную пошлину, то рассчитывайтесь безъ затрудненій, если только требованія таможенныхъ приставовъ не превзойдутъ определенныхъ предѣловъ. Помните, что эти люди принадлежатъ къ числу тѣхъ негодяевъ, которые могутъ причинить вамъ самыя большія непріятности.

„Путешествуя въ странахъ, преданныхъ самому неистовому деспотизму, вы невольно уди-

витель свободѣ обращенія высшихъ классовъ народа съ высшими, и потому не считайте необыкновеннымъ дѣломъ, если какой нибудь бездѣльникъ выхватитъ изъ вашихъ рукъ каганъ и затянется благовоинымъ дымомъ. Не принимайте на себя надменнаго вида въ отношеніи кого бы то ни было: видъ и поведеніе факира суть для васъ самые приличныя.

„Науабъ Джабаръ Ханъ можетъ устранить всѣ затрудненія, которыя встрѣтятся вамъ на пути изъ Кабула въ Бухару; по этому постарайтесь понравиться ему — это одинъ изъ самыхъ честныхъ людей, съ которыми я встрѣчался въ Азій. Что касается до вашего намѣренія путешествовать по Хивѣ и оттуда къ берегамъ Каспійскаго моря, то я нахожу планъ вашъ совершенно неисполнимымъ; желаю, однако же, чтобы онъ увѣчался полнымъ успѣхомъ.

„Въ противномъ случаѣ обратитесь на Герать и Мешедъ; но не иначе пускайтесь въ этотъ путь, какъ съ многочисленнымъ и хорошо-во-

оруженнымъ караваномъ, ибо страны, чрезъ которыя вы пойдете, наполнены Туркоманами, блуждающими тамъ во всѣхъ направленіяхъ. Въ заключеніе скажу, что опытность, которую вы приобретете въ проѣздъ чрезъ эти страны, доставитъ вамъ указанія для руководства лучше моихъ наставленій.

„Да приведетъ васъ Господь въ безопасную пристань.“

ГЛАВА II.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВЪ ПАНДЖАБЪ ДО ИНДА.

Протившись съ гг. Алларемъ и Куромъ, мы около полудня 11 Февраля выехали изъ Лагора и остановились при гробницъ Джагангира, на берегахъ Рави. Не чувствуя въ себѣ ни унынія, ни недостатка въ рвеніи къ своему предпріятію, я, однако же, сознавалъ нѣкоторую грусть въ разлукѣ съ нашими гостепріимными друзьями, ибо и понынѣ смотрю на нѣсколько недѣль, проведенныхъ въ Лагорѣ, какъ на счастливейшія въ моей жизни. Это чувство усилено было еще тѣмъ, что первая ночевка наша не представляла въ себѣ ничего утѣшительнаго: мы провели ночь въ развалинахъ царскаго кладбища, когда-то освященнаго тѣнью государя и недавно - обращеннаго въ казарму для одной.

бригады пѣхоты, еще болѣе увеличившей въ немъ запустѣніе. Мы почевали въ одномъ изъ павильоновъ, окружающихъ гробницу, и тамъ слышали отъ жителей ребяческое увѣреніе въ томъ, что гробъ этого императора, подобно гробу Магоммеда, виситъ въ воздухъ, поддерживаемый силою двухъ магнитовъ; но стоить только войти въ подземный склепъ, чтобы убѣдиться, что онъ стоитъ на землѣ.

Въ этомъ мѣстѣ намъ нужно было покинуть почти все свое имущество и отказаться отъ всѣхъ привычекъ, сдѣлавшихся второю натурою, ибо успѣхъ нашего предпріятія зависѣлъ отъ этихъ пожертвованій. Мы отложили наше европейское платье и во всемъ приняли азіятскіе костюмы: узкую одежду свою промѣняли на широкую афганскую, опоясались саблями и *кам-маръ-бандами* (кушаками), обрили головы и, крехтя подъ огромными чалмами, шмыгали туфлями; при входѣ же въ домъ обнажали не голову, а ноги. Мы отдали всѣ наши палатки, постели и ящики, разломали столы и стулья.

Одъяла или *каммалы* служили намъ для покрыванія сѣдель днемъ и самихъ себя ночью; большая часть моего уменьшеннаго гардероба вмѣщалась теперь въ *хурджинъ* или засѣдельномъ мѣшкѣ, прикрѣпленномъ на крупѣ лошади. У каждаго изъ насъ было еще по одному мулу, на которомъ навьючивался весь остальной багажъ съ книгами и инструментами; на этихъ же мулахъ ѣхала прислуга. Землемѣру Магоммеду Али и молодому Индусу Моганъ Лалу назначено было по небольшой лошадакѣ (*ропу*) каждому. Всѣ эти приготовленія требовали много времени и соображеній: мы жгли, ломали и раздавали цѣлые выюки нашего имущества, принося ихъ, такъ сказать, въ жертву ненасытному демону алчности Хиберцевъ, грабящихъ съ незапамятныхъ временъ путешественниковъ, пускающихся за Индъ. Казалось, каждый изъ насъ совершенно понималъ необходимость такой жертвы, ибо мы всѣ цѣнили жизнь свою дороже имущества. Къ чему послужило бы принятіе обычаевъ и одежды Востока, если бы мы были окружены всѣми при-

надлежностями образованія? Впрочемъ, какъ ни странно и ни неловко было намъ сидѣть поджавъ подъ себя ноги и писать положивъ журналъ на колѣни, мы скоро привыкли къ такой перемѣнѣ, а потомъ уже легко могли обходиться безъ вина и водки и ѣсть безъ ножей и вилокъ одними пальцами съ мѣдныхъ тарелокъ.

На половинѣ дороги къ Ченабу, мы остановились въ саду Котъ, сельскомъ жилищѣ одного изъ полковниковъ арміи Ранджитъ Синга. Мѣсто это необыкновенно прекрасно: оно имѣеть около 100 ярдовъ въ квадратъ и все засажено цвѣтами и фруктовыми деревьями; большая часть первыхъ была теперь въ полномъ цвѣтѣ. Исчисленіе деревьевъ можетъ дать хорошее понятіе о благорастворенности здѣшняго климата; тутъ росли: персики, абрикосы, сливы-амиты, винныя ягоды, гранаты, айвы, сладкіе и горкіе апельсины, лимоны, гуава, виноградъ, манго, джамбу, беръ, финики, кардамонъ, миндаль, яблоки и еще шесть, или семь породъ фруктовъ, не имѣющихъ названій на европей-

скихъ языкахъ, это, именно, *гулеръ*, *согожна*, *гульчинъ*, *амтассъ*, *бель*, *бассура* и проч. Всѣ аллеи этого сада обсажены прекрасными кипарисами и плакучими ивами, а въ цвѣтникахъ повсюду растутъ нарцисы и *сидбарги* или столбчатныя розы. Многія изъ поименованныхъ деревьевъ суть туземныя; другія же вывезены изъ Кашмира. Садовникъ, управлявшій садомъ, также былъ родомъ изъ этой области. Хозяинъ этого мѣстечка находился въ отсутствіи: сельское жилище его было въ безпорядкѣ, садъ запущенъ, ибо владѣлецъ самъ находился въ затруднительныхъ денежныхъ обстоятельствахъ въ слѣдствіе скупости его государя. Сынъ его, острый мальчикъ лѣтъ девяти отъ-роду, сдѣлалъ намъ визитъ и прочиталъ наизусть нѣсколько стиховъ какого-то персидскаго поэта, заученныхъ имъ въ школѣ. Малютка! ему суждено быть свидѣтелемъ кровавыхъ дѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, великихъ переменъ въ его отечествѣ.

На разстояніи какихъ нибудь двадцати миль отъ Ченаба мы опять завидѣли горныя выси:

Гималаевъ , поднимавшихся къ небу во всемъ своемъ величїи. То были горы , стоящїя надъ Бимбаромъ , по дорогѣ въ Кашмиръ , гдѣ Бернье описывалъ свои страданїя отъ зноя. Въ настоящее время вершины ихъ бѣлы снѣгомъ. Не возможно смотрѣть на эти горы безъ особеннаго чувства восторга: онѣ развлекаютъ и очаровываютъ взоры , утомленные однообразїемъ равнинъ Панджаба. Судя по опредѣленнымъ высотамъ тѣхъ вершинъ , которыя находятся болѣе къ востоку, онѣ не ниже 16.000 футовъ надъ моремъ. О разстоянїи ихъ мы не могли составить себѣ понятїя , ибо карта не представляла вѣрной идеи о направленїи этого хребта. При всѣхъ возможныхъ соображенїяхъ нашихъ , самыя высокїя изъ вершинъ были не ближе 160 миль и представлялись намъ подъ угломъ 51 минуты. На всемъ этомъ хребтѣ не видно было ни одного пика. Нельзя ли изъ такого правильнаго прямолинейнаго очертанїя его заключить , что онѣ принадлежатъ къ траповой , или известковой формаціямъ?

Мы достигли береговъ Ченаба или Асесина при большомъ городкѣ Рамнагарѣ, любимомъ мѣстечкѣ Ранджитъ Синга, гдѣ онъ нерѣдко сосредоточивалъ свои войска для похода за Индъ. Городъ этотъ стоитъ на равнинѣ, способствующей упражненіямъ арміи. Прежде это мѣстечко называлось Рассулъ, но со времени низпроверженія магоммеданскаго владычества оно именуется Рамнагаромъ. Первое названіе значитъ городъ пророка, а второе—городъ Бога.

Доабъ, лежащій между Рави и Ченабомъ, обработанъ лучше того, чрезъ который мы предъ этимъ проходили; почва здѣсь плодороднѣе, не взирая на то, что она песчана. Въ среднихъ частяхъ его колодцы имѣютъ только двадцать пять футовъ глубины. Въ нихъ температура воды равняется среднимъ числомъ 70° Фаренгейта. По утрамъ надъ ними поднимаются столбы паровъ до тѣхъ поръ, пока атмосфера достаточно не нагрѣется. Въ это время года здѣсь сыро и холодно; часто выпадаютъ дожди; атмосфера наполнена облаками; вѣтеръ обыкно-

венно дуетъ съ сѣвера. Сахарный тростникъ однако же растетъ хорошо; когда мы проѣзжали, жители выжимали изъ него сокъ: это совершается посредствомъ двухъ горизонтально-положенныхъ одинъ надъ другимъ катковъ, обыкновенно приводимыхъ въ движеніе парю воловъ. Животныя вертятъ колесо, обращающее два другія еньшія, вертикально-стояція подъ прямымъ къ нему угломъ и сообщающіяся съ деревянными катками. Когда я разсматривалъ эти машины, хозяинъ заведенія подошелъ ко мнѣ и объяснилъ ихъ устройство, а потомъ поднесъ мнѣ нѣсколько гура или необдѣланнаго сахару,—перваго плода настоящаго времени года. Хозяинъ, простой грубый Джать, явился къ намъ въ сопровожденіи своего сына, и когда я, спрашивая о свѣдѣніяхъ этого мальчика, посоветовалъ отдать его въ школу, то отецъ отвѣчалъ, что ученіе не требовалось для земледѣльца. Такое же точно мнѣніе, къ сожалѣнію должно сказать, господствуетъ и въ высшихъ классахъ. Самъ Ранджитъ Сингъ, равно и сынъ его, столько же необразованы; Магараджа даже препятствуетъ

обученію своего внука, подпоющаго во всѣхъ отношеніяхъ большія надежды.

Въ Рамнаггаръ насъ посѣтилъ одинъ весьма почтенный, восьмидесяти-двухъ-лѣтній сейкскій начальникъ, сражавшійся еще въ рядахъ дѣда Ранджита Синга. Не смотря на посеребренную годами голову, онъ былъ старикъ свѣжій и бодрый и явился къ намъ въ совершенно-бѣлой одеждѣ, что въ этой странѣ служить отличительнымъ признакомъ старой школы. Болтливость старости овладѣла имъ вполне, и онъ живо описывалъ намъ подвиги своей молодости и постепенное возрастаніе сейкского народа. „Въ Гринтѣ или святой книгѣ предсказано“, говорилъ онъ намъ, „что повсюду, гдѣ есть конь, или копые, будутъ начальники и солдаты въ странѣ нашей. Съ каждымъ днѣмъ это предсказаніе подтверждается“, продолжалъ онъ, „ибо число брахманцевъ въ сейкскую вѣру увеличивается среднимъ числомъ по 5000 челоуѣкъ ежегодно.“ Едѣ политическое усиленіе идетъ за религіознымъ преобладаніемъ, тамъ не много нужно

предвѣднія, чтобъ угадать разширеніе секты: съ нашествіемъ Патановъ, Индусы преобразовались въ магоммеданъ, съ распространеніемъ сейкской власти и магоммедане и Индусы преобразовались въ Сейковъ или Синговъ. Истинный Сингъ или Халза не знаетъ другаго занятія, кромѣ войны и земледѣлія, но первое онъ любить болѣе послѣдняго, а послѣдователь Баба Нанака слѣдуетъ торговлѣ. Сейки, можно сказать, составляютъ націю, усиливающуюся болѣе всѣхъ другихъ въ новѣйшей Индіи. Почтенный знакомецъ нашъ много говорилъ намъ о развращеніи нравовъ, господствующемъ въ его отечествѣ; но сильное правленіе и общій тонъ народа не подтверждаютъ его мнѣнія.

Явленіе сейкского народа представляетъ любопытный предметъ для размышленія, точно также, какъ и взаимное сходство людей, его составляющихъ. Четыреста лѣтъ тому назадъ Сейки какъ особое племя извѣстны не были, а теперь общія черты всего этого народа столько же отличаются отъ всѣхъ его сосѣдей, сколько

Индійцы отличаются отъ Китайцевъ: продолговатость лица и необыкновенная правильность фізіономіи суть ихъ характеристическія отличія отъ другихъ племенъ. Не трудно понять, какъ нація, имѣющая свои собственные обычаи, приобрѣтаетъ ей только свойственные характеръ и нравы; но за то почти нѣтъ возможности объяснить, какимъ образомъ нѣскольکو сотъ тысячъ народа въ столь короткое время могли приобрѣсть такое же рѣзкое національное сходство, какое проявляютъ дѣти Израиля.

Мы переправились чрезъ Ченабъ или Ассинъ на обыкновенномъ поромѣ, почти въ трехъ миляхъ отъ деревни. Рѣка въ этомъ мѣстѣ имѣла триста ярдовъ ширины при глубинѣ девяти футовъ на пространствѣ двухъ третей всего русла. Берега ея низки по обѣ стороны и потому вода быстро разливается въ жаркое и дождливое время года. Мы знаемъ изъ исторіи, что Александръ Великій принужденъ былъ поспѣшно отодвинуть свой лагерь отъ сосѣдства съ Ассинномъ, который у Арріана описывается быстрою

рѣкою. Въ пору дождей она дѣйствительно быстра; но во время нашей переправы ея теченіе равнялось одной съ половиною мили въ часъ; есть мѣста, гдѣ ее можно переходить въ бродѣ. Температура воды восходила до 53°, что ниже температуры другихъ трехъ рѣкъ Панджаба, чрезъ которыя мы переправлялись, т. е. Сат-леджа, Біаса и Рави.

Мы остановились на правомъ берегу рѣки возлѣ одной мечети, состоявшей изъ земляныхъ стѣнъ, на которыхъ лежала плоская крыша, обмазанная землею. Правовѣрные имѣютъ въ этомъ строеніи очагъ, служащій имъ для согрѣванія воды при омовеніяхъ. Если мы въ некоторой степени и нарушили святыню этого мѣста, избравъ его своею квартирою, то, кажется, отчасти искупили свой проступокъ щедрою раздачею лекарствъ между жителями, которые говорили намъ, что какой-то зловредный вѣтеръ подулъ недавно надъ ихъ краемъ и что это обстоятельство по пріѣздѣ фиринджискаго (европейскаго) доктора поразило ихъ всѣхъ болѣзнями.

Женщины, также какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, дѣлали намъ самое многосложное исчисленіе своихъ недуговъ; однако же, нашъ докторъ, не успѣвъ вылечить ихъ на дѣлѣ, произвелъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое впечатлѣніе на ихъ воображеніе, а это что нибудь да стоитъ. Здѣшніе жители очень много подвержены болѣзни называемой *нузла* (слово въ слово — истеченіе), или просто, какъ кажется, насморкъ, ибо насъ увѣряли, что она состоитъ въ истеченіи изъ ноздрей, истощающемъ мозгъ и все тѣло и оканчивающемся смертью. Эта болѣзнь приписывается соли, употребляемой въ этомъ краѣ и добываемой изъ горъ. Въ Панджабѣ преобладаютъ еще глазныя болѣзни, причиняемыя селитрянными частицами преимущественно на берегахъ рѣкъ. Попросите здѣшняго жителя объяснить эту, или какую нибудь другую болѣзнь, и онъ скажетъ вамъ, что она, также какъ и всякій недугъ, принадлежитъ къ числу наказаній за наши прегрѣшенія, сдѣланныя на землѣ, или въ первобытномъ состояніи нашего существованія. Въ ученіи о переселеніи душъ они

видяты будущую мѣру награды и наказанія.

Прѣхавъ еще сорокъ пять миль, мы достигли береговъ Джелама или знаменитаго Гидаспа Грековъ, протекающаго по наносной равнинѣ, при подошвѣ невысокаго утесистаго хребта горъ. Тутъ мы съѣли на суда и, проплывъ миль пять внизъ по этой рѣкѣ, спугнули на пути нѣсколько крокодиловъ съ острововъ, которыхъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ на другихъ рѣкахъ Панджаба. Объ этомъ упоминается и у Арріана, который описываетъ Гидаспъ рѣкою „грязною и быстрою,“ текущею съ скоростью трехъ, или четырехъ миль въ часъ, что совершенно справедливо. Наканунъ нашего прѣзда шелъ дождь, вода въ рѣкѣ измѣнила свой цвѣтъ и во многихъ мѣстахъ бѣжала съ клокотаніемъ. Обыкновенно рѣка Джеламъ меньше Ченаба, но въ это время ширина ихъ одинакова. По выходѣ на берегъ, мы прѣхали по прекраснымъ зелѣющимъ лугамъ, разстилающимся вплоть до города Пиндъ Даданъ Хана, въ которомъ мы остановились.

Историческія воспоминанія и красоты природы увеличивали наше удовольствіе, когда мы слѣдовали путемъ Гифестіона и Кратера и когда плыли по рѣкѣ, нѣкогда поднимавшей флотилію Александра. По переѣздѣ чрезъ Ченабъ, мы путешествовали по странамъ, которыя этотъ завоеватель присоединилъ къ государству Пора послѣ битвы при Гидаспѣ. Въ слѣдующемъ описаніи Арріана я узнаю теперешнихъ жителей: „они крѣпко сложены, имѣютъ сильныя члены, а ростомъ выше всѣхъ другихъ азіатцевъ“. Нельзя, однако же, представить себѣ ничего бѣднѣе страны, лежащей между Ассиномъ и Гидаспомъ: это безплодная пустыня, покрытая кустарниками, обитаемая пастухами и скудно-снабженная водою, которую находятъ не ближе, какъ на шестидесяти пяти футахъ подъ поверхностью земли. Въ одной изъ немногихъ деревень этого края, мы останавливались близъ колодца, вырытаго цѣломудренною дѣвицею, построившею тутъ мечеть изъ благотворительныхъ цѣлей. Подобныя женщины называются *пакъ даманы*, что собственно значить чистое одѣяніе. Онѣ

обрекаютъ себя въ жены Корану. Магоммедане, принадлежавшіе къ нашему обществу, навѣщали эту дѣвицу; а мы съ своей стороны сдѣлали пожертвованіе въ ея пользу, заказавъ новыя бадьи для вытаскиванія воды.

Городскія власти Пиндъ Дадагъ Хана встрѣтили и привѣтствовали насъ на берегахъ рѣки. Они поднесли намъ 500 рупій и нѣсколько банокъ съ вареньемъ. Пиндъ Дадагъ Ханъ есть главный городъ небольшого округа и имѣетъ до 6000 жителей. Онъ состоитъ изъ трехъ небольшихъ городковъ, лежащихъ одинъ подле другаго въ разстояніи какихъ нибудь четырехъ миль отъ рѣки. Дома его построены точно также, какъ и всѣ другіе въ Панджабѣ; но плотническая работа вся состоитъ изъ кедра (деодара), сплавляемаго съ Гимазаевъ во время полноводія. Прочность и благовоніе этого дерева даютъ ему преимущество во всѣхъ постройкахъ. Мы видѣли на берегахъ Гидаспа кедровое дерево, имѣвшее тринадцать футовъ въ окружности. На этой рѣкѣ Македоняне строили свою

флотилію , на которой послѣ плыли по Инду. Замѣчательно , что подобныя деревья не сплавляются ни по одной изъ другихъ рѣкъ Панджаба , и что ни на одной изъ нихъ нѣтъ такихъ удобствъ для судостроенія.

Пиндъ Даданъ Ханъ лежитъ въ пяти миляхъ отъ соляныхъ горъ , проходящихъ отъ Инда до Гидаспа. Въ нихъ разрабатывается множество копей , доставляющихъ этотъ матеріалъ. Мы останавливались здѣсь на цѣлый день , чтобъ осмотрѣть эти любопытныя мѣста , и я постараюсь описать ихъ. Мы нашли около 100 человекъ , работающихъ въ одной изъ солеломней ; люди эти смотрѣли на насъ съ такимъ же удивленіемъ , съ какимъ мы любовались превосходными кристаллами красной соли , изъ которой состоятъ стѣны. День нашего посѣщенія этой копи мы обратили въ день радости , раздавъ рабочимъ часть тѣхъ денегъ , которыя намъ повсюду подносили ; мы и не могли бы лучше употребить ихъ , ибо эти бѣдные люди представляли верхъ нищеты. Женщины съ груд-

ными малютками, дѣти и старики, всѣ наравнѣ заняты были выноскою соли; ихъ мертвенныя взоры и стѣсненное дыханіе невольно возбуждали состраданіе. Мы роздали имъ по одной рупіи на брата: такой щедрости они ни какъ не ожидали, ибо могли заработать рупію не прежде, какъ по выломкѣ 2000 фунтовъ соли.

Въ возвышенныхъ частяхъ Кабула, между городомъ этого же имени и между Пешауаромъ, тянется горный хребетъ, начинающійся отъ Бѣлыхъ горъ (Сафидъ Кохъ); онъ переходитъ чрезъ Индъ при Карабахъ и оканчивается на правомъ берегу Джелама или Гидаспа древнихъ. Этотъ хребетъ прежде обозначался на нашихъ картахъ, по переходу его чрезъ Индъ, подъ именемъ Джу-да; но онъ справедливѣе именуется *Солнымъ хребтомъ* по огромности заключающихся въ немъ соляныхъ пластовъ. Въ сочиненіи г. Эльфинстона можно найти описаніе той части этого хребта, гдѣ Индъ, протекая къ югу, разрываетъ его близъ Карабаха и обнажаетъ сокры-

тыя въ немъ минеральныя сокровища. Въ окрестностяхъ Пиндъ Даданъ Хана, лежащаго почти на 100 миль къ с-з, отъ Лагора, копи, снабжающія этою солью сѣверныя провинціи Индін, также находятся въ этомъ хребтѣ. Слѣдующія подробности хотя и не представляютъ ученаго описанія этихъ копей, однако же могутъ дать нѣкоторое объ нихъ понятіе, неполное потому только, что данныя собраны мною, такъ сказать, мимоходомъ во время путешествія въ этихъ отдаленныхъ и мало-посѣщаемыхъ странахъ Панджаба.

Соляной хребетъ составляетъ южный предѣлъ столовой земли, лежащей между Индомъ и Гидаспомъ, и поднимающейся почти на 500 футовъ надъ равниною Панджаба. Горы же достигаютъ высоты 1200 футовъ надъ долиною Джелама, что даетъ имъ почти 2000 футовъ возвышенія надъ моремъ. Ширина этого хребта болѣе пяти миль. Онъ состоитъ изъ формации песчаника, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчающагося въ вертикальныхъ пластахъ съ ло-

жами галышей или округленныхъ камней, залегающими въ разныхъ частяхъ его. Растительность здѣсь самая бѣдная: высокія, почти перпендикулярныя и обнаженныя скалы представляютъ страшную картину запустѣнія. Теплыя ключи встречаются во многихъ мѣстахъ; есть также квасцы, антимоній и сѣра. Красная глина, преимущественно находимая въ долинахъ, служитъ вѣрнымъ признакомъ соляныхъ осадковъ и видна съ промежутками почти по всему хребту. Главная добыча соли теперь производится въ Пиндѣ Даданъ Ханѣ, откуда она съ болѣею удобностью перевозится: какъ вверхъ, такъ и внизъ по судоходной рѣкѣ.

Близъ деревни Кеора, въ пяти миляхъ отъ Пиндѣ Даданъ Хана, мы осматривали одну изъ главныхъ копей. Она находилась на окраинахъ хребта, въ долину, промытой соленоводною рѣчкою, и была открыта въ горѣ въ упомянутой красно-глинистой формации, почти на разстояніи 200 футовъ отъ подошвы. Насъ ввели въ узкую галерею, имѣвшую только такую ши-

рину, какая потребна для прохождения двухъ человекъ въ рядъ; длина ея равнялась 350 ярдамъ, изъ коихъ на пятьдесятъ нужно было спускаться внизъ. Миновавъ галерею, мы вступили въ пещеру, имѣвшую неправильную форму во сто футовъ высоты и совершенно изсѣченную изъ соли, которая лежала необыкновенно-правильными пластами, встречающимися, подобно наружнымъ породамъ, въ вертикальномъ положеніи. Изъ которыхъ изъ нихъ, однакоже, лежатъ подъ угломъ отъ двадцати до тридцати градусовъ и представляютъ точно такой же видъ, какъ кирпичи, положенные одинъ на другой. Ни одинъ пластъ не имѣетъ болѣе одного съ половиною фута въ толщину, и каждый вполне отдѣляется отъ сосѣдствующаго съ нимъ пласта осадкомъ глинистой земли почти въ одну восьмую дюйма толщиной, что совершенно походитъ на известъ, лежащую между рядами кирпичей. Иногда соль встрѣчается въ шестиугольныхъ кристаллахъ, чаще же въ простыхъ массахъ: вся она окрашена краснымъ цветомъ, переходящимъ изъ самой тонкой тѣни въ самую

густую ; когда ее истолкутъ , то она является бѣлою . Температура воздуха въ копи превышаетъ температуру атмосферы почти на двадцать градусовъ : тамъ термометръ стоялъ на 64° (въ Февраль) . Жители говорятъ , что въ жаркое время года въ этой копи гораздо холоднѣе ; это , однако же , показываетъ , что температура въ ней мало измѣняется , ибо теплота атмосферная сама подвергается перемѣнамъ сообразно съ временами года . Сырости , которая обыкновенно присутствуетъ въ соляныхъ копейхъ , мы не ощущали .

Около ста человекъ мужчинъ , женщинъ и дѣтей работали въ копи ; ихъ небольшія , тусклогорѣвшія лампы висѣли по стѣнамъ пещеръ и въ ея разщелинахъ отражались со всехъ сторонъ на рубиновыхъ кристаллахъ соли . Копь разрабатывалась отъ самаго верхняго пласта до самаго нижняго . Соль тверда и хрупка , такъ , что распадается кусками при ударѣ молоткомъ , или мѣткою . Взрываніе порохомъ здѣсь никогда не производится изъ опасенія обрушить крышу ;

такіе случаи не рѣдко бывають и при теперешнемъ простомъ образѣ разработки. По этой же самой причинѣ работы прекращаются въ дождливое время года на два мѣсяца. Рабочіе люди живутъ въ сосѣднихъ деревняхъ между горами. Они имѣють самое нездоровое тѣлосложеніе, но не подвержены никакимъ особеннымъ болѣзнямъ. Они получаютъ по одной рупіи за каждые двадцать маундовъ соли, вынесенной изъ копи, что мужъ съ женою и сыномъ могутъ сдѣлать не прежде, какъ послѣ двухдневной работы. Въ тѣхъ копияхъ, гдѣ этотъ минералъ лежитъ при земной поверхности, соль вырубается кусками въ четыре маунда каждый: два такихъ куска составляютъ одинъ верблюжій вьюкъ; обыкновенно же ихъ дробятъ на меньшіе куски. Соль эта пользуется громкою славою во всей Индіи между туземными врачами, по причинѣ своихъ цѣлебныхъ качествъ. Она, однако же, не совершенно чиста, ибо имѣетъ значительную примѣсь какого-то вещества (вѣроятно, магnezіи), что дѣлаетъ ее негодною для соленія мяса. Ту-

земцы Панджаба относятъ причину упомянутой выше болѣзни *нузу* присутствію этого вещества.

Такъ какъ соляной хребетъ представляетъ немощимые запасы соли, то копи могутъ доставлять какое угодно количество оной. Двѣ тысячи пять сотъ лагорскихъ маундовъ (изъ коихъ каждый равняется 100 фунтамъ англійскимъ) вынимаются ежедневно, а это даетъ около 800.000 маундовъ въ годъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ соль на мѣсть ломки продавалась по половинѣ и даже по четверти рупіи за маундъ; но теперь цѣна повысилась до двухъ рупій, кромѣ пошрины. Панджабское правительство строго монополируетъ ее, и Ранджитъ Сингъ надѣется получать съ этого продукта до шестнадцати лаковъ пошрины. На разработку ее необходимо до двухъ съ половиною лаковъ. Барышъ равняется почти 1.100 процентамъ, не смотря на то, что соль эта продается на одну треть ниже цѣны бенгальской соли, — цѣны, равняющейся среднимъ числомъ пяти рупіямъ за маундъ

въ 80 фунтовъ.* Панджабская соль сплавляется по Джеламу въ Мултани и Бауалпуръ, гдѣ она встрѣчается съ солью озера Самбра. Она также идетъ до Джамны и до Кашмира; но не вывозится на западъ отъ Инды. Ранджитъ Сингъ запретилъ приготовленіе соли во всѣхъ своихъ владѣніяхъ; но, не взирая на это, сомнительно, чтобъ онъ могъ постоянно получать такой большой доходъ, какой доселѣ получалъ съ нея. Человѣкъ, содержащій эту промышленность на откупъ, жестокой и неумолимый отъ природы, беспощадно мучитъ народъ, занимающійся этимъ дѣломъ. Жители не могли мнѣ сказать, съ котораго времени эти копи начали разрабатываться; но должно думать, что начало промысла относится къ глубокой древности, ибо жила этого минерала размыты Индомъ. Хотя известно, что копи разрабатывались при императорахъ Индустана, однако же любознательный Баберъ ничего не упоминаетъ объ нихъ въ своихъ запискахъ.

* Смѣтри донесеніе Г. Рамзѣй Палатъ Перовъ.

Къ Джелалпуру мы шли по правому берегу Джелама на пространство почти тридцати миль въ странѣ чрезвычайно богатой и плодородной. Земледельцы въ это время косили зеленую пшеницу на кормъ скотинѣ. Соляной хребетъ идетъ параллельно съ этою рѣкою и представляетъ совершенную противоположность съ ея плодородною долиною, ибо на немъ нѣтъ никакой растительности. Деревни, стояція на передовыхъ горахъ этого хребта, чрезвычайно живописно видѣются одна надъ другою. Всѣ онѣ замѣчательны какъ своимъ мѣстоположеніемъ, такъ и своимъ благосостояніемъ. Мы останавливались въ одной изъ нихъ, отличавшейся порядкомъ и чистотою. Домъ, который отвелъ намъ подъ квартиру, имѣлъ одну комнату въ шестнадцать футовъ длины и въ восемь ширины; въ немъ стояли шкафы и комоды. Хлѣбные сараи наполнены были житою. Всѣ строения, какъ внутри, такъ и снаружи, обмазаны сѣватою глиною, что придаетъ имъ очень опрятный видъ; а такъ какъ деревни стоятъ на покатостяхъ горъ, то дождевая вода

смываетъ изъ нихъ всякую нечистоту. Какъ бы въ вознагражденіе за гостепріимство, сдѣланное намъ въ этой деревнѣ, др. Жерардъ имѣлъ счастье спасти одну бѣдную женщину, умиравшую отъ воспаленія — онъ пустилъ ей кровь.

Историки думаютъ, что при Джелалпурѣ Александръ имѣлъ битву съ Поромъ и разбилъ его, успѣвъ искуснымъ маневромъ переправиться черезъ Гидаспъ. Есть много обстоятельствъ, подтверждающихъ это мнѣніе, ибо, согласно съ описаніемъ Квинта Курція, здѣсь мы видимъ „острова въ рѣкѣ, крутые берега и быстрыя воды.“ Но слова „подводные камни“, кажется, указываютъ на другое мѣсто, выше, именно на селеніе Джеламъ. Большія дороги, идущія отъ Инда, пересѣкаютъ эту рѣку въ двухъ мѣстахъ, въ Джелалпурѣ и Джеламѣ; послѣдняя есть большая дорога, ведущая изъ Татаріи: по ней-то, кажется, шелъ Александръ. Каменистый характеръ береговъ и русла этой рѣки служили намъ признаками для опредѣленія пути этого завоевателя, ибо направленіе рѣки не могло

измѣниться. При Джеламѣ рѣка эта раздѣляется на пять, или на шесть рукавовъ, чрезъ которые во всякое время можно переходить въ бродъ, кромѣ поры монсуновъ.

Почти въ пятнадцати миляхъ ниже Джеламы, на разстояніи какой-нибудь тысячи ярдовъ отъ Гидаспа, близъ новой деревни Дарапура, мы видѣли обширныя развалины, называемыя Удинаггаръ, которыя, по видимому, принадлежали городу, имѣвшему отъ трехъ до четырехъ миль протяженія. Преданія жителей объ этихъ развалинахъ вообще сбивчивы и неудовлетворительны: они относятъ ихъ къ потоку и ко временамъ Пророка Ноя. Здѣсь находятъ много мѣдныхъ монетъ; тѣ изъ нихъ, которыя были принесены ко мнѣ, имѣли на себѣ арабскія письма. Тутъ же недавно вырыли изъ земли плиту съ надписью на этомъ же языкѣ и также приносили ее показать мнѣ. Г. Куръ сообщилъ мнѣ, что возлѣ этихъ мѣстъ когда-то найдена была трубчатая колонна съ капителю, весьма походившею на коринтскій орденъ. Она,

однако же, имѣла на себѣ индусское изображеніе. Въ настоящее время здѣсь нѣтъ ни одного цѣлаго зданія; но вся поверхность земли усыяна осколками выжженныхъ кирпичей и глиняной посуды, которая, какъ кажется, отличалась изяществомъ. На другой сторонѣ Гидаспа, противоположной Дарапуру, есть возвышенность, которая, говорятъ, современна Удинагару. Теперь на ней стоитъ деревня Мушгъ, гдѣ мнѣ удалось добыть двѣ санскритскія монеты. За этою деревнею, близъ Гарія Бадшапура, есть еще какія-то обширныя развалины. Мнѣ кажется весьма правдоподобнымъ, что Удинагаръ соответствуетъ положенію Ниса и что упомянутая возвышенность и развалины на западномъ берегу обозначаютъ мѣстоположеніе Бупефалія. Изъ исторіи мы знаемъ, что эти два города были построены столь близко къ Гидаспу, что Александръ, на возвратномъ пути своемъ изъ похода въ Панджабъ, нашелъ нужнымъ отодвинуть ихъ нѣсколько далѣе отъ берега. Къ этому побудило его то, что они съ каждымъ разлитіемъ рѣвки подвергались затопленію. Города, пользуясь

щіея хорошимъ мѣстоположеніемъ, рѣдко бывають оставляемы своими жителями; а если это и случается, то возлѣ нихъ всегда возникаютъ другіе новые города, и это, я думаю, можетъ объяснить присутствіе арабскихъ монетъ, здѣсь находимыхъ. По исторіи, Александръ разбилъ свой лагерь на равнинѣ въ разстояніи 150 стадій отъ Гидаспа, и мы дѣйствительно нашли въ окрестностяхъ этихъ мѣстъ обширную равнину.

Занимаясь изслѣдованіями объ остаткахъ городовъ Александра Великаго, мы какъ бы невольнымъ образомъ размышляли о состояніи этого края въ его время. Исторія говоритъ, что Поръ, съ которымъ Александръ бился на берегахъ Гидаспа, имѣлъ 30.000 пѣхоты, 4000 конницы, 200 слоновъ и 300 военныхъ колесницъ, и что онъ покерилъ подъ власть свою всѣхъ сосѣдей. Если переименовать эти колесницы на пушки, то мы получимъ тѣ же самыя числа, изъ каковыхъ состоитъ регулярная армія Ранджитъ Синга, *Пора новѣйшихъ вре-*

меня, точно также подчинившаго себя всѣхъ своихъ сосѣдей. Одна и та же страна обыкновенно можетъ выставить одно и то же число войска, если только ея народонаселеніе не будетъ уменьшено какими нибудь случайными обстоятельствами.

Оставивъ берега Джелама, мы вступили въ страну Потіуаръ, населенную племенемъ, называющимъ себя Гакеръ, которое славится красотою и приписываетъ себя раджпутское происхожденіе. Легковѣріе этого народа также велико, какъ и во всѣхъ другихъ частяхъ Индіи. Одинъ весьма почтенный человѣкъ увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ въ горномъ округѣ Манди, на Сатледжѣ, озеро, называемое Рауэзиръ и имѣющее на себѣ три небольшіе плавучіе острова. Озеро это принадлежитъ къ числу мѣстъ индусскаго обожанія: разскащикъ увѣрялъ, что плавучіе острова при появленіи богомольцевъ приближаются къ берегу и, принявъ отъ нихъ приношенія, снова отплываютъ. Ясно, что дѣло это совершается не безъ обмана, однако же,

столь хорошо скрытаго, что это мѣсто и доселѣ не утратило своей славы. Одинъ туземецъ говорилъ мнѣ, будто бы онъ слыхалъ, что эти острова состоятъ изъ искусно-сплетенныхъ тростниковъ, покрытыхъ землею; самъ онъ не посвящалъ этого озера и рѣшился высказать мнѣ свое замѣчаніе только потому, что я не вѣрилъ разсказу. Въ долину Кашмира существуютъ плавучіе арбузные огороды, которые въ нѣкоторой степени также можно считать плавучими островами. Тамъ изобрѣтательные жители кладутъ на поверхность озеръ рогожи и покрываютъ ихъ тонкимъ слоемъ земли, которая скоро укрѣпляется вырастающею на нихъ травою. Черезъ годъ на этихъ водяныхъ огородахъ жители сажаютъ огурцы и арбузы и собираютъ овощи съ лодки, обращая такимъ образомъ въ богатой отчизнѣ своей и самую поверхность озеръ себѣ на пользу. Можетъ быть эти арбузные огороды Кашмира подали индусскимъ жрецамъ въ Манди мысль устроить у себя плавучіе острова.

Наше приближеніе къ магомеданскимъ странамъ становилось съ каждымъ днемъ очевид-

нѣе : ничто такъ рѣзко не свидѣтельствовало это, какъ костюмъ женщины, изъ которыхъ многія теперь попадались намъ на дорогѣ подѣ покрывалами. Одна молодая двушка, встрѣтившаяся намъ верхомъ на лошади, ѣхала подѣ устроенною надѣ нею палаткою изъ красной ткани, что показалось намъ необыкновенно забавнымъ. По видимому, эта палатка была утверждена на деревянной рамѣ; но я не могъ разсмотрѣть ея устройства, потому что ткань совершенно закрывала всю ея внутренность вмѣстѣ съ красавицею. Та часть одежды, которую можно было видѣть изъ подѣ полога, совершенно отличалась отъ всего, что мы до сихъ поръ видѣли : она состояла изъ широкихъ синихъ шароваръ, плотно-подвязанныхъ на лядышкѣ и опускавшихся на нее красивыми еборками. Иногда на одну пару такихъ шароваръ идетъ до шестидесяти ярдовъ узкой ткани, ибо ширина складки составляетъ главное ихъ достоинство.

Перваго Марта мы приближились къ знаменитой крепости Ротасъ, считающейся однимъ изъ

главнѣйшихъ оплотовъ на границѣ между Татаріею и Индіею. Въ то время, какъ мы пробрались къ ней по страшнымъ ущельямъ и припоминали воинственные народы, когда-то проходившіе по этой дорогѣ, крѣпость вдругъ явилась нашимъ глазамъ, какъ какое нибудь видѣніе волшебнаго фанаря; до этой же минуты она была скрыта высокими и обрывистыми утесами. Мы приблизились къ ея тяжелымъ стѣнамъ по узкой тропѣ, изрытой въ скаль временемъ, и скоро добрались до высокихъ воротъ ея. Черныя, мхомъ поросшія стѣны крѣпости и обнаженность горъ, ее окружающихъ, не внушали намъ никакого благопріятнаго понятія о ея окрестностяхъ, всегда служившихъ притономъ для многочисленныхъ разбойническихъ шаекъ. Хотя мы и не имѣли особеннаго позволенія отъ Ранджитъ Сонга на вступленіе въ это укрѣпленіе, однако же мы не усомнились подъѣхать къ воротамъ, которыя и были послѣ недолгихъ переговоровъ для насъ отворены. На другой день пришло изъ Лагора официальное позволеніе допустить насъ въ крѣпость.

Мы скоро увидели себя между друзьями и съ любопытствомъ слушали рассказы старыхъ воиновъ, ни сколько не опасаясь возобновленія тѣхъ происшествій, которыя совершались во времена ихъ предковъ. Когда афганскіе военачальники могольской имперіи возмущились при императорѣ Гамеунѣ и свергли этого государя съ престола въ 1531 году, то они затворились въ крѣпости Ротасъ, основанной ихъ предводителемъ, Шеръ Шахомъ, употребившимъ на ея постройку двѣнадцать лѣтъ времени и нѣсколько милліоновъ денегъ. Но измѣнники въ свою очередь были наказаны измѣною: убѣжище ихъ пало, когда Гамеунъ возвратился изъ изгнанія съ вспомогательными войсками Ирана. Возвративъ себѣ царство своихъ прадѣдовъ, онъ приказалъ срыть крѣпость Ротасъ до основанія; но стѣны и все зданіе были до того прочны и массивны, что вынудили эмировъ и омраховъ спросить своего государя—для какой цѣли возвратился онъ въ свое отечество: для того ли, чтобъ возстановить свой престолъ, или для того, чтобъ уничтожить эту крѣпость? по ихъ мнѣ-

нію, одно изъ этихъ предпріятій требовало столько же усилій, сколько и другое. Гамеунъ ограничился разрушеніемъ дворца и воротъ въ знакъ своей побѣды и потомъ двинулся на Делли. Мы съ любопытствомъ разсматривали стѣны этой крѣпости, все ея вѣшнія укрѣпленія, ея ворота и бастіоны, на которыхъ жители указывали намъ отверстія, служившія для обливанія осаждающихъ кипящимъ масломъ. Кроме того, намъ указывали на бойницы, съ огромнымъ трудомъ изсѣченныя въ скалахъ для стрѣльбы изъ пищалей, на глубокіе колодцы, опущенные въ сплошной толщѣ каменныхъ породъ и на магазины, безопасные отъ дѣйствія бомбъ. Съ одной изъ башней мы любовались прекраснымъ видомъ на равнину, въ которой стоялъ обширный каравансарай, построенный великодушнымъ и челолюбивымъ Акбаромъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ также затмилъ отца своего, Гамеуна, какъ и во всемъ прочемъ, совершившемся въ его продолжительное царствованіе: сынъ воздвигъ зданіе для успокоенія утомленнаго странника; отецъ, исполненный гнѣва, истратилъ огромныя суммы

на разрушеніе дворца. Во времена Акбара подобные каравансарай были построены на каждой станціи вплоть до самаго Инда, и путешественникъ не можетъ проѣхать ни одного изъ нихъ безъ особеннаго чувства признательности къ ихъ основателю. Императоръ Акбаръ былъ истинный филантропъ.

Изъ Ротаса мы вступили въ горный округъ, сильный своею природою. Дорога наша лежала по ущельямъ. Обрывистыя скалы, ихъ отвѣсные впадины, оканчивающіеся острыми вершинами, образовавшимися отъ разрушенія горныхъ породъ, округленные гальми, залегавшіе въ незначительнѣйшій, и дивная природа дѣлали для насъ страну эту въ высшей степени любопытною. Гумбольдтъ гдѣ-то говорить, что пласты каменной соли и минеральные источники всегда свидѣтельствуютъ мѣстное сродство съ волканами: въ этихъ горахъ мы встрѣчали и то и другое. Достаточно одного взгляда на утесы, чтобъ убѣдиться, до какой степени здѣсь поднята земная поверхность. Хотя большая часть пла-

товъ вертикальна ; однако же , во многихъ мѣстахъ видно , что они отлого спускаются въ долины , какъ будто бы одна сторона горы была поднята вдругъ , а другая постепенно . Въ долинахъ вообще много воды ; ее также можно найти въ колодцахъ на глубинѣ тридцати пяти футовъ . Вправо отъ насъ мы могли видѣть мѣсто , гдѣ Джеламъ или Гидаспъ беретъ свое начало изъ горъ . Оно называется Дамгалли . Въ долину Кашмира вѣтъ дороги вдоль этой рѣки : обыкновенный путь туда идетъ чрезъ Мирпуръ и Пунчъ , почти въ двѣнадцати миляхъ къ востоку . Близъ того мѣста , гдѣ Джеламъ вступаетъ въ равнину , стоитъ отдѣльная скала , почти въ шестьдесятъ футовъ высоту называемая Раока ; на нее всходятъ по избѣженнымъ ступенямъ , къ живущему тамъ какому-то магоммеданскому святому . Мы слышали объ Роакѣ во время нашихъ поисковъ за обелискомъ , называемымъ Рауджи и упоминаемымъ у г. Эльфинстона ; но сами на ней не были , ибо вся ея замѣчательность заключается только въ томъ , что она стоитъ отдѣльно отъ прочихъ горъ .

Шестаго Марта мы достигли деревни Мани-
кіала, въ которой находится весьма любопытный
топъ или круглое каменное зданіе. Г. Эльфин-
стонъ, представляя вѣрный рисунокъ этого строе-
нія, говоритъ, что онъ столько же походитъ на
греческую архитектуру, сколько всякое другое
зданіе, которое могло быть построено европей-
цами въ этой отдаленной части свѣта руками
непривычныхъ туземныхъ каменщиковъ. Не-
давно онъ былъ открытъ г. Вентурою, генера-
ломъ Ранджитъ Синга. Мы много обязаны это-
му человѣку, ибо трудъ его стоитъ большихъ
издержекъ и хлопотъ. Благодаря вниматель-
ности друга моего г. Амлара, я имѣлъ случай
видѣть найденныя здѣсь древности. Краткое
описаніе ихъ напечатано въ запискахъ Бенгаль-
скаго Азіятскаго Общества; я, однако же, счи-
таю нужнымъ сказать, что онъ состояли изъ
трехъ цилиндрическихъ ящичковъ, золотого, брон-
зоваго (или какого-то другаго сплава) и желѣз-
наго, которые, будучи заключены одинъ въ дру-
гомъ *, стояли въ камерѣ, вырубленной въ боль-

* Смотр. *Кабулъ* г. Эльфинстона, стр. 131.

шомъ камнѣ, лежавшемъ въ основаніи зданія. Золотой ящикъ имѣлъ около трехъ дюймовъ длины и около одного съ половиною дюйма ширины и былъ наполненъ какимъ - то чернымъ полужидкимъ, походившимъ на грязь веществомъ, смѣшаннымъ съ маленькими кусочками стекла, или янтаря. Это даетъ поводъ думать, что оно было когда-то заключено въ стеклѣ, въ послѣдствіи разбившемся. Въ этомъ прахѣ найдены двѣ монеты или медали, изъ коихъ меньшая золотая, величиною почти въ шесть пенсовъ, съ изображеніемъ человѣческой фигуры и какого-то четырехъ-конечнаго инструмента, отличающаго всѣ маникіальскія монеты; другая же съ одной стороны имѣетъ двѣ грубыя литеры, вѣроятно индусскія, а съ другой не представляетъ ничего. Во время вскрытія топа найдено много другихъ монетъ и древностей; жители говорили мнѣ, что даже открыты были человѣческія кости. Прибывъ въ Маникіаль, я имѣлъ случай убѣдиться въ важныхъ заслугахъ г. Вентуры своимъ собственнымъ осмотромъ топа, изслѣдованнаго его неутомимыми трудами: вна-

5*

чалъ генералъ пытался войти въ зданіе снизу, но это ему не удалось по причинъ необыкновенной прочности постройки. Дальнѣйшее наблюденіе убѣдило его, что внутри топа находилась шахта (если можно такъ выразиться), опускаясь внутрь зданія съ его верхушки, и работа г. Вентуры оправдала это. Онъ прежде всего вычистилъ этотъ колодець, который былъ вымощенъ на днѣ огромными камнями и опускался до половины всего топа, потомъ вынулъ камни и такимъ образомъ добрался до основанія, гдѣ въ награду за трудъ нашелъ вышеописанные цилиндры, вмѣстѣ съ разными монетами, препровожденными въ Парижъ, гдѣ они, однако же, и по сіе время не прочтены.

Я не могъ надѣяться, чтобъ въ мѣстѣ столь знаменитомъ мнѣ удалось найти какія нибудь древности, ибо и члены кабульской миссіи не имѣли въ этомъ успѣха. Однако же, я досталъ два антика и около семидесяти мѣдныхъ монетъ. Последнія имѣютъ бѣольшую цѣнность отъ того, что онѣ сходны съ найденными г. Вентурою во внутренности топа. Одинъ изъ анти-

ковъ состоитъ изъ рубина, или какого-то краснаго кристалла, обдѣланнаго наподобіе головы съ отвратительнымъ лицомъ и чрезвычайно длинными ушами. Другой сдѣланъ изъ овальнаго сердолика съ изображеніемъ женщины, держащей цвѣтокъ и прекрасно драпированной мантиею. Работа превосходна. * Въ послѣдствіи я буду подробнѣе говорить объ этихъ монетахъ, ибо, подаривъ нѣкоторые изъ нихъ Бенгальскому Азіятскому Обществу, я имѣлъ удовольствіе получить отъ ученаго секретаря его, г. Джемса Принсепы, нѣсколько замѣчаній по этому предмету.

Я былъ весьма пораженъ мѣстоположеніемъ Маникіала: онъ стоитъ на обширной равнинѣ такъ, что топъ замѣтенъ на разстояніи шестнадцати миль. Много было предположеній относительно этого мѣста; но я съ своей стороны не сомнѣваюсь, что здѣсь стоялъ Таксилла, ибо Арріанъ ясно называетъ этотъ послѣдній самымъ

* Я къ сожалѣнію долженъ сказать, что въ послѣдствіи эти антики утратились. Съ нихъ, однако же, сдѣланы слѣпки.

многолюднымъ городомъ между Индомъ и Гидаспомъ, что совершенно соответствуетъ мѣстоположенію Маникіала. Г. Вентура думаетъ, что здѣсь стояла Буцефалія и выводитъ это заключеніе изъ того, что слово Маникіальъ означаетъ городъ лошади. Но такое заключеніе не согласно съ исторіею, ибо Буцефалія стояла на берегахъ Гидаспа, о чемъ я уже говорилъ выше.

Прежде нежели я представлю свое собственное окончательное заключеніе объ этихъ зданіяхъ, мнѣ слѣдуетъ описать еще топъ Белара, который я посѣтилъ въ послѣдствіи.

Седьмого числа мы прибыли въ Рауиль Пинди и остановились въ домъ бывшаго кабульскаго государя, построенномъ во время его изгнанія: это было самое бѣдное жилище. Городъ Рауиль Пинди имѣетъ прекрасное мѣстоположеніе; въ двѣнадцати миляхъ отъ него проходятъ снѣгомъ покрытыя горы, съ которыхъ мнѣ приносили на показъ породу кристаллизованной стры въ ея природномъ состояніи. Между этими горами есть городъ, называемый Пореуала

имя котораго, какъ кажется, имѣетъ отношеніе къ городу знаменитаго Пора, на Гидаспѣ.

Здѣсь все въ быстрой послѣдовательности свидѣтельствовало, что мы оставляли позади себя Индустанъ со всеми его обычаями. Здѣсь одуванчикъ являлся намъ растеніемъ самымъ обыкновеннымъ. Въ Маникіалѣ мы остановились возлѣ хлѣбнаго куреня, въ которомъ пекли хлѣбъ на всю деревню. Это обыкновеніе гораздо благоразумнѣе преобладающаго въ Индіи, гдѣ каждое семейство приготовляетъ его отдѣльно; мы были очень рады купить свѣжаго хлѣба. На дорогѣ мы встрѣтили большую толпу Афгановъ и множество индусскихъ богомольцевъ, спѣшившихъ изъ-за Инда на великую религіозную ярмарку въ Гардуаръ; всѣ они болѣе походили на Магоммеданъ, чѣмъ на послѣдователей Браммы. Праздникъ этотъ обыкновенно имѣетъ мѣсто черезъ двѣнадцать лѣтъ: такое пространство времени служить къ усиленію благочестія въ богомольцахъ. Видъ этихъ людей, шедшихъ изъ-за Инда, рождалъ въ насъ странныя

чувства: мы были одѣты точно въ такую же одежду какъ и они, но истинное званіе наше не было имъ извѣстно; они привѣтствовали насъ какъ соотечественниковъ, а мы не могли подѣлиться съ ними такимъ же радушіемъ. Нѣкоторые изъ нихъ спрашивали насъ мимоѣздомъ, куда лежалъ нашъ путь—въ Кабуль, или въ Кандагаръ? Ихъ взгляды и вопросы потрясли мое сердце какимъ-то тайнымъ и необредѣленнымъ чувствомъ, которое, кажется, происходило отъ новизны положенія, ибо оно исчезло какъ скоро мы болѣе свыклись съ нимъ, и я въ послѣдствіи времени самъ привѣтствовалъ и отвѣчалъ на привѣтствія другихъ также равнодушно, какъ и всякой другой путешественникъ.

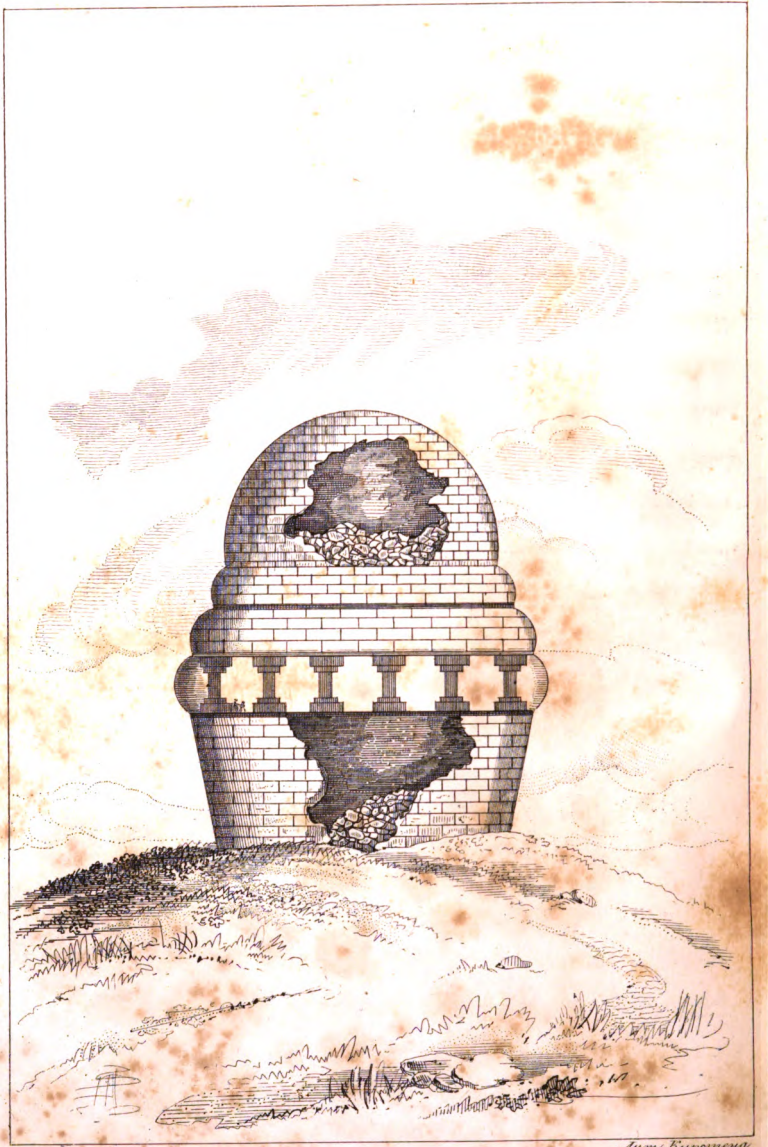
Въ Рауиль Пинди насъ посѣтили офицеры правительства. Между ними былъ одинъ сейкскій жрецъ или биди, яринавшій на себя странный обѣтъ никогда не произносить трехъ, четырехъ словъ безъ повторенія имени *Вишны*, одного изъ боговъ индусской троичности. По этому бесѣда его была самая странная, ибо во всякомъ раз-

сказъ и во всѣхъ своихъ отвѣтахъ онъ поминутно произносилъ *Вишна, Вишна*, что невольнымъ образомъ заставляло насъ улыбаться. Этотъ человекъ поднесъ намъ мѣшокъ съ 200 рупій и давалъ этому такой видъ, какъ будто бы деньги присланы были отъ Вишны, а не отъ Магараджи Ранджитъ Синга.

Въ пятнадцати миляхъ отъ Рауль Пинди мы прошли ущелье Маргалла, и съ радостью завидѣли горы по-ту сторону Инда. Это узкое ущелье идетъ чрезъ невысокія горы и въ одномъ мѣстѣ вымощено валунами на пятьдесятъ ярдовъ пространства. Тутъ на одной скалѣ есть персидская надпись, увѣковѣчивающая память просвѣщенного императора, проложившаго эту дорогу. Ущелье тянется почти на цѣлую милю; далѣе путешественникъ, перейдя мостъ, переброшенный чрезъ небольшую рѣчку, вступаетъ въ стоящій за нимъ каравансарай. Этотъ мостъ, этотъ каравансарай и эта дорога, прорѣзанная въ горахъ на пространствѣ двухъ миль, свидѣельствуютъ о правленіи совершенно непоходящемъ

на то, которое мы видимъ въ Панджабѣ въ новейшее время. Отсюда мы продолжали нашъ путь въ Османъ, отстоящій почти на двадцать миль отъ Рауиль Пинди. Османъ расположенъ въ равнинѣ при входѣ въ долину, не вдалекѣ отъ подошвы горъ. Равнина эта орошается необыкновенно красивыми и прозрачными источниками, текущими изъ горъ. Нѣкоторые изъ нихъ проведены искусственными средствами чрезъ деревни и служатъ для дѣйствія небольшихъ мукомольныхъ мельницъ. Выше по долинѣ стоитъ укрѣпленіе Ханпуръ, окруженное прекрасными садами, за которыми поднимаются вершины снѣгомъ вѣнчанныхъ горъ. Поля этой плодородной долины лежатъ безъ всякаго воздѣлыванія по причинѣ высокихъ цѣнъ, которыя просятъ за нихъ челоувкъ, содержащій эту аренду. Сельскіе жители не находятъ другихъ средствъ для убѣжденія его въ непомѣрности запроса, какъ только лишь однимъ прекращеніемъ всѣхъ полевыхъ работъ.

Мы заѣзжали въ Османъ, стоящій почти въ четырехъ миляхъ отъ большой дороги, при

БЕЛАРУСКИЙ ГОШЬ.

подошвъ нижняго Гимадая, и забъжали съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть топь, который походить на маникіальскій и находится во впадинѣ горъ, близъ разрушенной деревни Беларъ, почти на разстояніи одной мили за Османомъ. Постройка этого зданія, изображеннаго на приложенномъ рисункѣ, относится къ одному и тому же времени съ маникіальскимъ памятникомъ; но ни одинъ изъ нихъ не сохранился въ совершенной цѣлости. Беларскій топь отличается болѣею глубиною своей шахты, которая, какъ найдено по разкрытіи, опускается на пятьдесятъ футовъ, т. е. почти на двѣ трети всей высоты маникіальскаго топа; она имѣетъ четырехъ-угольную форму и сдѣлана изъ четверугольныхъ обтесанныхъ камней. На этомъ памятникѣ также замѣтны небольшія нишстры и рѣзбы гораздо больше, а общее очертаніе его отличается отъ маникіальскаго. Беларскій топь отъ возвышенности своего положенія видѣнъ на далекомъ пространствѣ. Многочисленные жители окрестностей не могли сообщить мнѣ никакихъ объ немъ преданій. Подобно человѣку, ищущему фи-

лософскій камень, я блуждалъ съ мѣста на мѣсто и наконецъ узналъ, что за Индомъ между Пешауаромъ и Кабуломъ находятся два такіе же топа. Мы еще открыли развалины другаго топа въ трехъ миляхъ на востокъ отъ Рауиль Пинди. Нѣсколько монеть, которыя мнѣ удалось найти при беларскомъ топѣ, имѣютъ точно такой же типъ, какъ и монеты, описанныя выше. Усматривая, что оба зданія, какъ маникіальское, такъ и беларское, имѣютъ въ своей внутренности шахты, я заключилъ, что эти памятники суть гробницы цѣлаго поколѣнія государей, когда-то царствовавшихъ въ верхней Индіи, и что они суть или гробницы бактрианскихъ государей, или ихъ индо-скинскихъ пріемниковъ, упоминаемыхъ въ Периплѣ втораго Арріана. Грубая работа монеть, однако же, свидѣтельствуетъ позднѣйшее время, можетъ быть второй вѣкъ христіанской эры.

Отъ прекрасныхъ рѣчекъ Османа мы спустились по долинѣ и, пройдя семь миль, вступили въ садъ Газнѣ Абдалла, — любимый садъ

роскошныхъ императоровъ Индустана. Онъ расположенъ между двумя высокими и обнаженными горами, коихъ коричневыя и угрюмыя вершины не много способствуютъ красотѣ его. Не смотря, однако же, на это, въ жаркое время года садъ долженъ быть необыкновенно прекрасенъ. Въ настоящую пору всѣ бесѣдки его разрушены, трава заглушаетъ розы и всѣ другіе цвѣты; но персиковыя и абрикосовыя деревья все еще цвѣтутъ полнымъ цвѣтомъ; виноградныя лозы вьются повсюду; прозрачная вода льетъ каскадами со скалъ. Въ этомъ небольшомъ саду находится болѣе ста источниковъ; всѣ они, орошая почву его, несутъ дань небольшому ручейку, текущему въ Индѣ. На пути своемъ нѣкоторые изъ нихъ образовали пруды, богатые рыбою: мы сами видѣли какъ она играла въ прозрачной водѣ. Мы посвятили это прекрасное мѣсто въ началѣ весны. Когда мы вышли изъ сада, намъ открылся видъ на долину Драмтурт, ведущую въ Кашмиръ, и на покрытый снѣгомъ хребетъ Пакли, проходящій въ связи съ высокими горами, позади

его стоящими. Плодородныя равнины Чатча и Газара также лежали предъ нами.

Вскорѣ мы завидѣли Индъ, отстоявшій отъ насъ миль на пятнадцать. Его можно было замѣтить отъ самаго того мѣста, гдѣ онъ выходитъ изъ невысокихъ горъ къ крѣпости Аттоку, ибо надъ нимъ висѣлъ царь подобно дыму. Явленіе это легко объясняется тѣмъ, что вода Инда гораздо холоднѣе атмосферы. Мы сдѣлали привалъ въ Газру, замѣчательномъ торговомъ мѣстѣ между Пешауаромъ и Лагоромъ. Здѣсь народъ былъ совсѣмъ другой — это Афганы, говорящіе языкомъ Пушту. Я былъ пораженъ мужественнымъ видомъ мужчинъ и съ радостью сѣлъ на разслабленную кожу вмѣстѣ съ однимъ Афганомъ, который учтивымъ образомъ пригласилъ меня побесѣдовать съ нимъ. Здѣсь я ни сколько не сожалѣлъ о томъ, что рабство Индійцевъ замѣнилось болѣе свободными и непринужденными нравами Кабула. Одинъ кочующій золотыхъ дѣлъ мастеръ, узнавъ, что мы ѣдемъ въ Бухару, при-

шелъ поговорить съ нами: онъ путешествовалъ въ этой странѣ и даже былъ въ Россіи, въ доказательство чего показывалъ намъ вынесенную имъ оттуда мѣдную копѣйку и, описывая намъ справедливость и правоту народовъ, между которыми онъ скитался, сдѣлалъ этимъ посѣщеніе свое весьма для насъ пріятнымъ. Онъ былъ Индусъ.

Утромъ 14 Марта мы имѣли удовольствіе присоединиться на берегахъ Инда къ войскамъ Ранджитъ Синга, стоявшимъ въ это время на границѣ подъ предводительствомъ сердара Гари Синга. Этотъ начальникъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу во всемъ великолѣпнн Востока и проводилъ насъ къ прекраснымъ палаткамъ, которыя по его приказанію были для насъ приготовлены. На пути къ рѣкѣ мы проѣхали мимо той равнины, гдѣ Афганы, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ послѣдній разъ пытались отстоять свои права на восточномъ берегу Инда. Они бились подъ начальствомъ визиря Фаттехъ Хана, который, хотя и не былъ разбитъ,

однако же, бѣжалъ пораженный паническимъ страхомъ. Равнина эта, обработанная въ высшей степени, столь обширна, что на ней удобно могутъ помѣститься такія же многочисленныя полячища, какія шли за Ксерксомъ, или за Тимуромъ. Вся она устлана округленными камнями (изъ коихъ многіе состоятъ изъ гранита), а это есть несомнѣнное доказательство дѣйствія воды. Въ лагерь мы посѣщали нашего хозяина, главнокомандующаго, который принялъ насъ какъ друзей самымъ радушнымъ образомъ; по этому случаю офицеры его и все войско были въ полномъ парадѣ. Разговоръ нашъ преимущественно ограничивался воинскими подвигами Ранджитъ Синга, и наконецъ перешелъ къ переправѣ его чрезъ Индъ какъ въ бродъ, такъ и вплавь. Этотъ послѣдній предметъ до того занималъ насъ, что мы рѣшились, по крайней мѣрѣ на попытку, также перейти въ бродъ чрезъ эту рѣку.

Сѣвъ на слоновъ главнокомандующаго, мы вмѣстѣ съ нимъ и съ 200 всадниковъ спусти:

лись вдоль берега на нѣсколько миль внизъ по рѣкѣ, къ деревнѣ Хирахгаель, отстоящей въ пяти миляхъ вверхъ отъ Аттока. Здѣсь рѣка раздѣляется на три рукава; въ двухъ первыхъ вода течетъ съ удивительною быстротою. Для меня видъ рѣки казался опаснымъ, но я не говорил ни слова, хотя охотно бы отказался отъ предпріятія; мнѣ однако же невозможно было сдѣлать этого потому, что я былъ однимъ изъ первыхъ предложившихъ переправу. Главкомандующій, собравъ вокругъ себя свой конвой, бросилъ, согласно съ принятымъ обыкновениемъ, серебряную монету въ рѣку и вслѣдъ за этимъ отважно ринулся въ воду. Мы кинулись за нимъ и вскорѣ весь отрядъ безопасно перебрался черезъ первый рукавъ. Въ то время какъ мы стояли на островѣ и готовились къ переправѣ чрезъ главный рукавъ, случилось несчастіе, оставившее во мнѣ глубокое впечатлѣніе: семь челоуѣкъ, оставшихъ отъ отряда, рѣшили догнать насъ; но, не попавъ на надлежащее мѣсто переправы, вошли въ рѣку нѣсколькими ярдами ниже, гдѣ вода, хотя и была глубиною

только по-колѣно, однако же, текла съ чрезвычайною быстротою. Въ одно мгновеніе всѣ семеро были вышибены изъ сѣдла и умесены потокомъ. Перевозчики кинулись къ нимъ на помощь и успѣли всѣхъ спасти, кромѣ одного несчастнаго и двухъ лошадей, которые вскорѣ исчезли подъ струями. Мы были поражены этимъ несчастіемъ и предложили возвратиться; но Гари Сингъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ. Онъ усмѣхнулся и сказалъ: „какъ намъ знать— можетъ быть эти Молодцы (мы думали, что они всѣ погибли) будутъ жарями въ будущей жизни и къ тому же, что толку въ Сейкѣ, если онъ не въ состояніи переправиться чрезъ Аттокъ!“ (Индъ). Главный рукавъ, однако же, все еще былъ предъ нами, и я соглашался переправиться чрезъ него съ тѣмъ только, чтобъ всѣ всадники остались позади на островѣ. „Какъ! мнѣ оставить позади себя конвой?“ вскричалъ Гари Сингъ, „нѣтъ, это невозможно!“ Вскорѣ, однако же, онъ согласился и мы благополучно перешли бродъ. Дно рѣки было чрезвычайно скользкое, потокъ бѣжалъ съ страшною быстротою, вода имѣла го-

любой цвѣтъ и была чрезвычайно холодна, что было весьма неприятно какъ для людей, такъ и для животныхъ. Слоны шли съ трудомъ противъ напора воды и съ каждымъ шагомъ вперёдъ храпѣли все болѣе и болѣе. Это предпріятіе рождало въ насъ сильное ощущеніе и было бы весьма пріятно, если бы не случившееся несчастіе. Сейки очень часто пользовались этимъ бродомъ; но переправа всегда сопровождалась многими жертвованіями.

Здѣсь мнѣ рассказывали о происшествіи, случившемся въ Лагоръ съ однимъ солдатомъ: онъ былъ родомъ изъ Индустана и убилъ адъютанта того полка, въ которомъ служилъ въ арміи Ранджита. Нуженъ былъ строгій примѣръ для поддержанія дисциплины; но Ранджитъ Сингъ съ самаго восшествія своего на престолъ никогда не проливалъ крови и потому отказалъ въ подписаніи смертнаго его приговора, хотя французскіе офицеры и совѣтывали ему сдѣлать это. Преступнику, однако же, отрубили съкирою обѣ кисти рукъ на плацъ-парадѣ предъ собран-

нымъ тамъ войскомъ, и потомъ, чтобъ остано-
вить кровь, опустили обезображенныя его руки
въ кипящее масло. Отрубленныя кисти были
прибиты къ доскѣ и выставлены въ предо-
стереженіе арміи, а преступника съ позоромъ
выгнали изъ службы. Одинъ товарищъ несчаст-
наго отвелъ его въ разрушенную мечеть, гдѣ
онъ провелъ ночь; но совѣсть не позволяла ему
пережить поношенія и онъ рѣшился на само-
убійство. На другой день онъ кинулся въ рѣ-
ку (Рави); но тутъ рѣшимость его покинула и
онъ вмѣсто того, чтобы утопиться, перебрался
черезъ рѣку, плывя на обрубленныхъ рукахъ
своихъ.

Отсюда мы отправились къ Аттоку, стояще-
му на черной сланцевой возвышенности на бере-
гу Инда—рѣки, чрезъ которую запрещено пе-
реплывать Индусамъ. Она была запрещенною
и для насъ, ибо гарнизонъ крѣпости взбунто-
вался, изгналъ своихъ офицеровъ и захватилъ
всѣ переправныя суда. Причиною мятежа было
то, что солдаты долгое время не получали
жалованья и потому рѣшились бунтомъ напо-

нить объ этомъ Ранджиту. Напрасно мы показывали самыя ясныя предписанія о допущеніи насъ въ крѣпость и объ указаніи всѣхъ достопримѣчательностей города: намъ на это отвѣчали, что ихъ жалобы теперь, вѣроятно, будутъ услышаны, ибо Магараджа скоро узнаетъ, какъ худо они съ нами поступили. Такъ какъ при этомъ случаѣ гарнизонъ не изъявилъ намъ никакой непріязни, то мы остановились внѣ стѣнъ города, въ развалившейся мечети, и никѣмъ не были тамъ обезпокоены. Дальнѣйшіе переговоры съ людьми раздраженными были бы совершенно безуспѣшны, по этому я счелъ себя вполне счастливымъ, когда мы послѣ двухъ-дневной задержки успѣли склонить ихъ дать намъ два порома для переправы чрезъ великую грань Индіи, что мы и исполнили послѣ полудня 17 Марта. Вода здѣсь имѣетъ цвѣтъ лазурный и течетъ болѣе шести миль въ часъ. Мы переправились въ четыре минуты. На разстояніи 200 ярдовъ отъ Аттока, до сліянія съ Индомъ рѣки Кабула, вода стремится черезъ пороги съ необыкновенною яростію. Ширина рѣки въ этомъ

мѣсть не превышаетъ 120 ярдовъ; волны кипятъ и плещутъ подобно волнамъ и пѣнѣ въ океанѣ, вода со свистомъ и шипѣніемъ клубится и съ страшнымъ шумомъ протекаетъ съ быстротою десяти миль въ часъ: въ этомъ бурномъ потокѣ не можетъ держаться никакое судно. Индъ послѣ сліянія съ рѣкою Кабуломъ принимаетъ спокойный видъ въ руслѣ, имѣющемъ 260 ярдовъ въ ширину и 35 фатомовъ въ глубину подъ стѣнами Аттока. Крѣпость эта не сильна; народонаселеніе ея равняется почти 2000 душъ.

Прежде, чѣмъ мы переправились чрезъ Индъ, мы видѣли любопытный феноменъ на полосѣ земли, образовавшейся между Индомъ и рѣкою Кабуломъ, гдѣ каждый вечеръ горятъ блуждающіе огоньки. Два, три и даже четыре яркія пламя являются вдругъ и свѣтятъ въ продолженіе всей ночи, на разстояніи нѣсколькихъ ярдовъ одинъ отъ другаго. Туземцы никакимъ образомъ не могутъ объяснить ихъ и считаютъ ихъ появленіе въ теченіе дождливаго времени года самою

неизъяснимомъ, по ихъ понятіямъ, часть феномена. Они говорятъ, что на этомъ мѣстѣ Раджпутъ Маңъ Сингъ, воевавшій съ Магоммеданами, живущими за Индомъ, имѣлъ кровопролитную битву и что являющіеся теперь огоньки суть души павшихъ воиновъ. Въ постоянномъ появленіи этихъ блуждающихъ огоньковъ я убѣдился собственными своими глазами. Можно было бы подумать, что явленіе это происходитъ отъ отраженія воды на скаль, вышлифованной потокомъ; но оно случается только въ извѣстномъ мѣстѣ, между тѣмъ какъ весь берегъ вышлифованъ. Скорѣе всего они происходятъ отъ испаренія какого нибудь газа, исходящаго изъ расщелины скалы; но мѣстоположеніе не позволяло намъ изслѣдовать этого.

Здѣсь мы видѣли рыбаковъ Инда и рѣки Кабула, занятыхъ промывкою золотиноснаго песку. Промывка эта совершается съ большою выгодною послѣ того, какъ воды разлива опадаютъ. Песокъ просѣивается сквозь рѣшето, а потомъ крупныя частицы, въ нихъ остающіяся, смѣ-

шиваются со ртутью, съ которою драгоценный металлъ соединяется. Нѣкоторыя изъ меньшихъ рѣкъ, каковы на примѣръ Суанъ и Гарру, даютъ золота болѣе, чѣмъ Индъ; а какъ ихъ истоки не отдаленны, то это служитъ доказательствомъ, что металлоносныя жилы лежатъ на южной сторонѣ Гималая.

ГЛАВА III.

ПЕШАУАРЪ.

Предварительно вступленію въ Афганистанъ намъ нужно было сдѣлать кой-какія распоряженія, ибо Афганы и Сейки питаютъ непримиримую вражду другъ къ другу. Въ Аттокъ мы получили дружеское письмо отъ пешауарскаго начальника, Султана Магоммедъ Хана, изъявлявшаго намъ свое благорасположеніе. Я немедленно отвѣчалъ ему, сообщая наши намѣренія и испрашивая покровительства, и въ одно время съ этимъ отправилъ рекомендательное письмо Ранджита къ начальнику Акоры; но въ здѣшнихъ странахъ власть столько непостоянна, что этотъ человѣкъ былъ низложенъ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ нами въ путе-

шестви изъ Лагора. Не смотря , однако же, на это , похититель власти вступилъ съ нами въ сношенія и милостиво выслалъ намъ навстрѣчу конвой. Подданные Ранджитъ Синга проводили насъ до границы, отстоявшей въ трехъ миляхъ за Индомъ : тутъ мы встрѣтили Афгановъ; но ни тотъ, ни другой отрядъ не хотѣлъ сблизиться, и потому мы одни перешли пространство въ 300 ярдовъ, ихъ раздѣлявшее. Сейки привѣтствовали насъ крикомъ *уагруджи браттихъ*, равносильнымъ нашему троекратному ура; когда же мы приблизились къ Магоммеданамъ и предали имъ самихъ себя, то они сказали намъ *уасъ-саламъ алейкумъ*, миръ вамъ! За этимъ мы отправились въ Акору съ новымъ для насъ народомъ, Хаттаками, племенемъ незнающимъ закона, и остановились въ деревнѣ, почти покинутой жителями въ слѣдствіе непрерывныхъ набѣговъ Сейковъ. Начальникъ немедленно явился къ намъ и изъявилъ неудовольствіе на то, что мы купили кой-какія вещи на базарѣ: это, по его мнѣнію, доказывало наше сомнѣніе въ его гостепріимствѣ. Я про-

силъ у него извиненія и , слагая всю вину на свое незнаніе афганскихъ обычаевъ, прибавилъ, что впредь во время пути не забуду радушія Хаттаковъ акорскихъ. Онъ скоро ушелъ, прося насъ предъ уходомъ считать себя въ такой же безопасности, въ какой яйца лежатъ подъ насѣдкой : сравненіе не слишкомъ привлекательное , но мы не имѣли причинъ сомнѣваться въ его истинѣ. Однако же , въ этомъ самомъ мѣстѣ Муркрофтъ и его товарищи встрѣтили важныя затрудненія и вынуждены были прологать себя путь силою. Тутъ мы получили второе и притомъ самое дружеское письмо отъ начальника Пешауара , которое было для насъ тѣмъ пріятнѣе, что онъ написалъ его прежде, нежели до него дошли отправленныя нами рекомендательныя письма. Въ немъ онъ увѣдомлялъ , что выслалъ намъ на встрѣчу чловѣка съ порученіемъ сопровождать насъ.

Оставивъ за собою земли Индустана, мы вступили теперь въ страну , гдѣ расхищеніе имущества ближняго составляло главную страсть

жителей, и потому, рѣшившись ѣхать неотлучно при багажѣ, раздѣлили небольшое число нашихъ служителей такъ, чтобы двое изъ нихъ постоянно находились на стражѣ въ продолженіе ночи. При насъ были два Афгана, два Индуса и два Кашмирца. Обыкновенно мы ставили на часы Кашмирца съ Индусомъ, такъ, чтобы надежный всегда находился при лѣтвомъ, а сами постоянно наблюдали за смѣною часовыхъ. Прислуга наша отъ души смѣлась надъ такимъ воинскимъ распоряженіемъ; но, не смотря на это, оно неизмѣнно продолжалось во все наше послѣдующее путешествіе. Съ этого времени мы начали жить совершенно какъ туземцы и уже перестали жаловаться на жесткость земли, на которой спали, и на убожество лачужекъ, въ которыхъ иногда останавливались. Всѣми своими драгоценностями я распорядился, какъ мнѣ казалось, самымъ мастерскимъ образомъ: я навязалъ себѣ на лѣвую руку переводное письмо въ пять тысячъ рупій наподобіе того, какъ Азіятцы повязываютъ амулеты; свой паспортъ, писанный на нѣсколькихъ языкахъ,

прикрѣпилъ на правую руку, а кошелекъ съ дукатами вокругъ пояса. Часть своихъ наличныхъ денегъ мы роздали нашимъ служителямъ, которымъ успѣли внушить такое понятіе объ ихъ обязанностяхъ, что во все время нашего странствованія они не утратили ни одного дуката. Мы нашли самыхъ вѣрныхъ слугъ въ людяхъ, которые могли совершенно погубить насъ, если бы только вздумали измѣнить намъ; но, вполне довѣрившись имъ, мы были вполне награждены за довѣренность. Одинъ изъ нихъ, Гуланъ Гознъ, уроженецъ Сарата, безотлучно находился при мнѣ, гдѣ бы я ни былъ, готовилъ мнѣ пищу и никогда не произносилъ ни одной жалобы на такую должность, не смотря на то, что она не входила въ его обязанность. Въ настоящее время онъ находится при мнѣ въ Англіи.

Чуни Далъ, проводникъ нашъ со стороны Ранджитъ Синга, оставилъ насъ въ Акорѣ. Онъ былъ тихій и скромный браминъ, который по переходѣ за Индъ чувствовалъ себя совершенно

несчастливымъ. Съ нимъ я отправилъ прощальное письмо къ его повелителю; а какъ его высочество письменно просилъ меня сообщить ему мое мнѣніе относительно панджабскихъ соляныхъ копей и средствъ извлекать изъ нихъ самыя большія выгоды, то я подробно описалъ ему соляныя монополіи и говорилъ, что лучше облагать высокою пошлиною соль, чѣмъ хлѣбъ. Къ этому я присовокупилъ, что соляной хребетъ былъ такою же драгоценною частію его владѣній, какъ и долина Кашмира. Думаю, однако же, что его высочество не нуждался въ моемъ совѣтѣ: въ этомъ можно было убѣдиться по тѣмъ распоряженіямъ, которыя мы видѣли на дѣлѣ въ копияхъ.

На пути въ Акору, близъ небольшой деревни Сайду, мы проѣхали по полю, гдѣ, какъ говорятъ, 8000 Сейковъ защищались противъ 150.000 челоувѣкъ ожесточеннаго магоммеданскаго населенія. Будъ Сингъ, предводитель этихъ Сейковъ, успѣвъ укрѣпиться за брустверомъ изъ наваленныхъ камней, вывелъ

себя такимъ образомъ изъ затрудненія и заслужилъ удивленіе даже со стороны непріятелей. Мы видѣли это мѣсто, убѣненное костями лошадей убитыхъ при этомъ случаѣ. Въ слѣдующемъ переходѣ мы прошли по болѣе знаменитому полю битвы, Нушери, на которое вниманіе наше обращено было самимъ Ранджитъ Сингомъ. Здѣсь онъ въ послѣдній разъ встрѣтилъ Афгановъ, начальникъ которыхъ, Азимъ Ханъ кабульскій, съ бѣльшей частью своей арміи стоялъ за рѣкою Кабуломъ. Сейки разбили отрядъ, находившійся на ихъ сторонѣ рѣки, собственно по личной храбрости Ранджитъ Синга, овладѣвшаго съ своими тѣлохранителями холмомъ, отъ котораго прочія войска его отступали три раза. Азимъ Ханъ обратился въ бѣгство, не дерзнувъ сразиться съ побѣдоносною панджабскою арміею, часть которой успѣла даже перебраться чрезъ рѣку съ намѣреніемъ атаковать его. Думаютъ, что онъ побоялся потерять свои сокровища, которыя неминуемо достались бы въ руки Ранджита, если бы онъ приблизился. Говорятъ также, что онъ былъ испуганъ криками

Сейковъ въ продолженіе ночи, послѣдовавшей за побѣдою: онъ приписалъ ихъ восклицанія прибытію свѣжихъ войскъ, ибо Сейки имѣютъ обыкновеніе кричать при подобныхъ случаяхъ. Мы уже однажды сравнивали Ранджита съ Поромъ; — здѣсь читатель, вѣроятно, припомнитъ подобную же хитрость, употребленную Александромъ: какъ Греки устрашили Пора на берегахъ Гидаспа, такъ Сейки напугали Афгановъ своими криками и пѣснями.

Я былъ вполне счастливъ, когда мы проѣзжали равнину Пешауара: тминъ и фіалка наполняли воздухъ благоуханіемъ, зеленый дернъ и клеверъ напоминали мнѣ родину. Фіалка называется здѣсь *гуль* и *паегамбаръ* или роза пророка, *par excellence*, я думаю, по причинѣ ея благоуханія. Въ Пирпай, находящемся на разстояніи одного переѣзда отъ Пешауара, къ намъ присоединились шесть всадниковъ, высланныхъ начальникомъ намъ въ проводники. Мы осѣдлали лошадей съ восходомъ солнца и, не смотря на то, что шелъ сильный дождь, выступили въ путь

вмѣстѣ съ этими проводниками и выводили ихъ изъ терпѣнія , упорно отказываясь остановиться на половинѣ пути, чтобы дать имъ время извѣстить въ городѣ о нашемъ приближеніи. Мы безостановочно ѣхали почти вплоть до-самаго города; но тутъ уже нельзя было долѣе противиться ихъ убѣжденіямъ. „Правитель выслалъ насъ“, говорилъ ихъ начальникъ, „къ вамъ съ привѣтствіемъ, приказавъ своему сыну встрѣтить васъ внѣ города: теперь мы только въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ его дома.“ Мы остановились, и черезъ нѣсколько минутъ старшій сынъ пешауарскаго правителя явился со слономъ и съ отрядомъ конницы. Это былъ прекрасный мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати отъ-роду, одѣтый въ стѣнее платье съ кашмирскою шалью, свернутою на головѣ въ видѣ чалмы. Мы слѣзли съ лошадей посреди дороги и обнялись; за этимъ маютка повелъ насъ къ своему отцу. Нигдѣ не принимали насъ съ такимъ радушіемъ: самъ правитель встрѣтилъ насъ на порогѣ и повелъ во внутренность своего жилища, обставленнаго зеркалами и размалеваннаго масляною краскою

съ необыкновеннымъ безвкусіемъ. Его домъ, его владѣнія, его имущество, его *все* было къ нашимъ услугамъ. Онъ былъ союзникъ британскаго правительства и доказалъ это своими милостями къ Муркрофту, что считалъ не иначе, какъ договоромъ дружбы. Конечно, мы не принадлежали къ числу тѣхъ людей, которые рѣшились бы нарушить условіе такого договора. Султанъ Магоммедъ Ханъ имѣетъ около 35-ти лѣтъ отъ-роду. Смуглый и высокій ростомъ, онъ былъ одѣтъ въ шубу, опушенную мѣхомъ и павлинымъ пухомъ, что было гораздо красивѣе, чѣмъ все убранство комнатъ, его окружавшее. Онъ скоро отпустилъ насъ, и мы были рады случаю переменить наше дорожное платье; насъ отвели въ гаремъ Султана Магоммедъ Хана, который былъ приготовленъ для нашего помѣщенія, само собою разумѣется, *по устраненіи его обитательницъ*. Это былъ такой пріемъ, какого мы рѣшительно не ожидали.

Не прошло часу, какъ насъ посѣтилъ Пиръ Магоммедъ Ханъ, младшій братъ начальника,

человѣкъ необыкновенно веселый и пріятный. За нимъ въ продолженіе вечера явился и самъ повелитель; тутъ накрыли на столъ и мы всѣ вмѣстѣ обѣдали. Кушанья были превосходны и отлично изготовлены. Мы ѣли руками и скоро перестали дивиться, смотря, какъ этотъ сановникъ раздиралъ на куски баранину и, выбирая лучшія порціи, передавалъ намъ. Предъ каждымъ изъ насъ лежалъ продолговатый каравай заквашеннаго хлѣба вмѣсто тарелки: онъ уменьшался въ величинѣ по мѣрѣ того, какъ поѣдалось мясо, и такимъ образомъ прекрасно соотвѣтствовалъ своему назначенію. Пиравы и соусы, сласти и кислыя яства наполняли блюда; но лакомымъ кускомъ нашего стола былъ барашекъ, ничего въ жизнь свою не вкушавшій, кромѣ молока. Онъ былъ облитъ сокомъ горькаго апельсина или померанца, что придавало ему необыкновенный вкусъ. За этими слѣдовали четыре подноса съ вареньями и фруктами, а въ заключеніе всего поданъ шербетъ, смѣшанный со снѣгомъ, радовавшимъ насъ

также, какъ и новые друзья наши. Компания разошлась поздно ночью; правитель, проговоривъ шопотомъ свою преданность къ Англии, пожелалъ намъ всякаго благополучія и доброй ночи. Я едва не лишился употребленія ногъ отъ тяжкаго и принужденнаго положенія, въ которомъ сидѣлъ такъ долго. Полюбивъ еще до этого обычай здѣшнихъ жителей, мы въ продолженіе вечера усилили въ себѣ это чувство еще болѣе.

На другой день мы были отрекомендованы остальнымъ членамъ семейства пешауарскаго правителя. У него есть еще два брата и цѣлое полчище дѣтей и родственниковъ. Самымъ замѣчательнымъ лицомъ изъ всего семейства былъ сынъ Фаттихъ Хана, визиря Шаха Махмуда, коварно и жестоко умерщвленнаго. Сынъ этотъ имѣетъ около четырнадцати лѣтъ отъ-роду и есть единственная отрасль своего несчастнаго отца. Сыновья Миръ Уанза и Мухтаръ о-Дула, низпровергшихъ съ престола Шаха Шуджу, также присутствовали, и мы провели день чрез-

вычайно пріятно. Всѣ эти люди были весьма радушны и непричастны никакимъ религіознымъ предубѣжденіямъ ; многіе изъ нихъ хорошо знали исторію Азіи. Всѣ они были постоянно веселы и нерѣдко шумливы въ своемъ весельи. Во время разговора, когда наступали часы молитвы, многіе изъ нихъ вставали и молились въ комнатѣ. По мѣрѣ того, какъ мы лучше ознакомливались въ Пешауарѣ, кругъ нашихъ друзей значительно увеличивался: посѣтители приходили къ намъ во всякое время дня и въ особенности, когда мы находились одни. Афганцы не любятъ уединенія ; они всегда извинялись, когда въ минуту своего прихода находили насъ однихъ, хотя намъ по временамъ было бы пріятно остаться безъ свидѣтелей. Послѣ полудня правитель пригласилъ насъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ и съ его братьями, чтобы осмотрѣть окрестности Пешауара. Докторъ Жѣрардъ остался дома, а я отправился. О городѣ Пешауарѣ я не стану говорить, потому что превосходное и подробное описаніе г. Эльфинстона не требуетъ прибавленій : свѣдѣнія, заключаю-

щіяся въ его драгоценной книгѣ, до того подробны, что я всегда стараюсь избѣгать описанія тѣхъ предметовъ, о которыхъ онъ говоритъ, а потому приведу здѣсь только тѣ случаи, которые лично встрѣтились мнѣ самому. Это я говорю въ собственную свою защиту. Двадцать перваго Марта, въ день *Нуроза*, т. е. новаго года, я сѣлъ на лошадь и выѣхалъ съ правителемъ. День этотъ здѣсь составляетъ народный праздникъ. Толпы Афгановъ собирались въ садахъ и гуляли въ нихъ, украшая себя букетами цвѣтовъ и вѣтками персиковъ. Мы вошли въ садъ Али Марданъ Хана и, сѣвъ на плоской кровлѣ одного павильона, любовались проходившими внизу толпами. Деревья стояли въ полномъ цвѣтѣ и, казалось, не возможно было представить себѣ зрѣлища болѣе пріятнаго. Правитель и его братья указывали мнѣ на сосѣднія горы и рассказывали, кѣмъ онѣ были обитаемы, присовокупляя къ этому всѣ подробности, которыя считали для насъ любопытными. Они также говорили мнѣ, что вельможа, устроившій этотъ садъ, обладалъ фило-

софскимъ камнемъ (сангъ-и-фарзъ) и говорили это потому, что не знали другой причины для объясненія его огромнаго богатства; а въ заключеніе сказали, что онъ бросилъ камень въ Индъ, и этимъ, такъ сказать, избавили себя отъ затрудненія отрѣчать: кому бы онъ могъ достаться въ наслѣдство?

Мы скоро привыкли къ нашему новому образу жизни и, принявъ за правило ни въ какомъ случаѣ не писать журналовъ ни днемъ, ни при свидѣтеляхъ, имѣли достаточное время принимать гостей, насъ посѣщавшихъ. Въ короткое время мы познакомились со всѣмъ пешауарскимъ обществомъ и въ продолженіе тридцати-дневнаго пребыванія въ городѣ непрерывно были заняты визитами и пиршествами. Ничто, однако же, столько не способствовало нашему счастью и успокоенію, сколько радушіе гостепріимнаго нашего хозяина. Султанъ Магомедъ Ханъ не былъ такимъ безграмотнымъ Афганомъ, какимъ я думалъ найдти его; напротивъ, онъ явился человѣкомъ воспитаннымъ и

образованнымъ, и своимъ ласковымъ, неприторнымъ обращеніемъ произвелъ въ насъ самое глубокое впечатлѣніе. Нерѣдко случалось, что въ ту минуту, какъ мы сѣли обѣдать, онъ входилъ къ намъ въ домъ совершенно неожиданно, безъ всякой свиты, и проводилъ съ нами все остальное время дня. Иногда вслѣдъ за нимъ приносили множество блюдъ съ разными кушаньями, приготовленными въ собственномъ его гаремѣ по особенному на то приказанію. Этотъ человѣкъ болѣе замѣчательнъ по своему гостепримству, чѣмъ по уму; онъ, однако же, самъ управляетъ всеми своими дѣлами и извѣстенъ за необыкновенно-отважнаго воина. Въ гаремѣ его живутъ около тридцати женъ, а число его дѣтей простиралось до шестидесяти человѣкъ, хотя онъ и не могъ сказать мнѣ, сколько изъ нихъ оставалось въ живыхъ.

Въ первую пятницу послѣ нашего пріѣзда мы отправились съ правителемъ и его семействомъ въ цвѣточные сады и провели тамъ большую часть дня въ разговоръ. Самъ правитель съѣлъ

подъ однимъ деревомъ, а мы размѣстились подъ другимъ. Тутъ принесли шербетъ и конфекты, и мы имѣли случай услышать многое о щедрости г. Эльфинстона отъ одного пожилаго человѣка, Муллы Наджиба, сопровождавшаго его въ Калкутту. Послѣ обѣда мы отправились въ царскій садъ, замѣчательный своею величиною, и сѣли тамъ на-земь вмѣстѣ съ Султанъ Магоммедъ Ханомъ и его семействомъ и лакомились сахарнымъ тростникомъ, нарѣзаннымъ маленькими кусочками. Четверо изъ сыновей правителя были съ нами, и мы съ удовольствіемъ смотрѣли, какое заботливое вниманіе обращалъ онъ на дѣтей своихъ, изъ которыхъ ни одинъ не былъ старше пяти лѣтъ. Каждый изъ нихъ сидѣлъ верхомъ на лошади вмѣстѣ съ однимъ изъ служителей и чудесно держалъ поводья, потому что Дуранийцы учатся верховой ѣздѣ съ малолѣтства. Потомъ мы пошли съ правителемъ на его семейное кладбище, гдѣ были погребены и его два старшіе брата, Атта и Яръ Магоммедъ Ханъ, павшіе на полѣ брани. Тутъ присутствовали всѣ отрасли семейства

Султанъ Магоммеда и отправляли свои послѣ-
объденныя молитвы въ мечети, стоявшей близъ
кладбища. Это зрѣлище было самое умильтель-
ное, тѣмъ болѣе, что сыновья усопшихъ брать-
евъ также при этомъ присутствовали. Наконецъ
мы заключили день посѣщеніемъ одного благо-
честиваго человѣка, Шейка Иуаза: такимъ обра-
зомъ проводятъ здѣсь пятницу дуранійскіе са-
новники Пешауара. Свита правителя состояла
изъ его родныхъ и служителей, тѣлохраните-
лей же при немъ не было; а изъ дому онъ вы-
ѣхалъ только въ сопровожденіи однихъ насъ и
еще двухъ всадниковъ. Вообще должно сказать,
что у здѣшнихъ жителей господствуетъ просто-
та и свобода обычаевъ, и каково бы ни было
ихъ управленіе, я почти могу поручиться за то,
что просьбы просителей всегда бывають вы-
слушаны. Здѣсь, по видимому, всѣ стоятъ на ро-
внѣ съ правителемъ, такъ, что самыя послѣдніе
слуги обращаются къ нему съ рѣчью безъ вся-
кой церемоніи, и самъ онъ кажется совершен-
но чуждымъ всякой гордости и надмѣнности и

въ толпѣ отличается только богатствомъ одежды и наружныхъ украшеній.

Во время одной изъ нашихъ поѣздокъ въ общество правителя по окрестностямъ Пешауара, мы имѣли случай видѣть образецъ магомеданскаго правосудія и возмездія. Проезжая предмѣстьемъ города, мы замѣтили толпу народа и, приблизившись, увидѣли на навозной кучѣ обезображенныя тѣла мужчины и женщины, изъ коихъ первый еще не совсѣмъ умеръ. Толпа немедленно окружила правителя и все наше общество; изъ нее отдѣлился человекъ и дрожащимъ голосомъ объявилъ Султану Магоммедъ Хану, что онъ изобличилъ свою жену въ невѣрности и умертвилъ какъ ее, такъ и обольстителя: держа въ рукѣ окровавленный мечъ, онъ подробно описывалъ, какимъ образомъ онъ совершилъ месть свою. Жена его была беременна и до этой поры принесла ему трехъ дѣтей. Правитель сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, не продолжавшихся болѣе трехъ минутъ, и потомъ громкимъ голосомъ сказалъ ему: „ты по-

ступилъ какъ добрый Магоммеданинъ и совершилъ справедливое дѣло.“ За этимъ онъ двинулся впередъ и вся толпа закричала ему вслѣдъ: „Афринъ! Афринъ!“ (славно!). Убійцу немедленно пустили на свободу. Во все время изслѣдованія этого дѣла мы находились подлѣ самаго правителя, который по окончаніи распросовъ обратился къ намъ и подробно объяснилъ законъ, на основаніи котораго онъ дѣйствовалъ. Такъ какъ это случилось въ пятницу, то онъ прибавилъ, что злодѣянія, совершенныя въ этотъ день, никогда не могутъ быть скрыты. Хотя во всемъ этомъ происшествіи не было ничего особенно новаго, однако же я, какъ Европейецъ, чувствовалъ, что кровь моя застывала въ жилахъ, когда я смотрѣлъ на обезображенные трупы и слушалъ слова чловѣка, оправдывавшаго себя въ убійствѣ жены, родившей ему троихъ дѣтей: да и самая поспѣшность приговора правителя, случайно проѣзжавшаго мимо мѣста злодѣянія, представилась не менѣ замѣчательною стороною этого ужаснаго обстоятельства. Кажется, что выставленіе убитыхъ тѣлъ на навозной кучѣ счи-

тается здѣсь въ нѣкоторой степени искупленіемъ за грѣхи преступника, ибо служить народу примѣромъ наказанія. Черезъ нѣсколько времени ихъ погрѣбають на томъ же самомъ мѣстѣ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Пешауаръ мы были приглашены на цѣлый день къ брату правителя, Пиръ Магоммедъ Хану. Онъ принялъ насъ въ саду, въ бесѣдкѣ изъ фруктовыхъ деревьевъ, обремененныхъ цвѣтомъ. На землѣ были разосланы ковры, и когда мы готовы были сѣсть на нихъ, онъ приказалъ шатнуть деревья и этимъ осыпать ковры разнообразными листьями абрикосовъ и персиковъ: благоуханіе было необыкновенно пріятно. Общество состояло почти изъ пятидесяти человекъ, всѣ участвовали въ угощеніи, которое было приготовлено въ самомъ обильномъ и роскошномъ видѣ. При этомъ присутствовали пѣвцы и пѣли различныя пѣсни на персидскомъ языкѣ и на языкѣ Пушту. Разговоръ былъ общій и преимущественно ограничивался рассказомъ о личныхъ приключеніяхъ гостей. Дети правителя и его братьевъ были

съ нами и на этотъ разъ : они шумѣли и ссорились за конфекты; а четверо изъ нихъ даже вступили въ ожесточенную битву, бросая другъ въ друга древесными цвѣтами наподобіе снѣжковъ. Я не помню , гдѣ бы мнѣ случилось видѣть мѣсто болѣе пріятное, чѣмъ Пешауаръ въ это время года : климатъ , сады и всѣ окрестности услаждаютъ чувства ; къ этому должно присоединить еще и гостепрѣимство жителей. Я не привезъ съ собою никакихъ подарковъ, чтобы привлечь къ себѣ этихъ людей, а потому и не бралъ никакихъ приношеній съ ихъ стороны ; но въ настоящемъ случаѣ хозяинъ нашъ приказалъ привести небольшую лошадку горской породы и настойчиво убѣждалъ меня принять ее. „Муркрофтъ“, сказалъ онъ , „принялъ отъ меня точно такую же лошадь и она въ послѣдствіи, во время встрѣтившихся затрудненій , послужила ему съ пользою ; по этому я не приму отъ тебя отказа, ибо ты идешь въ опасныя страны.“ Лошадь эта почти противъ моей воли отведена была на мою квартиру. Послѣдствія покажутъ, какимъ дивнымъ образомъ про-

является иногда Промысль въ дѣйствіяхъ человѣческихъ.

Не смотря на все это, наше пребываніе въ домъ правителя было сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами и требовало нѣкотораго обсужденія для изобрѣтенія плана, по которому мы могли бы съ честью вывести себя изъ затрудненій. Пешауарскій правитель былъ во враждѣ съ братомъ своимъ, правившимъ въ Кабуль, и потому старался убѣдить насъ проѣхать чрезъ этотъ городъ украдкою, дабы не увидѣться съ нимъ. Онъ даже предлагалъ отправить съ нами одного Персіянина въ качествѣ проводника вплоть до границы Афганистана; Я, конечно, принялъ бы это предложеніе, если бы считалъ его удобоисполнимымъ; но намъ предстояли очевидныя затрудненія въ переходѣ чрезъ городъ Кабуль и чрезъ владѣнія его правителя безъ извѣщенія объ этомъ начальства; кромѣ того, открытіе подобной попытки могло бы обрушить на насъ весь гнѣвъ чловѣка, котораго намъ нечего было бояться при явномъ созна-

нія того, что мы были британскіе офицеры. По этому я рѣшился довериться правителю Кабула точно также, какъ въ Пешауарѣ я доверился его брату, и старался убѣдить Султана Магоммедъ Хана, что наше знакомство съ его братомъ ни сколько не уменьшитъ того уваженія, которое мы питаемъ къ нему самому. Черезъ нѣсколько дней онъ согласился дозволить намъ отправить письма въ Кабуль и увѣдомить о нашемъ приближеніи Науаба Джаббаръ Хана, брата правителя, къ которому я адресовалъ пакетъ подъ новою своею печатью, вырѣзанною по образцу туземныхъ и украшенною именемъ *Сикандръ Борисъ*. Послѣ этого Султанъ Магоммедъ Ханъ ограничивался одними только совѣтами и предложеніемъ услугъ, которыя могли безопасно вывести насъ за предѣлы его владѣній. Кромѣ этого, онъ убѣдилъ насъ перемѣнить одежду, что мы и сдѣлали, оставивъ свое старое платье какъ несомнѣнный знакъ нашей бѣдности. Верхняя одежда, которую я носилъ, стоила мнѣ на базарѣ съ матеріаломъ и работою около одной съ половиною рупіи. Мы также рѣши-

лись скрывать наше европейское происхожденіе отъ простаго народа, но ни подъ какимъ видомъ не утаивать его отъ начальниковъ и даже отъ тѣхъ лицъ, съ которыми вступали въ близкое сношеніе. Принявъ такимъ образомъ совѣты правителя, мы навлекли на себя сильное его убѣжденіе не ѣздить въ Туркистанъ, а направить путь чрезъ Кандагаръ въ Персію. По словамъ его, ничто не могло спасти насъ отъ хищныхъ, людьми торгующихъ Узбековъ; онъ говорилъ, что у нихъ все было худо — и страна и народъ, и что объ нихъ можно судить по несчастіямъ Муркрофта и его спутниковъ. Я слушалъ и не говорилъ ни слова; правитель же подумалъ, что совершенно убѣдилъ меня оставить свое прежнее намѣреніе, и потому приготовилъ нѣсколько писемъ въ Кандагаръ и еще одно рекомендательное къ своему брату, управлявшему этимъ городомъ.

Спустя нѣсколько времени по пріѣздѣ нашемъ въ Пешауаръ, Султанъ Магоммедъ Ханъ илюминовалъ свой дворецъ и пригласилъ насъ

на пиршество, которое, какъ онъ увѣрялъ, давалось въ честь нашего у него пребыванія. Его покои отдѣлялись отъ нашей квартиры только одною стѣною, и потому онъ пришелъ послѣ обѣда, чтобъ ввести насъ въ свои комнаты. Обыкновенно въ продолженіе дня жены его находились въ этихъ покояхъ; но передъ нашимъ приходомъ приказано было сдѣлать *кружъ* *, и потому мы нашли въ нихъ только одного эвнуха, который болѣе походилъ на старую женщину. Вечеромъ собралось все приглашенное общество, не превышавшее пятнадцати челоуѣкъ, но состоявшее изъ самыхъ знаменитыхъ лицъ въ Пешауарѣ, и помѣстилось въ ярко-освященной залѣ. Большой фонтанъ, осѣненный навѣсомъ почти въ пятьдесятъ футовъ вышиною, шумѣлъ во внутренности дома; по сторонамъ его находилось нѣсколько комнатъ, обращенныхъ къ водоему. Отблескъ отъ этого болдахина, окрашеннаго свѣтлою краскою, производилъ пріятный эффектъ. Около восьми часовъ мы сѣли за

* Этимъ словомъ выражается обыкновеніе скрывать магоммеданскихъ женъ отъ взоровъ странника.

обѣдъ , приготовленный въ гаремъ и начинав-
щійся вареньями и конфетами: блюда эти
были гораздо лучше всего того, что мы ви-
дѣли въ такомъ же родѣ въ Индіи. За нами
подали самый обѣдъ, и мы провели время
весьма пріятно. Правитель и его придворные
говорили о своихъ войнахъ и о разныхъ поли-
тическихъ перемѣнахъ и предлагали мнѣ мно-
жество вопросовъ относительно нашего отече-
ства. Почти при каждомъ отвѣтѣ они дѣлали
сравненіе съ чѣмъ нибудь подобнымъ, взятымъ
изъ азійской исторіи, и преимущественно ссы-
лались на Тимура , Бабера и Ауругзеба, и во
всемъ этомъ проявляли большія свѣдѣнія. Я
описывалъ паровыя машины, гальваническія бат-
тарей , аэростаты и электрическіе снаряды и,
казалось , доставилъ имъ большое удовольствіе.
Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они мнѣ не въ-
рили, однако же не выражали своего сомнѣ-
нія. Многіе изъ придворныхъ, подтверждая сло-
ва правителя, льстили ему ; но выраженія ихъ
ни подъ какимъ видомъ не были раболѣпны, а
кроткая снисходительность Султана Магоммедъ

Хана совершенно очаровала меня. О Ранджитъ Сингъ онъ говорилъ съ осторожностью и, по видимому, желалъ какой-нибудь перемѣны, которая могла бы избавить его отъ безчестія имѣть сына своего золожникомъ въ Лагорѣ. Между прочимъ говорили о Русскихъ; при этомъ одинъ Персіянинъ, находившійся въ числѣ гостей, старался доказать, что его отечество нисколько не зависитъ отъ Россіи. Правитель на это замѣтилъ, что независимость Персіанъ въ нѣкоторой степени походила на его собственную независимость отъ Сейковъ, т. е. что не будучи въ состояніи имъ противиться, онъ вынужденъ принаровляться къ нимъ.

Изъ числа нашихъ посѣтителей никто такъ часто не приходилъ къ намъ, какъ сыновья и братья правителя, и мы никому столько не радовались, ибо всѣ они проявляли много ума и соображенія. Почти каждый изъ нихъ страдалъ перемежающеюся лихорадкою; но мы скоро вылечивали ихъ нѣсколькими приѣмами хинина, находившагося у насъ въ значительномъ количе-

ствѣ. Свѣдѣнія, которыя при одномъ случаѣ выказали эти малютки, заставили меня записать нашъ разговоръ. Четверо изъ нихъ однажды пришли ко мнѣ: ни одному не было болѣе двадцати лѣтъ. Когда они сѣли вокругъ меня, я предложилъ каждому по два вопроса о томъ, что составляло хорошія свойства стороны Кубула, и получилъ слѣдующіе отвѣты:—1. здоровый климатъ, 2. вкусные плоды, 3. прекрасные базары, 4. красота народа, 5. цитадель Бала Гиссаръ, 6. правосудіе правителя, 7. безсѣмянныя гранатовыя яблоки и 8. несравненный *рауашъ* или ревень. На четыре вопроса о худыхъ сторонахъ Кабула они отвѣчали, что ихъ составляютъ слѣдующее:—1. дороговизна жизненныхъ припасовъ, 2. невозможность содержанія въ исправности домовъ безъ постоянного очищенія крышъ отъ снѣга, 3. неопрятность улицъ, причиняемая разлитіемъ рѣвки, и 4. безнравственность прекраснаго пола, вошедшая въ поговорку, выражаемую персидскимъ двоестипіемъ. * Мнѣ

* „Занъ и Кабуль би ярь нистъ
Арадъ и Пешауаръ би джауаръ нистъ.“

кажется , что дѣти въ Европѣ не выказываютъ подобныхъ свѣдѣній: это, безъ сомнѣнія, можно приписать тому , что тутъ мальчики постоянно допускаются въ общество взрослыхъ людей. Здѣсь сыновей на двѣнадцати-лѣтнемъ возрастѣ окружаютъ особливою прислугою и, кромѣ того, задолго до этого періода воспрещаютъ имъ входить въ покой ихъ матерей , за исключеніемъ только весьма немногихъ случаевъ. Ходжа Магоммедъ, старшій сынъ пешауарскаго начальника, упомянутый выше, пришелъ однажды звать насъ къ себѣ обѣдать, и когда я при этомъ изъяснилъ удивленіе, что онъ живетъ своимъ домомъ, онъ отвѣчалъ : „Какъ! не уже ли ты желаешь, чтобъ я пріобрѣлъ привычки женщины? Я сынъ Дуранійца!“ Мы по временамъ ходили съ этими дѣтьми въ пешауарскіе сады и всегда находили малютокъ хорошими товарищами: при нихъ никто даже не могъ и подумать обидѣть насъ. Я помню, какъ одинъ изъ нихъ рассказывалъ мнѣ о войнахъ своего отца, убитаго два года тому назадъ въ сраженіи, и о томъ, какъ онъ взялъ въ свои

руки окровавленную голову родителя, принесенную съ поля битвы.

Подобныя прогулки въ Пешауаръ мы не всегда предпринимали съ такими товарищами: обжившись въ городѣ, я выходилъ одинъ, даже безъ сопровожденія капчи или привратника правителя, сопутствовавшаго намъ повсюду въ первые дни нашего пребыванія въ городѣ. Я посѣщаль цитадель Бала Гиссаръ, въ которой Шахъ Шуджа такъ великолюбно принималъ кабульскую миссію въ 1809 году: теперь это ничто иное какъ груда развалинъ, ибо Сейки сожгли ее совершенно въ одну изъ своихъ экспедицій на эту страну. Я также ходилъ въ большой каравансарай, гдѣ занимательный и умный путешественникъ, г. Фрѣзеръ, съ такимъ юморомъ описываетъ муллу, пытавшагося украсть у него платье. Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, прошедшихъ съ того времени, обстоятельства здѣсь чрезвычайно перемѣнились: Фрѣзеръ п достиженіи Кабула считалъ оконченными какъ свое путешествіе, такъ и всѣ опасности, съ нимъ

сопряженные; мы, наоборот, ожидали начала их только съ этого города. Проезжая городскія ворота, я замѣтилъ, что они были обиты подковами: это составляетъ здѣсь такое же суевѣрное обыкновеніе, какое существуетъ въ отдаленныхъ частяхъ Шотландіи. Какъ-то случилось, что у одного кузнеца не было работы: онъ обратился съ мольбою о покровительствѣ къ какому-то святому, который и присовѣтывалъ ему прибить пару подковъ къ городскимъ воротамъ; кузнецъ обогатился, и съ того времени всѣ его пешауарскіе товарищи прибѣгали къ этому же средству, въ которое они вѣрують отъ всей души.

Однимъ изъ самыхъ пріятныхъ посѣтителей нашихъ въ Пешауаръ былъ рѣщикъ печатей, уроженецъ этого города, путешествовавшій по бѣльшей части Азіи и восточной Европы, хотя ему не было еще и тридцати лѣтъ. Въ ранніе годы свои онъ возимѣлъ сильное желаніе посѣтить чужія страны и подѣ предлогомъ путешествія въ Мекку оставилъ домъ безъ вѣдома

своего семейства и отправился по Инду въ Аравію. Онъ совершилъ *хаджъ* или поклоненіе гробницъ пророка, потомъ прошелъ въ Египетъ, Сирію, Константинополь, Грецію и на острова Архипелага, содержа себя на пути вырѣзываніемъ имень правовѣрныхъ на печатяхъ, что, по видимому, составляетъ доходную отрасль промышленности. При помощи заработанныхъ имъ денегъ онъ осмотрѣлъ всѣ рѣдкости Леванта, примыкая на дорогѣ къ другимъ странникамъ, изъ которыхъ одинъ подлымъ образомъ пытался отравить его. Послѣ пяти или шести-лѣтняго отсутствія онъ возвратился въ свою семью, которая давно считала его погибшимъ; отецъ его воспользовался первымъ случаемъ, чтобы устроить жизнь его и этимъ подавить въ немъ наклонности къ странствованіямъ: съ того времени онъ постоянно живетъ въ Пешауарѣ. Рѣшникъ былъ совершенно счастливъ, что могъ посѣщать насъ и говорить съ нами о Нилѣ, о пирамидахъ, объ Истамбулѣ и его золотомъ рогѣ, ибо немногіе изъ его соотечественниковъ вѣрили его рассказамъ. Онъ вспоминалъ съ

большимъ восторгомъ о своей скитальческой жизни и вздыхалъ о томъ, что, будучи отцомъ семейства, не имѣетъ возможности намъ сопутствовать. Такая страсть къ скитальческой жизни есть странное явленіе въ характеръ Афгановъ, обыкновенно привязанныхъ къ своей родинѣ. Магоммеданинъ, однакоже, находитъ себѣ домъ повсюду, гдѣ только господствуетъ его вѣра: въ этой религіи есть нѣкотораго рода товарищество, связывающее всѣхъ ея членовъ, и между ними нѣтъ никакого различія ни въ степеняхъ, ни въ чинахъ, которые столь рѣзко обозначаютъ общества другихъ странъ и вѣрованій.

Мы прибыли въ Пешауаръ въ самую пору охоты на перепѣловъ, когда всякой, кто только могъ на нѣкоторое время отложить свои дѣла, былъ занятъ или ловлею ихъ сѣтью и соколами, или боями этихъ отважныхъ птичекъ. Каждый вторникъ собиралось общество охотниковъ на дворъ правителя, поощрявшаго эту забаву. Онъ черѣдко въ такихъ случаяхъ при-

сымалъ за ними, приглашая насъ смотрѣть по-
 бонца, которыя имѣютъ въ себѣ много забав-
 наго какъ въ отношеніи самихъ птицъ, такъ и въ
 отношеніи охотниковъ. Тутъ и правитель, и его
 слуги, и его подданные, всѣ были равны ме-
 жду собою, ибо героями являлись не люди, а
 перепѣла, которыхъ обыкновенно приносятъ въ
 мѣшкахъ и побуждаютъ къ дракѣ зернами хлѣ-
 ба, которыя имъ бросаютъ. Если перепѣлъ съ-
 разу побѣжить отъ своего противника, то онъ
 считается негоднымъ и немедленно наказывает-
 ся смертию; но птицы эти рѣдко обращаются
 въ бѣгство безъ боя. Ничто не можетъ пре-
 взойти пристрастія Афгановъ въ забавамъ та-
 кого рода: почти всякой мальчикъ, котораго вы
 встрѣтите на улицѣ, несетъ въ рукахъ пере-
 пѣла и почти во всѣхъ частяхъ города соби-
 раются толпы, чтобы посмотрѣть перепѣлиную
 драку.

Правитель, видя, какое участіе мы принимали
 въ этихъ зрѣлищахъ, пригласилъ насъ на со-
 колниую охоту, миль за пять отъ Пешауара :

мы бѣдили за водяными птицами, но были несчастливы и ничего не убили, ибо предшествовавшіе намъ охотники перепугали всѣхъ утокъ. Пикъ-никъ, который мы имѣли при этомъ, далъ намъ отчасти возможность видѣть обычаи Афгановъ. Мы съѣли подъ легкимъ наметомъ; слуги принесли восемь, или десять барашковъ, нарочно для этого зарѣзанныхъ; правитель спросилъ ножъ, разрѣзалъ одного изъ нихъ, вѣдѣлъ куски на шомполъ, взятый изъ ружья одного служителя, и потомъ приказалъ ихъ изжарить. При этомъ онъ сказалъ мнѣ, что такимъ образомъ изготовленные кушанья гораздо вкуснѣе изготовленныхъ обыкновеннымъ способомъ, и потомъ прибавилъ, что если бы мы находились въ походѣ, то онъ приказалъ бы держать одинъ конецъ шомпола кому-нибудь изъ служителей, а самъ повертывалъ бы другой до тѣхъ поръ, пока не поспѣло бы жаркое, и что тогда только угощеніе было бы истинно дуранійское: мнѣ чрезвычайно понравилась такая неподдѣльная простота. Общество, собравшееся на этотъ пикъ-никъ, состояло почти изъ

тридцати человекъ и отъ всѣхъ изжаренныхъ барашковъ не осталось ни куска, ибо аппетитъ у всѣхъ былъ хорошій, а кушанье превосходно изготовлено, при томъ же Афганцы считаются отличными ѣдоками.

По мѣрѣ приближенія времени нашего отъѣзда пиры увеличивались: насъ приглашали къ обѣду всѣ начальники, нѣкоторые изъ ихъ сыновей, многіе муллы и мирзы. Но самое пріятное приглашеніе мы получили отъ Муллы Наджиба, человекъ весьма достойнаго, предпринимавшаго отважное путешествіе въ страну Каффировъ по предложенію г. Эльфинстона и получающаго за это вполнѣ-заслуженную пенсію. Онъ далъ намъ много полезныхъ совѣтовъ и, вообще принимая въ насъ большое участіе, старался убѣдить, въ противность нашему намѣренію, не принимать въ проводники никакой духовной особы. * Такъ какъ

* Между многими совѣтами онъ предлагалъ *лѣтъ чеснокъ* во всѣхъ странахъ, которыя мы посѣтимъ: на Востокѣ существуетъ повѣрье, что чужеземцы, употребляя это растеніе, скорѣе сродняются съ климатомъ.

намъ разсказывали, что муллы и сейды имѣютъ большое вліяніе на Узбековъ, то мы полагали, что подобный чело­вѣкъ въ качествѣ проводника могъ быть полезенъ въ случаѣ опасности, ибо и Муркрофтъ совершенно довѣрялся такому же лицу, живущему теперь въ Пешауарѣ. Мулла Наджидъ, напротивъ, увѣрялъ меня, что подобный чело­вѣкъ никогда не будетъ въ состояніи вывести насъ изъ затрудненія, а только станетъ повсюду разглашать о нашемъ приближеніи, и въ заключеніе говорилъ, что многія бѣдствія, постигшія бѣднаго Муркрофта, должны быть приписаны этимъ людямъ. Подобный совѣтъ отъ чело­вѣка, который самъ принадлежалъ къ духовному сану, заслуживалъ уваженія, и я въ послѣдствіи совершенно убѣдился въ справедливости словъ Наджиба.

Въ слѣдствіе этого мнѣ нужно было объ­ясниться съ духовною особою, о которой я упомянулъ, именно съ Фазиль Гакомъ, и потому я посѣтилъ его. Онъ сталъ предо мною хвастаться цілою ордою своихъ учениковъ, жи-

вущихъ на пути къ Бухарь, ордою столько же многочисленною, сколько и все тамошнее народонаселеніе. Знакомство мое съ нимъ имѣло довольно любопытное начало: г. Курь, приказывая своему секретарю написать письмо къ какому-то другому духовному лицу въ Пешауарь, не могъ припомнить его имени и обратился ко мнѣ съ вопросомъ объ этомъ; я же, зная, что Фазиль Гакъ пользовался тамъ большимъ вліяніемъ, назвалъ его на-угадъ. Секретарь написалъ письмо, я вручилъ его Гаку, и мулла остался чрезвычайно доволенъ тѣмъ, что получилъ посланіе изъ страны, въ которой не имѣлъ никакого знакомства. Онъ принялъ меня очень ласково и, охотно предлагая свои услуги, обѣщалъ дать рекомендательныя письма ко всѣмъ знатымъ лицамъ въ Татаріи. Ему кто-то говорилъ, что будто бы я по происхожденію Армянинъ, находящійся въ англійской службѣ. Я, не считая за нужное выводить его изъ этого заблужденія, благодарилъ за одолженіе со всею кротостію и униженностію бѣднаго путешественника, а онъ продолжалъ давать свои

совѣты еще съ бѣльшею снисходительностію. „Твоя 'безопасность,'“ говорилъ онъ, „будетъ зависѣть отъ твоего старанія отложить въ сторону имя Европейца, или, по крайней мѣрѣ, Англичанина, ибо жители тѣхъ странъ считаютъ Англичанъ политическими интриганамн и обладателями несметныхъ богатствъ.“ Здра- вый смыслъ и самое простое разсужденіе указывали мнѣ точно на такой же образъ дѣйствія; но исполненіе его было гораздо труднѣе. Му- ла приготовилъ письма и прислалъ ихъ къ намъ: они были адресованы къ государю Бухары и къ пяти начальникамъ на Оксъ, почитавшимъ его своимъ духовнымъ руководителемъ. Въ нихъ онъ описывалъ насъ *бѣдными, слѣпотствующи- ми странниками*, заслуживающими покровитель- ства правовѣрныхъ. Письма эти были наполне- ны извлеченіями изъ Корана и множествомъ нравственныхъ афоризмовъ въ нашу пользу. Фазиль Гакъ, однако же, просилъ не отдавать ихъ до тѣхъ поръ, пока насъ не вынудить къ этому крайняя нужда: я смотрѣлъ на нихъ какъ на драгоценные документы и, вы-

ходя изъ его дома, сказалъ ему, сколько я завидовалъ вліянію, которое онъ имѣетъ надъ народами, что приписывалъ его происхожденію отъ знаменитаго рода и его огромному богатству. До сихъ поръ я не совсѣмъ хорошо думалъ объ немъ, ибо онъ подлежалъ подозрѣнію объ увеличеніи несчастій Муркрофта, основанному на томъ, что семейство одного изъ его учениковъ было обогащено сокровищами этого несчастнаго путешественника. Онъ, однако же имѣетъ въ своихъ рукахъ документы, которые разсѣяли мою недовѣрчивость; но, не смотря на все это, я какъ-то невольно желалъ скорѣе избѣжать его, нежели заискивать въ свою пользу и старался лучше угождать, чѣмъ не понравиться.

Намъ между прочимъ совѣтывали не раздавать народу лекарствъ, ибо это уже успѣло привлечь къ нашему доктору сотни больныхъ и распространяло бы молву о нашемъ приближеніи во все время путешествія. Я думалъ, что званіе медика будетъ служить намъ лучшимъ

паспортомъ и теперь остаюсь при мнѣніи, что для искателей приключеній оно, безъ сомнѣнія, весьма выгодно; но наша цѣль состояла только въ томъ, чтобы безопасно проѣхать, и потому мы вынуждены были совершенно отказаться отъ него. Кромѣ безпрестанныхъ требованій медицинской помощи со стороны жителей, не оставлявшихъ намъ времени для своихъ занятій, оно еще распространяло множество толковъ о нашихъ богатствахъ и сокровищахъ, будто бы у насъ находившихся и доставлявшихъ намъ возможность безвозмездно раздавать лекарства. По этому мы рѣшились оставить медицину при первомъ случаѣ и покинули планъ, который я съ самаго начала путешествія считалъ однимъ изъ полезнѣйшихъ. Одно кровопусканіе могло бы доставить огромную практику медику, ибо Афганцы пускаютъ себя кровь ежегодно во время весенняго равноденствія, пока не достигнутъ тридцати-лѣтняго возраста, и, сверхъ того, часто страдаютъ перемежающеюся трехъ-дневною лихорадкою, которая еще болѣе увеличиваетъ число пациентовъ.

Единственная древность, отысканная нами въ окрестностяхъ Пешауара, состоитъ изъ топа, или насыпи, почти въ пяти миляхъ отъ города, по дорогѣ въ Кабуль: она, по видимому, принадлежитъ къ одному времени съ маникіальскимъ и беларскимъ, но находится въ такомъ разрушенномъ состояніи, что по остаткамъ невозможно было бы составить никакого понятія о его планѣ, если бы мы не выдали топовъ въ Панджабѣ. Онъ имѣетъ около ста футовъ высоты; камни, которыми онъ былъ облицованъ, выпали и увезены съ мѣста. Близъ него мы не достали никакихъ монетъ, а жители не могли сообщить никакого объ немъ преданія, кромѣ того, что это топъ. Намъ говорили еще о другомъ подобномъ этому зданіи, стоящемъ въ хиберскомъ ущельи въ восемнадцати миляхъ разстояніемъ; но мы не могли осмотрѣть его по причинѣ безпокойнаго состоянія края, въ которомъ онъ находится. Этотъ послѣдній больше и выше маникіальскаго топа и, какъ говорятъ, сохранился лучше. Намъ также разсказывали, что есть восемь, или девять башенъ

такого же рода по направленію къ странѣ Каффировъ, въ Суать и Бунерь. Весьма вѣроятно, что эти зданія составляютъ гробницы государей, ибо въ каждомъ изъ нихъ въ срединѣ опущена шахта. Можно думать, что это постройки буддійскія.

Мы прожили въ Пешауарѣ около мѣсяца; быстрое приближеніе теплой погоды показывало, что намъ нечего было долѣе опасаться снѣговъ Кабула и Гинду Куша. Термометръ, стоявшій во время нашего пріѣзда на 60° въ полдень, теперь поднялся до 87° градусовъ; тутовья ягоды созрѣвали; снѣгъ совершенно исчезъ съ самыхъ высокихъ окрестныхъ вершинъ; но миновавшая зима была очень жестока, и во время нашего пребыванія въ Пешауарѣ выпадалъ градъ величиною съ ружейную пулю. Мы начали поспѣшно готовиться къ отъѣзду, къ чему были еще побуждены и тѣмъ, что получили письмо изъ Кабула, въ которомъ насъ просили поспѣшить пріѣздомъ. Трудно было склонить пешауарскаго правителя дозволить намъ отъ-

ездъ; но наконецъ, послѣ долгой отсрочки, онъ назначенъ былъ 19 Апрѣля.

Мнѣ непростительно было бы не упомянуть въ числѣ придворныхъ Султана Магоммедъ Хана о его дворецкомъ, *maitre d'hôtel*, Сатаръ Ханъ, кашмирскомъ уроженцѣ, веселомъ тодстякѣ, столь долгое время кормившемъ насъ пилавами и другими вкусными блюдами. Во все время пребыванія нашего въ Пешауаръ, мы были на полномъ содержаніи правителя, и потому этотъ человѣкъ, постоянно ласковѣй и добродушный, старался, со всею изисканною въжливостью своихъ соотечественниковъ, удовлетворять всѣ наши желанія. Онъ хотя и не разыгрывалъ важной роли въ дѣлѣ управленія, однако же имѣлъ значительное вліяніе на правителя, женившася на его сестрѣ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ большими черными глазами, которыхъ, кажется, я никогда не забуду, ибо они всегда радостно слѣдили за каждымъ кускомъ, переходившимъ съ тарелки въ мой желудокъ. Наружный видъ его показывалъ, что онъ не былъ чуждъ насла-

жденій земной жизни ; доброта его всегда побуждала подѣлиться ими съ ближними. Таковъ былъ кашмирскій дворецкій, Сатаръ Ханъ. Онъ навязалъ намъ нѣсколько рецептовъ для усовершенствованія нашего гастрономическаго искусства; но мы не имѣли повара, который бы могъ воспользоваться ими.

ГЛАВА IV.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КАБУЛЬ.

Апрѣля 19 мы простились съ Султаномъ Магоммедъ Ханомъ и съ Пешауаромъ. Ничто не можетъ превзойти милостиваго къ намъ вниманія этого начальника. Такъ какъ мы съ нимъ совсѣмъ разставались теперь, то онъ поручилъ насъ одному Персіянину, принадлежавшему къ числу его офицеровъ и нарочно для этого отправлявшемуся съ нами въ Кабуль; потомъ вручилъ намъ письмо къ своему брату въ Кандагаръ, вмѣстѣ съ другими къ разнымъ лицамъ въ Кабуль, и передалъ нѣсколько бланковыхъ листовъ за своею печатью, прося вписывать въ нихъ письма къ тѣмъ изъ его знакомыхъ, которыхъ мы сочтемъ для себя полезными. Такое доброе расположеніе, какъ легко можно себѣ представить, вызывало совершенную нашу при-

знательность; но я съ трудомъ могъ убѣдить правителя принять отъ меня пару пистолетовъ небольшой цѣны. Сыну его я подарилъ табакерку съ музыкой, и онъ сожалѣлъ, что мы это сдѣлали. Когда мы вышли изъ его дома, то онъ сошелъ взглянуть, какъ мы сядемъ на лошадей и, пожелавъ успѣха и всякаго благополучія, хотѣлъ даже проводить насъ на нѣкоторое разстояніе, но мы отклонили его отъ этого намѣренія. Нѣкоторые изъ его приближенныхъ, съ которыми мы успѣли сблизиться, провожали насъ до первой станціи; въ числѣ ихъ находились Голамъ Кадиръ и Миръ Аламъ: это два сына Кази, живущаго въ Лодіанъ; имъ мы обязаны многими услугами во время нашего пребыванія въ Пешауаръ.

Въ Кабуль отсюда ведутъ пять дорогъ; мы избрали ту, которая лежитъ вдоль рѣки, ибо хиберское ущелье не совсѣмъ безопасно отъ разбойниковъ, въ немъ обитающихъ, и, слѣдуя этимъ путемъ, перѣехали чрезъ прекрасную пешауарскую равнину до самаго Мачни.

Въ Пешауарѣ мы познакомились съ однимъ изъ хиберскихъ начальниковъ , который предлагалъ намъ взять дорогу на Хиберь; но такъ какъ здѣсь Хиберцамъ не совсѣмъ довѣряютъ , то и мы сочли за нужное отказаться отъ предложенія. Надиръ Шахъ заплатилъ этимъ горцамъ значительную сумму , чтобы упрочить себѣ безопасный переходъ чрезъ дефилеи ихъ страны, простирающейся почти на восемнадцать миль въ длину и весьма сильной своею мѣстной природою. Какъ мнѣ ни хотѣлось посмотрѣть на эти племена въ ихъ природномъ состояннн , однако же нашъ знакомецъ не заслуживалъ довѣрн , хотя и считался начальникомъ : это былъ высокнй и сухощавый мужчина, подобный всѣмъ, принадлежащимъ къ его племени, и весьма склонный къ крѣпкимъ напиткамъ. Когда онъ говорилъ о своей родинѣ, то не иначе называлъ ее, какъ *Ягистаномъ*, т. е. страну бунтовщиковъ. Однажды мнѣ случилось ѣздить съ нимъ въ одинъ изъ садовъ близъ Пешауара, гдѣ онъ предлагалъ сдѣлать попойку, но я отказался,

ибо считалъ его и всѣхъ его друзей достаточно дикими и безъ опьяненія.

Повыше Мачни мы переправились чрезъ рѣку Кабуль на плоту, поддерживаемомъ надутыми кожанными мѣшками: это весьма опасный и ненадежный образъ переправы. Здѣсь рѣка имѣетъ только 250 ярдовъ ширины; вода течетъ съ такою быстротою, что мы были отнесены болѣе, чѣмъ на милю внизъ по теченію, прежде нежели успѣли пристать къ противоположному берегу. Наши верховья и выючныя лошади переплыли сами. Мачни есть разбросанная деревня, стоящая при входѣ въ долину, гдѣ рѣка Кабуль вступаетъ на равнину. Ниже этого мѣста рѣка въ своемъ теченіи къ Инду раздѣляется на три рукава. На ней обыкновенно плаваютъ на плотахъ; но тутъ есть также и суда: богомольцы, отправляющіеся въ Мекку, нерѣдко садятся на нихъ въ Акоръ и спускаются по Инду до моря; товары же никогда не отправляются этимъ путемъ, хотя водяное

сообщеніе удобно почти отъ самаго Кабула до Океана.

Двадцать третьяго числа, изготовивъ все для путешествія, мы склонили на свою сторону Момандовъ, чрезъ страну которыхъ намъ предстояла необходимость проходить: это разбойническое племя, менѣе дикое, чѣмъ ихъ сосѣди въ Хиберъ. Они потребовали по одной съ половиною рупіи съ cadaго Магоммеданина и вдвое болѣе этого съ cadaго Индуса, но согласились взять менѣе и долго спорили при раздѣлѣ платы. Мы начали свой походъ, перебираясь чрезъ горы и скалы, и вскорѣ убѣдились во вліяніи этихъ новыхъ друзей своихъ: мы встрѣтили нѣсколько одинокихъ путниковъ, сопровождаемыхъ дѣтьми изъ этого племени, служившими имъ достаточною порукою въ безопасности. Послѣ утомительнаго перехода чрезъ горныя ущелья, мы снова увидѣли себя на рѣкѣ Кабуль и перешли ее во второй разъ. Въ это время мы получили достаточное понятіе о родѣ нашего путешествія и о приѣмѣ, какой могли

ожидать отъ туземцевъ. Мы всегда ѣхали въ кучь. Достигнувъ береговъ этой рѣки, мы не иначе могли перенравиться чрезъ нее, какъ снова заплативъ деньги Момандамъ. Изнуренные палящимъ солнцемъ, мы легли въ тѣни скалъ, скатившихся съ горъ, которыя величественно поднимались надъ нашими головами почти на 2000 футовъ. Въ ожиданіи переправы, мы любовались рѣкою, которая быстро неслась въ своемъ теченіи при ширинѣ въ 120 ярдовъ; а горцы между тѣмъ достали къ полудню отъ восьми до десяти мѣховъ, и мы начали переправляться; но ночь наступила прежде, нежели вся наша партія успѣла перебраться на другой берегъ, гдѣ мы принуждены были зажечь горную траву, чтобъ освѣтить окрестности и тѣмъ обезопасить ненадежный плотъ остальныхъ товарищей. Переправа чрезъ рѣку была скучна и затруднительна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ быстрота потока была до того сильна, что вода кружилась воронкою и нѣсколько разъ вертѣла плотъ; а пониже этого мѣста, говорили горцы намъ въ утѣшеніе, былъ водоворотъ, и если бы

намъ случилось попасть въ него , то мы принуждены были бы вертѣться въ немъ по крайней мѣрѣ цѣлый день, голодая и изнемогая отъ тщетныхъ усилій выбраться изъ него. Этого несчастія мы, однако же, всѣ избѣгли, хотя нѣкоторые изъ нашихъ спутниковъ и были унесены довольно далеко по теченію. По обоимъ берегамъ рѣки не было ни деревень , ни жителей, и потому мы разстелили свои ковры на землѣ подъ открытымъ небомъ и радостно провели ночь послѣ труднаго дневнаго перехода. Шумъ рѣки скоро убаюкалъ почти всѣхъ насъ ко сну; къ полуночи все затихло, кромѣ голоса проводниковъ-горцевъ , которые, размѣстившись по скаламъ , поднимавшимся надъ нашими палатками, караулили до разсвѣта. Съ виду это была шайка отъявленныхъ головорѣзовъ и намъ крайне забавно было смотрѣть на изысканное почтеніе, которое они намъ оказывали. Начальникъ ихъ, оборванный негодяй, не имѣвшій даже и чамаы, сопровождалъ насъ верхомъ на лошади; подчиненные его пѣли въ честь ему пѣсни и подносили подарки. Едва мы вышли изъ

этого края, какъ со всѣхъ сторонъ посыпались хулы на людей, которыхъ мы все это время задобривали. О враждѣ существующей между здѣшними племѣнами можно заключить изъ слѣдующаго выраженія одного старика, который, пуская свою лошадь на поле пшеницы въ странѣ Момандовъ, говорилъ ей: „ѣшь, мой добрый конь: разбойники Моманды въ свое время довольно поѣли моего добра.“

Послѣ восьми-часовой ѣзды подѣ самымъ знойнымъ солнцемъ, мы на другое утро по утесистой и трудной дорогѣ достигли рѣки и, продолжая путь далѣе, доѣхали послѣ полудня въ Газарнау, разстояніемъ миль на двадцать. Добравшись до Дакн, мы мпновали главнѣйшую часть трудностей на пути къ Кабулу. Видѣ съ вершинъ горнаго ущелья, прежде нежели мы спустились въ долину рѣки Кабула, былъ превосходенъ: мы могли видѣть городъ Джамелебадъ, отстоявшій въ сорока миляхъ; рѣка змѣнилась по равнинѣ и образовала множество плодородныхъ острововъ въ своемъ теченіи; Са-

фаедъ Кохъ или бѣлыя горы воздымали свои вершины по одну сторону, а хребетъ Нурджилъ или Кунеръ—по другуюю. Афганцы думаютъ, что на этихъ горахъ остановился ковчегъ Ноя послѣ потопа, и этотъ афганистанскій Араратъ по высотѣ своей дѣйствительно заслуживаетъ такого отличія: онъ постоянно покрытъ снѣгомъ. Недалеко отъ этихъ мѣстъ, въ Бѣджаурѣ, есть отдѣльная скала, называемая Наоджи, соответствующая, по моему мнѣнью, знаменитой скалѣ Аорна, которая, безъ всякаго сомнѣнія, находилась въ этомъ сосѣдствѣ. Говорятъ, что она совершенно недоступна кромѣ какъ по одной дорогѣ, что она высока и сильна своимъ положеніемъ и столь обширна, что можетъ производить достаточное количество хлѣба для содержанія гарнизона, и кромѣ того имѣетъ обильный источникъ воды. Все это совершенно соответствуетъ Аорну. Притомъ же она отстоитъ на двадцать миль отъ Бѣджаура, а изъ исторіи мы знаемъ, что жители Базаріи (которую считаютъ за Бѣджаурѣ) укрылись ночью

для своего спасенія въ Аорнѣ. Я, однако же, не видалъ скалы Наоджи.

Въ окрестностяхъ Мачни горы состоятъ изъ песчанника; на вершинахъ ущелья видны жилы кварца. Горныя породы, составляющія ложе рѣки Кабула, состоятъ изъ гранита; а выше деревни Даки есть формація слюды, поднятой вертикальными пластами. Трава и кустарники, которые растутъ на этихъ горныхъ породахъ, издавали пріятный запахъ. Одинъ кустъ весьма походитъ на дрокъ, а другой на касатникъ, снабжающій жителей матеріаломъ для плетенія рагожъ, изъ которыхъ они дѣлаютъ свои хижины, и для плетенія обуви, привязываемой къ ногъ тѣмъ же веществомъ. Усталость и жажду мы утоляли растеніемъ изъ рода щавелей, которое было очень пріятно: мы рвали и ѣли его во все время какъ взбирались вверхъ по горамъ. Пастбища здѣсь благопріятствуютъ скотоводству: имъ пешауарская баранина обязана своимъ вкусомъ.

Прежде нежели мы оставили Даку, насъ посетилъ начальникъ Момандовъ, Садатъ Ханъ, изъ

Дилпура , человекъ лѣтъ тридцати отъ-роду , съ веселою физиономією. Мы съѣли подъ тутое дерево , на матрасъ , и провели подъ нимъ около часу , въ продолженіе котораго онъ неоднократно приглашалъ насъ прожить у него нѣсколько дней въ гостяхъ и общалъ занять насъ охотою съ соколами, которыхъ нѣсколько вынесено было его служителями. Мы отклонили его предложеніе подъ предлогомъ необходимости ѣхать далѣе. Я въ послѣдствіи узналъ, что этотъ вѣчно-улыбающійся Момандъ возвысился до степени начальника чрезъ убіеніе двухъ своихъ племянниковъ и ихъ матери.

Въ Загарно мы встрѣтили одного Хиберца , котораго знали еще въ Панджабѣ, гдѣ онъ служилъ *сиркаромъ* или гонцомъ Ранджитъ Синга. Узнавъ о нашемъ пріѣздѣ , онъ немедленно явился, схватилъ меня за ноги , потомъ за бороду и выразилъ немногими извѣстными ему персидскими словами, что мы его гости и должны остановиться въ его домѣ. Мы съ удовольствіемъ приняли такое предложеніе. Это

былъ человекъ очень некрасивый съ нависшими бровями и впалыми глазами; онъ имѣлъ двоихъ сыновей, съ которыми, послѣ четырнадцати-лѣтней разлуки, увидѣлся только за нѣсколько дней до нашего пріѣзда, не смотря на то, что два раза возилъ депеши въ Кабуль, и следовательно два раза проѣзжалъ по своей родимой деревнѣ и мимо своего дома: онъ не останавливался, чтобъ распросить о своемъ семействѣ. Теперь же онъ навсегда возвратился на свою родину.

Послѣ утомительнаго перехода, продолжавшагося двѣнадцать часовъ, изъ которыхъ три были проведены въ ожиданіи отставшихъ попутчиковъ, мы достигли Джамелебада, утромъ 26 числа. Когда мы проходили Сурхеуаръ, гдѣ нерѣдко разграбляются караваны, нашъ проводникъ, изъ желанія ли показать свою храбрость, или отъ разстроенности воображенія, представилъ себя атакованнымъ разбойниками: онъ вдругъ выстрѣлилъ изъ карабина, и пока люди, находившіеся позади, поспѣшно къ намъ

примыкали, успѣлъ разсказать длинную исторію о своей отчаянной храбрости, о томъ, какъ онъ наказалъ одного разбойника прикладомъ ружья и какъ самъ едва не погибъ отъ пули противника, прожужжавшей надъ его ухомъ. Товарищи дивились мужеству своего друга и также похвалили его; но намъ казалось страннымъ только то, что изъ всѣхъ нашихъ проводниковъ только ему одному случалось видѣть разбойниковъ. Скоро, однако же, кто-то изъ принадлежавшихъ къ каравану объяснилъ дѣло тихонько замѣтивъ, что Персіянинъ выказывалъ свою храбрость только потому, что мы были въ опасности.

Нашъ путь изъ Газарнау въ Джамелебадъ лежалъ чрезъ обширную каменистую пустыню, часть которой извѣстна подъ именемъ *Дашта* или равнины Баттикота, замѣчательной по вредоносному вѣтру *симуму*, преобладающему въ ней въ жаркое время года, не смотря на то, что горы, поднимающіяся по обѣ стороны, покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Жители этой страны описыва-

ютъ симумъ гибельнымъ во всѣхъ случаяхъ. По увѣренію путешественниковъ, подвергавшихся его вліянію, онъ до того сухъ, что лишаетъ чувствъ чловѣка. Для спасенія такимъ образомъ погибающихъ, здѣсь обыкновенно стремительно вливаютъ имъ въ ротъ воды, или раскладываютъ возлѣ нихъ огонь, также оказывающій хорошее дѣйствіе. Съ такимъ же успѣхомъ даютъ больному сахаръ и сушенныя бухарскія сливы. Лошади и другія животныя подвергаются дѣйствію симума также какъ и чловѣкъ. Увѣряютъ, что трупы до того размягчаются и разлагаются, что члены отпадаютъ одинъ отъ другаго, а волосы вылезаютъ отъ малѣйшаго прикосновенія. Этотъ вѣтеръ неизвѣстенъ въ возвышенныхъ частяхъ Кабула и преимущественно ограничивается баттикотскою равниною, здѣсь описываемою. Ночью онъ также губителенъ въ своемъ дѣйствіи какъ и днемъ; лѣтомъ же никто не пускается въ дорогу, пока солнце не скроется съ горизонта. Въ обществѣ изъ тридцати, или сорока чловѣкъ можетъ быть только одинъ подвергнется его вліянію; а тѣ,

которые избѣгнуть его, даже не замѣтятъ никакой перемѣны въ атмосферѣ. Вѣроятно, это явленіе есть ни что иное, какъ дѣйствіе теплоты на извѣстное состояніе тѣла.

Намъ не случилось путешествовать во время такихъ жаркихъ вредоносныхъ вѣтровъ; но зато во время этого перехода насъ застигла одна изъ тѣхъ бурь съ вѣтромъ и пылью, которыя такъ обыкновенны въ странахъ притропическихъ. Она сопровождалась довольно страннымъ феноменомъ, состоявшимъ въ томъ, что столбы пыли приближались одинъ къ другому съ совершенно противоположныхъ точекъ компаса и, соединившись, принимали вновь совершенно другое направленіе. Можетъ быть это причиняется противоположнымъ теченіемъ двухъ потоковъ воздуха, проходящихъ по низкой равнинѣ, имѣющей отъ двѣнадцати до пятнадцати миль ширины и окруженной съ обѣихъ сторонъ высокими горами. Въ Джалелебадъ мы узнали, что этотъ городъ былъ затопленъ дождемъ, хотя у насъ на пути его совершенно не было.

Въ деревнѣ Бассаулѣ, въ одной горѣ, поднимающейся на сѣверъ отъ рѣки Кабула, мы видѣли въ скалахъ обширныя пещеры, относящіяся, какъ намъ говорили, ко временамъ Каффировъ или невѣрныхъ. Пещеры эти расположены группами, изъ коихъ каждая имѣетъ входъ, равняющійся величинѣ обыкновенной двери. Можетъ быть, пещеры эти когда-то составляли селеніе, ибо извѣстно, что прежде почти во всей Азїи люди жили въ изрытыхъ мѣстахъ. Это мы знаемъ изъ описанія Трогдолитовъ, встрѣчаемаго у многихъ историковъ. Я, однакоже, не думаю, чтобъ можно было выводить какое либо особенное заключеніе о томъ, или о другомъ народѣ изъ существованія въ нѣкоторыхъ странахъ подобныхъ пещеръ: большая часть необразованныхъ народовъ находятъ болѣе безопасности въ расщелинахъ скалъ, чѣмъ въ хижинахъ равнинъ. Близъ Джалелебада находится семь круглыхъ башенъ, отличающихся постройкою отъ топовъ, и, какъ увѣряютъ, относящихся къ глубокой древности; въ ихъ окрестностяхъ найдено нѣсколько весьма большихъ медалей. Между Джалелебадомъ и го-

Рами, въ странѣ Лагманъ, жители указываютъ на гробницу Метаръ Лама или Ламеха, отца Ноа; нѣкоторые относятъ это мѣсто ко временамъ Каффировъ, а добрые Магоммедане довольствуются вѣрованіемъ, что это гробница одного изъ ихъ пророковъ и что на всей землѣ есть только три ея подобныя.

Мы остановились дня на два въ Джалелебадѣ, принадлежащемъ къ самымъ неопытнымъ городамъ, какіе мнѣ только случилось видѣть на Востокъ. Это небольшое мѣстечко съ базаромъ, состоящимъ изъ пятидесяти лавокъ; жителей въ немъ считается до 2000; но въ холодное время года число ихъ увеличивается въ десятеро, ибо люди стекаются въ него изъ всѣхъ окружающихъ горъ. Джалелебадъ служитъ резиденціею одному начальнику изъ баракзійской фамили, получающему около семи лаковъ рупій ежегоднаго дохода. Рѣка Кабуль протекаетъ на разстояніи одной четверти мили къ сѣверу отъ города и имѣетъ около 150 ярдовъ въ ширину; но въ бродъ недоступна. На сѣверъ и на

югъ отъ Джалелебада проходятъ два снѣжные хребта горъ параллельно одинъ другому. Сѣверный хребетъ называется Сафаадъ Кохъ, чаще же Раджгалъ, и по мѣрѣ удаленія къ востоку понижается и лишается своихъ снѣговъ, прежде нежели достигаетъ Даки. На самыхъ возвышенныхъ его частяхъ снѣгъ не таетъ: изъ этого можно заключить, принявъ въ соображеніе географическую широту края, что высота ихъ равняется болѣе нежели 15.000 футовъ. Въ тридцати миляхъ къ сѣверу отъ Джалелебада лежитъ знаменитый Нурджиль, упомянутый выше; а къ сѣверо-западу начинаютъ показываться высокія вершины Гинду Куша.

Удаляясь отъ рѣки Кабула, мы вступили въ долину Бала-багъ, и увидѣли изъ нее богатые сады, расположенные по подошвамъ снѣжныхъ горъ и производящіе знаменитые безсѣмянные гранаты, вывозимые въ Индію. Мы остановились въ одномъ виноградникѣ. Въ этой странѣ виноградную лозу не обрѣзываютъ и не подстригаютъ, но даютъ полную свободу взбираться

ся на самыя высокія деревья : въ Бала-багѣ она поднимается по деревьямъ футовъ на восемьдесятъ отъ земли. Производимый такимъ образомъ виноградъ ниже достоинствомъ того , который растетъ на рамахъ. Въ Бала-багѣ, во время нашего пребыванія , шелъ дождь : наша квартира имѣла въ себѣ много поэтическаго, но не представляла ни чего удобнаго, и мы вынуждены были въ сумерки искать убѣжища въ одной мечети. Жители слишкомъ были заняты своими религиозными обязанностями и хозяйственными дѣлами, а потому не обратили на насъ никакого вниманія. Здѣсь можно замѣтить, что въ этой странѣ мы не испытали ни малѣйшей обиды со стороны обитателей , хотя бродили повсюду. По видимому , они не имѣютъ никакого предубѣжденія противъ Христіанъ и мнѣ никогда не случилось слышать отъ нихъ словъ *собака* и *невѣрный*, столь часто встречаемыхъ въ сочиненіяхъ другихъ путешественниковъ. „Каждая страна имѣетъ свои обычаи,“ — вотъ одна изъ ихъ пословицъ. Афганы Магомедане , какъ кажется , оказываютъ все должное уваженіе къ Христіанамъ,

но отказываютъ въ этомъ своимъ согражданамъ, Индусамъ. Христіанъ они называютъ *народомъ книги*, а Индусовъ считаютъ людьми темными, не имѣющими пророка.

Въ Гандамакъ мы достигли предѣла, разделяющаго знойныя страны отъ холодныхъ: говорятъ, что по одну сторону рѣки, здѣсь протекающей, идетъ снѣгъ, а по другую дождь. Тутъ растительная жизнь принимаетъ новыя формы: въ Джамелебадъ пшеница приближалась къ жатвѣ, а въ Гандамакъ она была только на три дюйма отъ земли, не смотря на то, что разстояніе между этими двумя мѣстами не превосходитъ двадцати пяти миль. Въ поляхъ между клеверомъ мы нерѣдко видали бѣлыя маргаритки; а на горахъ, отстоявшихъ отъ насъ только на десять миль, росли сосновые лѣса, начинавшіеся пѣчи на тысячу футовъ ниже снѣжной линіи. Воздухъ былъ довольно холоденъ, такъ что мы принуждены были одѣться теплѣе. Путешественники нерѣдко подвергаются множеству ничтожныхъ тревогъ, кото-

рыя или беспокоятъ ихъ , или выводитьъ изъ терпѣнія, смотря по характеру; нѣчто подобное случилось въ этотъ вечеръ : кошка похитила весь мой ужинъ въ ту самую минуту, какъ я готовился приступить къ нему ; дѣлать было нечего: я утолилъ свой голодъ хлѣбомъ и водою , и еще въ добавокъ въ самой неопрятной конюшнѣ; но былъ и тѣмъ счастливъ , что нашелъ такое убѣжище. Въ заключеніе должно сказать , что здѣшній хлѣбъ необыкновенно хорошъ : жители умѣютъ печь его и дѣлать вкуснымъ.

Почти въ трехъ миляхъ отъ Гандамака мы прошли садъ Нимла , извѣстный по сраженію, въ которомъ Шахъ Шуджа Уль-Мулкъ потерялъ свой престолъ въ 1809 году. Садъ этотъ расположенъ въ возвышенной и хорошо воздѣланной долинѣ, окруженной безплодными горами. Это прекрасное мѣсто : всѣ деревья или подрѣзаны , или сами достигли до одинаковой высоты и осѣняютъ вѣтвями множество разныхъ цвѣтовъ, между которыми нарцисы рас-

туть самымъ роскошнымъ образомъ. Мѣсто это, хорошо украшенное искусствомъ, было неудачно избрано для битвы и счастье войны было здѣсь прихотливо въ высшей степени: Шуджа лишился своего престола, а визирь его претерпѣлъ поражение отъ войска, въ десять разъ слабѣе его собственнаго. Ни сколько не ожидая такого бѣдственнаго для себя результата, онъ привезъ съ собою всѣ свои сокровища и всѣ богатства и радъ былъ отдать ихъ за жизнь свою. Фаттехъ Ханъ, визирь Махмуда, выигравшій сраженіе, торжественно посадилъ его на слона, приготовленнаго для государя, и такимъ образомъ ознаменовалъ свою побѣду. Шуджа бѣжалъ въ страну Хиберцевъ и съ тѣхъ поръ всѣ его попытки возвратить государство остались тщетными.

Ничто въ этой странѣ не поражаетъ такъ странника, какъ содержаніе лошадей, совершенно отличное отъ содержанія ихъ въ Индіи. Жители не снимаютъ сѣделъ въ продолженіе дня, ибо думаютъ, что отъ этого лошади

лучше отдыхаетъ ночью. Они никогда не проваживаютъ лошадей взадъ и впередъ; но или провзжаютъ ихъ, или водятъ въ кружокъ до тѣхъ поръ, пока онѣ простынуть. Зерноваго корму въ это время года имъ не даютъ, а кормятъ зеленымъ ячменемъ, еще не заколосившимся; привязываютъ ихъ обыкновенно по восьми и по десяти къ двумъ веревкамъ, протянутымъ параллельно къ двумъ сошкамъ. Хвостъ лошадей они обыкновенно подвязываютъ узломъ, и постоянно покрываютъ крупъ чрезвычайно чистыми попонами, подбитыми шелкомъ. Они употребляютъ узбекскія сѣдла, много походящія на наши гусарскія, которыя я нашелъ весьма удобными и потому самъ постоянно употреблялъ ихъ. Плѣть всадники обыкновенно привязываютъ на руку повыше кисти. Афганы вообще прилагаютъ особый уходъ за своими лошадьми; но не пичкаютъ ихъ пряными кореньями, какъ это дѣлаютъ въ Индіи, и всегда держатъ въ хорошемъ тѣлѣ.

Мы продолжали свое путешествіе къ Джагдамаку и переправились чрезъ Сурхъ-Родъ или

Красную рѣку по мосту, также какъ и чрезъ нѣсколько другихъ малыхъ ручьевъ, которыми въ эту рѣчку стекаютъ тающіе снѣга Сафаэдъ Коха. Вода во всѣхъ этихъ ручьяхъ имѣетъ красный цвѣтъ и отъ этого они получаютъ свое названіе. Здѣсь страна бѣдна и бесплодна. Джагдалакъ есть бѣдное мѣстечко, гдѣ люди живутъ не въ хижинахъ, а въ землянкахъ. О бѣдности его можно заключить изъ пословицы, которая говоритъ слѣдующее: „когда джагдалакскій лѣсъ начнетъ горѣть, то мы растапливаемъ золото,“ и дѣйствительно, въ окрестностяхъ по обнаженнымъ горамъ совершенно нѣтъ лѣсу. Мы остановились въ небольшой роцѣ, замѣчательной тѣмъ, что въ ней Шахъ Заманъ, одинъ изъ государей Кабула, былъ лишенъ зрѣнія.

На пути мы могли замѣтить, что эта дорога была когда-то шоссейная, и видѣли также остатки станціонныхъ домовъ, которые были построены на каждой пятой, или шестой милѣ могольскими императорами для поддержанія сообщеній между Делли и Кабуломъ. Слѣды эти

видны и по другую сторону горъ до Балка, ибо Гамеунъ и Ауренгзебъ въ молодые годы свои были правителями этой страны. Какое высокое понятіе даетъ это обстоятельство о величїи могольской имперїи! Тутъ мы видимъ систему сообщенїя между отдаленнѣйшими провинціями столько же совершенную, какъ и почтовая гоньба Кессарей.

На пути къ Кабулу мы встрѣтили тысячи овецъ, пасомыхъ кочующими Гилджисами, однимъ изъ афганскихъ племенъ. Въ настоящую пору, когда весь снѣгъ уже сошелъ съ земли, эти номады гнали свои стада по направленію къ Гинду Кушу, гдѣ они обыкновенно проводятъ все лѣто. Взрослые люди гнали овецъ, кормившихся по подошвамъ горъ, а мальчики и дѣвочки шли позади, на разстоянїи одной, или двухъ миль и вели ягнятъ. Впереди каждаго молодаго стада шелъ козелъ, или баранъ и указывалъ дорогу, а дѣти подгоняли къ нимъ ягнятъ длинными вязанками травы и понудительными криками. Нѣкоторыя изъ дѣтей были такъ

молоды, что едва могли идти; но удовольствие гоньбы придавало имъ силы. По сторонамъ дороги мы видѣли нѣсколько таборовъ этихъ пастуховъ, гдѣ они или собирались въ дальнѣйшую дорогу, или хлопотали о своемъ странническомъ хозяйствѣ. Палатки Афгановъ обыкновенно низки и выкрашены черною, или коричневою краскою. Женщины приготовляли все для лѣнливыхъ своихъ мужей: онѣ навьючивали верблюдовъ, и гнали ихъ въ пути. Онѣ вообще смуглы и не отличаются красотой при всей своей аркадской жизни. Вся онѣ вообще хорошо одѣты, и подбиваютъ свою обувь широкими желѣзными гвоздями. Дети преимущественно круглолицы и необыкновенно здоровы; говорятъ, что этотъ кочующій народъ никогда не вступаетъ въ бракъ ранѣе двадцатилѣтняго возраста.

По переходѣ чрезъ Сурхъ-Родъ, мы достигли Испагани, деревни, при которой Шуджа потерялъ еще одно сраженіе, до полученія престола. Рассказываютъ, что визирь Фаттегъ Ханъ,

враждоваль съ какимъ-то дуранійскимъ вельможею, Миръ Аламомъ, домогавшимся визирскаго сана, и что однажды въ пылу ссоры этотъ послѣдній вышибъ ему передніе зубы. Фаттегъ, по видимому, простилъ обиду, и даже въ послѣдствіи выдалъ свою сестру за Алама; но эта родственная связь сдѣлана была только для того, чтобъ лучше исполнить замысль. Въ ночь предъ сраженіемъ Фаттегъ схватилъ своего зятя и умертвилъ его. Мѣсто злодѣянія и донынѣ обозначено грудю камней, именуемою здѣсь *тода*. Сестра визира упала къ ногамъ своего брата и спрашивала его: зачѣмъ онъ умертвилъ ея мужа? „Зачѣмъ!“ сказалъ онъ, „развѣ мужъ тебѣ дороже чести твоего брата? Смотри на мои выбитые зубы и знай, что только теперь отомщена обида. Если ты грустишь о потерѣ мужа, то я выдамъ тебя за погонщика муловъ.“ Этотъ случай хорошо обрисовываетъ неистовые обычаи и чувства Афгановъ. У нихъ есть пословица, смыслъ которой таковъ, чтобъ тогда-то и бояться, когда примиреніе послѣдовало чрезъ посредство брака.

Въ полночь 30 числа мы достигли ущелья Лата-банда, съ вершины котораго въ первый разъ открывается видъ на городъ Кабуль, на разстояніи двадцати пяти миль. Это ущелье имѣетъ около шести миль въ длину; въ немъ дорога лежитъ по разсыпаннымъ округленнымъ камнямъ. Мы остановились близъ источника, называемаго Кокъ-Чашма, т. е. источника Куропатокъ, и провели чрезвычайно холодную ночь на открытомъ воздухѣ. Соколы нашего проводника околѣли отъ холода, къ его великому горю. *Лата* значитъ лоскутъ или тряница: ущелье названо такъ потому, что путешественники почти всегда оставляютъ клочки своего Платя на растущихъ въ немъ кустарникахъ. Зимой снѣгъ совершенно заваливаетъ эту дорогу.

Мы встали вмѣстѣ съ утреннею звѣздою и продолжали путешествіе въ Кабуль, котораго достигли послѣ полудня. Приближеніе къ этому городу не представляетъ ничего величественнаго, такъ, что я не прежде, какъ вступивъ въ тѣнь его базаровъ, повѣрилъ, что находился въ столи-

цѣ имперіи. На дорогѣ мы миновали деревню Бутхакъ, гдѣ Магоммедъ газнійскій, на своемъ возвратномъ пути изъ Индіи, зарылъ богатый индусскій идолъ, вывезенный имъ изъ знаменитаго Соината. Вступивъ въ Кабуль, мы отправились прямо въ домъ Науаба Джаббаръ Хана, брата правителя; онъ сдѣлалъ намъ самый радушный пріемъ и послалъ на базаръ за обѣдомъ, которымъ я вполне наслаждался. Не то было съ моимъ товарищемъ: здоровье покинуло его со времени перехода чрезъ Индъ, — силы его совершенно истощились. Въ тамошнѣ возникли сомнѣнія на счетъ нашего богажа, и я немедленно разложилъ все наше имущество, ибо считалъ благоразумнѣе дать понятіе о своей бѣдности, чѣмъ дозволить добрымъ Афганамъ составить себѣ идею о нашемъ мнимомъ богатствѣ; мы, однако же, не были приготовлены къ обыску, и потому мой октантъ и книги съ нѣсколькими ящичками и стклянками доктора были выставлены во всей красѣ на показъ жителямъ. Они не причинили имъ никакого вреда, но, безъ сомнѣнія, единодушно признали насъ кол-

9*

дунами послѣ такой выставки непонятнаго для нихъ аппарата.

Нашъ достойный проводникъ, сдавъ насъ въ цѣлости съ рукъ на руки Науабу Джаббару, простился съ нами, чтобъ предаться радостямъ своего родимаго города, котораго онъ не видалъ восемь лѣтъ. Магоммедъ Шарифъ былъ, въ полномъ смыслѣ, добрый малый: еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ занимался торговлею и, составивъ себѣ состояніе, теперь наслаждался имъ, проводя время въ стрѣльбѣ, въ соколиной охотѣ и съ чаркою добраго вина. Тучный и расположенный къ водяной болѣзни, онъ, не взирая на это, каждое утро ходилъ съ своими соколами и съ лягавою собакою; попойки же совершалъ втайнѣ. Я никогда не видалъ человѣка, который, такъ радовался, какъ онъ при въѣздѣ въ Кабуль: если бы это былъ Элизій, то и тогда онъ не могъ бы сказать болѣе въ похвалу его. Во все время нашего путешествія онъ былъ самымъ пріятнымъ спутникомъ, соединяя въ се-

бѣ въжливость Персіянина съ теплою чувства и добросердечностью Афгана. При нашемъ въѣздѣ въ Кабуль случилось обстоятельство, которое обрадовало бы всякаго другаго чловѣка также, какъ и Шарифа: одинъ нищій, узнавъ его по лицу, за полумилю до городскихъ воротъ началъ призывать на главу его всѣ благословія неба и, называя по имени, поздравлялъ съ счастливымъ возвращеніемъ. „Дай этому бѣдняку денегъ!“ сказалъ Магоммедъ Шарифъ своему слугѣ съ значительнымъ наклоненіемъ головы — и намъ трудно было опредѣлить, кто больше радовался: купецъ ли нашъ, или нищій. Вскорѣ послѣ нашъ проводникъ простился съ нами, взявъ съ насъ слово отобѣдать у него въ домѣ и посовѣтовавъ не ввѣряться ни кому, кто станетъ навязываться съ своими услугами: онъ не питалъ высокаго мнѣнія о своихъ соотечественникахъ. Я благодарилъ его за совѣтъ и приглашеніе.

ГЛАВА V.

КАБУЛЬ.

Едва прошло нѣсколько часовъ послѣ нашего прїѣзда въ Кабуль, какъ мы узнали о несчастїяхъ, постигшихъ г. Вольфа, миссіонера Евреевъ, въ это время задержаннаго въ одной изъ сосѣднихъ деревень. Мы немедленно отправили къ нему помощь и онъ, присоединившись къ намъ на другой день, представилъ длинное и любопытное описаніе того, какъ онъ избѣжалъ смерти и невольничества. Человѣкъ этотъ, какъ кажется, путешествуетъ, подобно Веніамину тудельскому, съ цѣлью изысканій о Израильтянахъ, и объѣхалъ Татарию подъ именемъ Еврея, что считается безопаснѣйшею личиною для путешествія по магоммеданскимъ странамъ. Въ дѣйствительности же г. Вольфъ,

будучи окрещенъ въ Христіанство, проповѣдуетъ свое вѣрованіе остаткамъ еврейскаго народа и вмѣстѣ съ этимъ производитъ розысканія объ утратившихся племенахъ этого народа. Между Афганами въ Кабуль онъ не сдѣлалъ никакихъ открытій, хотя они и выдають себя за ихъ потомковъ. Разказъ г. Вольфа о его приключеніяхъ возбудилъ въ насъ самое живое участіе и состраданіе: мы хотя и не соглашались съ нѣкорыми изъ его предположеній о кончинѣ міра, однако же, тѣмъ не менѣе уважали этого почтеннаго челоувѣка и всегда видѣли въ немъ пріятнаго сочлена нашего общества въ Кабуль. Онъ былъ въ Бухарѣ, но тамъ, въ центрѣ Ислама, не дерзнулъ проповѣдывать своего вѣроисповѣданія. Его послѣдующія несчастія произошли отъ того, что онъ назвался хаджи, т. е. магоммеданскимъ богомольцемъ, за что его ограбили и даже били.

Мы еще прежде слышали о прекрасномъ характерѣ нашего хозяина Науаба Джаббара и, ознакомившись съ нимъ лично, нашли его совершен-

нымъ патріархомъ. Онъ устраняетъ и примиряетъ всякую вражду, возникающую между его многими и строптивыми братьями; самъ же, будучи старшимъ въ семействѣ, не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ, не смотря на то, что правилъ когда-то Кашмиромъ и другими областями дуранійской имперіи. Братъ его, теперешній правитель Кабула, за многія важныя услуги заплатилъ ему конфискованіемъ его вмуществъ; но онъ ни слова не говоритъ о его неблагодарности, а напротивъ утверждаетъ, что Богъ надѣлилъ его избыткомъ для удовлетворенія его нуждъ и для награжденія всѣхъ служащихъ ему, что онъ не знаетъ лучшаго удовольствія какъ надѣлять людей, его окружающихъ, и наслаждаться земною жизнію такъ, чтобы не быть обязаннымъ управлять другими. Въ продолженіе моего пребыванія въ Кабулѣ я увѣрился, что Науабъ * ни сколько не лицемерствуетъ, но выражается такъ, какъ чув-

* Джаббаръ Ханъ носить названіе Науаба, потому что прежде правилъ одною индійскою провинціею дуранійскаго государства. Науабъ есть чисто индійскій титулъ.

ствуешь, со всей искренностью. Никогда не встречалъ я чловѣка болѣе скромнаго и болѣе уважаемаго: онъ выѣзжаетъ изъ дому сопровождаемый только однимъ служителемъ, и повсюду какъ на большихъ, такъ и на проселочныхъ дорогахъ проходящія останавливаются и благословляютъ его. Политики осаждаютъ его домъ, стараясь завлечь его въ свои интриги, но онъ чуждается ихъ и не смотря на это, уважаемый народомъ, имѣетъ въ настоящее время гораздо болѣе нравственнаго вліянія, нежели кто либо изъ всей баракзійской фамиліи въ Афганистанѣ. Обращеніе его необыкновенно кротко и пріятно; по одеждѣ его никто не вообразитъ, чтобъ это былъ одинъ изъ самыхъ сильныхъ членовъ воинственнаго дома. Его сообщество, его дѣйствія и его разговоръ доставляютъ совершенное удовольствіе всѣмъ, кто къ нему приближается.

Онъ въ особенности расположенъ къ Европейцамъ и каждого изъ нихъ, пріѣзжающаго въ Кабуль, считаетъ своимъ гостемъ. Всѣ французскіе офицеры на пути въ Панджабъ оста-

навливались въ его домъ и до сихъ поръ ведутъ съ нимъ дружескую переписку. Таковъ патріархъ Кабула, имѣющій въ настоящее время около пятидесяти лѣтъ отъ-роду и таковъ хозяинъ дома, въ которомъ мы жили.

По пріѣздѣ въ Кабуль мы прежде всего озаботились о представленіи правителю, сердару Достъ Магоммедъ Хану. Науабъ сообщилъ ему о нашемъ желаніи, и мы были учтивымъ образомъ приглашены къ обѣду правителя, назначенному вечеромъ 4 Мая. Др. Жерардъ не могъ присутствовать за нездоровьемъ; а г. Вольфъ и я были введены въ Бала Гиссаръ, или дворецъ царей, гдѣ Достъ Магоммедъ принялъ насъ чрезвычайно милостиво: онъ всталъ, когда мы вошли, привѣтствовалъ насъ на персидскомъ языкѣ и, пригласивъ сѣсть подле себя на бархотные ковры, увѣрялъ, что былъ радъ видѣть насъ въ своихъ владѣніяхъ, ибо уважалъ нашу націю, не смотря на то, что ему рѣдко случалось видѣть Англичанъ. Я отвѣчалъ ему всею возможною учтивостью, хвалилъ кро-

тость его управления и покровительство, которыми онъ ограждаетъ купцовъ и путешественниковъ. Общество состояло еще изъ шести, или восьми сановниковъ и изъ трехъ сыновей начальника. Мы всѣ сидѣли въ небольшой, но опрятной залѣ, не имѣвшей никакого убранства, кромѣ ковра. Разговоръ этого вечера былъ самый разнообразный и сосредоточивался на такомъ множествѣ предметовъ, что я затрудняюсь передать его: таковы были свѣдѣнія, умъ и любопытство, выказанные правителемъ. Ему очень хотѣлось знать состояніе Европы, число ея государствъ, отношенія, въ которыхъ они находятся одно къ другому, и какъ при смежности предѣловъ могутъ они существовать безъ попытокъ уничтожить другъ друга. Я пересчиталъ ему европейскіе народы, представилъ ихъ относительныя силы и сказалъ, что успѣхи въ образованіи ни сколько не устранили вражду, что Европейцы смотрятъ другъ на друга съ завистью, хотя и стараются поддержать равновѣсіе силъ, дабы предупредить возможность одного государя къ уничтоженію другаго, и привелъ нѣсколько

примѣровъ изъ европейской исторіи. Правитель самъ слыхалъ о Наполеонѣ. Потомъ онъ просилъ меня дать ему понятіе о доходахъ Англіи, о томъ, какъ они собираются, какъ приводятся въ исполненіе законы и каковы произведенія ея почвы. Я далъ ему краткое объясненіе, и онъ, совершенно понявъ составъ нашей конституціи, сказалъ, что при такомъ управленіи всегдашніе успѣхи наши ни сколько не удивительны, ибо мы взимаемъ подати съ народа только для покрытія долговъ и расходовъ государства. „По этому ваши богатства,“ прибавилъ онъ, „получаются изъ Индіи.“ Я увѣрилъ его, что доходы этой страны израсходываются въ ней самой и что единственныя выгоды, которыя мы отъ нее получаемъ, состоятъ только въ томъ, что она представляетъ обширный рынокъ для нашей торговли и что единственное богатство, вывозимое оттуда въ Англію, ограничивается нѣсколькими сотнями тысячъ фунтовъ стерлинговъ и тѣмъ, что изъ нее вывозятъ съ собою офицеры нашего правительства. До сихъ поръ мнѣ не случалось встрѣчать Азіятца, ко-

торый бы вѣрилъ такому показанію ; но Достъ Магоммедъ Ханъ замѣтилъ : „Это совершенно объясняетъ покорность Индіи! Вы оставляете много богатства туземнымъ государямъ и потому вамъ нечего бояться ихъ ожесточенія, тѣмъ болѣе, что вы справедливы въ судахъ вашихъ.“ Онъ также спрашивалъ о состояніи магоммеданскихъ государствъ въ Индіи и о дѣйствительной силѣ Ранджитъ Синга ; но не хотѣлъ вѣрить , что мы не домогаемся его владѣній и желалъ знать, не имѣетъ ли Магараджа какихъ нибудь видовъ на Кабуль. Онъ слышалъ отъ одного русскаго купца объ очередныхъ рекрутскихъ наборахъ , которыми пополняется армія въ Россіи , и желалъ знать, во всей ли Европѣ принята эта система. Онъ слышалъ также о русскихъ воспитательныхъ домахъ и спрашивалъ о ихъ пользѣ и выгодахъ. Потомъ просилъ , чтобъ я сообщилъ ему кой-какія свѣдѣнія о Китаѣ , о воинственности этой страны и о томъ , можно ли предпринять въ нее походъ изъ Индіи; желалъ также знать о плодородіи ея почвы, о климатѣ и почему Китай-

цы такъ рѣзко отличаются отъ жителей другихъ государствъ. Коснувшись мануфактурныхъ произведеній Китая, мы невольно перешли къ мануфактурамъ англійскимъ, и онъ сталъ спрашивать о паровыхъ и другихъ машинахъ и выразилъ свое удивленіе дешевизнѣ нашихъ товаровъ. Онъ спрашивалъ меня о рѣдкостяхъ, которыя мнѣ случалось видѣть, и о томъ, какой изъ городовъ Индустана мнѣ больше нравился. Я отвѣчалъ, Делли. Потомъ онъ желалъ знать, видалъ ли я носороговъ и отличаются ли индійскія животныя отъ кабульскихъ. Онъ слышалъ о нашей музыкѣ, и спросилъ, дѣйствительно ли она превосходнѣе кабульской. Отъ этихъ предметовъ онъ перешелъ къ тому, что собственно касалось до меня самаго: спрашивалъ, почему я оставилъ Индію и затѣмъ перемѣнилъ одежду. Я отвѣчалъ, что, имѣя сильное желаніе посмотреть чужіе края, я теперь ѣхалъ чрезъ Бухару по направленію къ Европѣ и перемѣнилъ свою одежду только для того, чтобы Азіятцы не указывали на меня пальцами; но что я никакъ не хотѣлъ скрывать ни отъ него, ни отъ

другихъ правителей того, что я Англичанинъ, и къ этому прибавилъ, что мое примѣненіе къ азійскимъ обычаямъ много способствовало удобствамъ моего путешествія. Правитель въ милостивыхъ выраженіяхъ одобрилъ мой планъ и перемѣну одежды.

Послѣ этого Достъ Магоммедъ Ханъ обратился къ г. Вольфу и спрашивалъ о его заключеніяхъ. Зная о его званіи, онъ въ числѣ своихъ гостей пригласилъ нѣсколькихъ магоммеданскихъ ученыхъ, дабы они могли вступить съ нимъ въ религиозное преніе. Такъ какъ я отчасти служилъ при этомъ переводникомъ г. Вольфу, то могу уномянуть о нѣкоторыхъ доводахъ спорившихъ; но не стану говорить объ этомъ подробно, ибо г. Вольфъ, по всемъ вѣроятностямъ, скоро самъ издастъ свои записки. Одна сторона, какъ обыкновенно водится въ такихъ случаяхъ, уступила, не будучи въ состояніи доказать своихъ положеній; преніе могло бы даже окончиться весьма непріятно, если бы самъ Достъ Магоммедъ не управлялъ раз-

говоромъ. Магоммедане отдали споръ на мое рѣшеніе: я извинялся и уклонилъ отъ себя такое трудное дѣло на томъ основаніи, что я не Мулла. Но такъ какъ эти почтенные мужи старались показать, что они основывали свое вѣрованіе на разсудкъ, то я не хотѣлъ упустить удобнаго случая, не сдѣлавъ имъ одного вопроса, хотя и не совсѣмъ новаго. Я просилъ ихъ наименовать мнѣ время молитвъ, и они, между прочимъ, назначили часы до восхода солнца и послѣ захожденія онаго. „Такъ это время молитвы,“ спросилъ я, „строго назначаемое въ Коранѣ?“—„Да“, отвѣчалъ одинъ Мулла, „и тотъ не правовѣрный, кто не соблюдаетъ онаго.“ Сдѣлавъ такое вступленіе, я попросилъ его сказать мнѣ, какимъ образомъ можно приносить утреннія и вечернія молитвы въ арктическомъ кругѣ, гдѣ солнце въ продолженіе пяти, или шести мѣсяцовъ или не восходитъ, или не заходитъ. Богослову не случилось слышать подобнаго вопроса: онъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ выраженій и, наконецъ, сталъ увѣрять, что въ такихъ странахъ молитвы не требуются, ибо

тамъ достаточно одного только повторенія ко-
ламы или символа магоммеданской вѣры. Я
немедленно потребовалъ , чтобы онъ указалъ
мнѣ главу Корана , на которой основано такое
ученіе: мнѣ казалось, что я не встрѣчалъ ее въ
этой книгѣ. Онъ не могъ удовлетворить моего
вопроса , потому что въ Коранѣ такой главы
нѣтъ. Тутъ возникъ жаркій споръ между Афга-
нами и этотъ предметъ болѣе не возобновлял-
ся : разговоръ перешелъ къ другимъ болѣе
понятнымъ вопросамъ. Прежде нежели мы вы-
шли изъ дворца , правитель сдѣлалъ друже-
ское предложеніе помогать намъ въ путеше-
ствіи и обѣщалъ дать письма къ начальни-
камъ на Оксъ и къ бухарскому государю. Онъ
просилъ насъ посѣщать его во время пребыва-
нія въ Кабуль , ибо ему нравились наши раз-
сказы о другихъ странахъ , и увѣрялъ , что во
всякое время ему будетъ пріятно видѣть насъ.
Мы разстались съ Достъ Магомметъ Ханомъ въ
полночь, совершенно довольные его пріемомъ и
обращеніемъ.

Я старался какъ можно болѣе воспользоваться временемъ для осмотра окрестностей Кабула, и при первомъ удобномъ случаѣ посѣтилъ гробницу императора Бабера, стоящую на разстоянїи какой нибудь мили отъ города, въ одномъ изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ близъ столицы. Добрый Науабъ Джаббаръ сопутствовалъ мнѣ въ этомъ пилигримствѣ. Я питаю полное уваженіе къ памяти Бабера, которое увеличилось еще болѣе съ тѣхъ поръ, какъ я прочиталъ его любопытныя записки. Онъ завѣщалъ, чтобъ тѣло его было похоронено именно въ этомъ мѣстѣ, которое ему нравилось болѣе, чѣмъ какое нибудь другое изъ всѣхъ его владѣній. Вотъ собственныя слова его о Кабулѣ: „климать его восхитителенъ и во всемъ извѣстномъ мїрѣ нѣтъ подобнаго мѣста!“—„Пей вино въ кабульской цитадели и не медли передавать кубокъ: здѣсь все есть—горы и рѣвки, городъ и пустыня.“

Гробница этого государя обозначена двумя плитами изъ бѣлаго мрамора; на нихъ по обычаю Востока нѣкоторыя буквы надписи озна-

чають годъ Геджиры, въ который умеръ императоръ. Выборъ словъ въ настоящемъ случаѣ весьма удаченъ; вотъ смыслъ ихъ: „Когда на небѣ Рузванъ спросилъ о времени его смерти, то я отвѣчалъ, что небо есть вѣчное жилище Бабера Бадшаха.“ Баберъ умеръ въ 1530 году. Близъ императора погребены многія изъ его женъ и дѣтей; садъ, гдѣ стоятъ эти гробницы, обширенъ и былъ когда-то обведенъ мраморною стѣною. Быстрый и прозрачный ручеекъ питаетъ благоухающіе цвѣты этого кладбища, составляющаго праздничное убъжище для жителей. Противъ гробницъ стоитъ небольшая красивая мечеть, построенная изъ мрамора. На ней есть надпись, показывающая, что зданіе было воздвигнуто въ 1640 году по приказанію императора Шахъ Джегана послѣ его победы надъ Магоммедъ Назаръ Ханомъ въ Балкъ и Бадакшанѣ, для того, чтобъ бѣдныя Магоммедане могли молиться въ ней. Мнѣ было пріятно видѣть, что гробница столь великаго чловѣка, каковъ Баберъ, почтена такимъ образомъ его потомствомъ.

Съ холма, поднимающагося надъ этою гробницею, представляется прекрасный видъ на окрестности. Шахъ Заманъ построилъ на немъ павильонъ, чтобъ можно было любоваться этою картиною. Науабъ и я взобрались на гору и, сѣвъ въ павильонъ, увидѣли предъ собою равнину, миль въ двадцать въ окружности, послѣдовательно раздѣленную на сады и поля, перерѣзанные тремя рѣчками, змѣющимися между укрѣпленіями и деревьями. На сѣверъ тянулись горы Пагмана, до половины покрытыя снѣгомъ; отъ насъ онѣ отдѣлялись широкими полосами богатѣйшей зелени. По другую сторону безплодныхъ и утесистыхъ горы означали звѣроловныя лѣса государей. Подъ горами раскидывались сады, славные своими фруктами и орошаемые водою, проведенною съ удивительнымъ искусствомъ. Полюбовавшись видомъ, я пересталъ дивиться тому, что здѣшніе жители восхищаются кабульскими окрестностями и что Баберъ такъ превозносилъ ихъ. Вотъ слова его: „весною зелень и цвѣты дѣлають Кабуль истиннымъ небомъ.“

Въ Кабульъ наши отношенія къ жителямъ были гораздо лучше, чѣмъ въ Пешауарѣ. Здѣсь мы жили не въ домѣ правителя и потому насъ не беспокоили ежеминутныя посѣщенія: Науабъ занималъ одну половину своего большаго дома и предоставилъ намъ другую. Но такъ какъ онъ въ кругу своихъ друзей имѣлъ много достойныхъ людей, то и мы съ ними ознакомились, будучи имъ самимъ отрекомендованы, и потомъ уже почти цѣлый день попеременно переходили то въ его покои, то въ свои. Принятые нами обычаи представляли намъ много удобствъ для сближенія съ туземцами: мы садились съ нимъ на одномъ коврѣ, ѣли вмѣстѣ и свободно входили въ ихъ общество. Афгановъ вообще можно назвать народомъ простымъ и трезвымъ. Они всегда подробно спрашивали насъ о Европѣ, народовъ которой они раздѣляютъ на двѣнадцать *куллаховъ* или коронъ, правильнѣе же—шапокъ. Намъ пріятно было видѣть, что и старики принимали участіе въ этомъ любопытствѣ. Величайшее зло Магоммеданизма состоитъ въ томъ, что онъ держитъ своихъ послѣдова-

телей въ извѣстныхъ предѣлахъ образованія. Обычаи ихъ, по видимому, никогда не измѣняются; у нихъ есть ученость, но это ученость мицувшихъ вѣковъ; ихъ исторія не представляетъ ничего такого, что можно было бы назвать философіею. Афганы говорятъ по-персидски; но у нихъ этотъ языкъ не такъ мягокъ и пріятенъ, какъ языкъ Ирана. Простой народъ говоритъ языкомъ Пушту, котораго въ высшихъ классахъ многіе даже не понимаютъ. Въ характеръ Афгановъ есть много ребяческаго: въ ссорахъ они дерутся, сдружаются скоро, безъ всякой церемоніи и не въ состояніи скрывать одинъ отъ другаго своихъ чувствованій, такъ, что чловѣкъ проницательный во всякое время можетъ понять ихъ намѣренія. Если вѣрить ихъ собственнымъ словамъ, то зависть составляетъ ихъ господствующую страсть, заражающуюся даже и въ самыхъ близкихъ родственникахъ. Нѣтъ народа, который былъ бы такъ способенъ къ веденію интригъ. Я былъ въ особенности пораженъ ихъ лбностью: кажется, они сидятъ цѣлый день и только смотрять другъ

на друга, такъ, что трудно понять, какимъ образомъ они снискиваютъ себѣ пропитаніе, и, не смотря на это, они всегда хорошо одѣты и, по видимому, пользуются полнымъ здоровьемъ и счастиемъ. Вообще скажу, что я получилъ очень хорошее понятіе о ихъ народномъ характерѣ.

Кабуль есть городъ дѣятельный и многолюдный. Шумъ послѣ полудня иногда бываетъ до того великъ, что на улицахъ трудно разслушать словъ товарища. Большой базаръ или *чучатъ* состоитъ изъ красивой аркады, имѣющей почти 600 футовъ въ длину и 30 въ ширину: онъ раздѣленъ на четыре равныя части, кровля его выкрашена, надъ лавками помѣщаются жилища нѣкоторыхъ купцовъ. Планъ, по которому онъ сооруженъ, очень хорошъ; но онъ не всѣмъ выполненъ; фонтаны и водоемы, составляющіе его принадлежности, теперь запущены и заброшены. Не смотря, однако же, на это, на Востокѣ немного подобныхъ базаровъ: путешественникъ невольно удивляется богатству шелковыхъ и другихъ тканей и товаровъ, раз-

ложенныхъ подъ его навѣсами. Вечеромъ , когда каждая лавка освѣщена повѣшенною предъ входомъ лампою, онъ представляетъ очень любопытную картину, и весь городъ кажется иллюминированнымъ. Нельзя не обратить вниманія на множество лавокъ съ сушеными плодами , которые всегда красиво въ нихъ раскладываются. Въ Маѣ мѣсяцъ здѣсь можно купить виноградъ, груши, яблоки, персики и даже арбузы, оставшіеся отъ минувшаго года и сохраненные въ продолженіе десяти мѣсяцевъ. Здѣсь также есть лавки съ живностью, гдѣ почти во всякое время можно достать дупелей , дикихъ утокъ , куропатокъ, куликовъ и другую дичь. Башмачныя лавки, также какъ и лавки торговцовъ посудой, убраны необыкновенно опрятно. Каждая отрасль торговли имѣетъ свой базаръ, гдѣ господствуетъ постоянная дѣятельность. Есть продавцы книгъ и писчей бумаги, преимущественно русской, имѣющей синій цвѣтъ. Въ Маѣ мѣсяцъ по рядамъ продается много *фалодеха*: это бѣлое жидкое , приготовляемое изъ пшеницы и употребляющееся вмѣстѣ съ шербетомъ и со

снѣгомъ. Народъ вообще любить это лакомство : во всѣхъ частяхъ базара разносятъ его съ утра до вечера. Въ лавкахъ, изъ которыхъ оно отпускается, вы всегда видите съ одной стороны груды снѣга, а съ другой фонтанъ, что придаетъ этимъ мѣстамъ пріятную прохладу и видъ опрятности. Предъ лавками хлѣбниковъ постоянно тѣснится толпа людей, ожидающихъ хлѣба; я замѣтилъ, что его пекутъ здѣсь прильпая къ стѣнкамъ печей. Кабуль славится своими *кабобами*, т. е. мясными кушаньями, необыкновенно вкусными: немногіе изъ жителей готовятъ ихъ у себя на дому. Въ Маѣ мѣсяцъ *рауашъ* составляетъ самое любимое лакомство: это ни что иное какъ выбѣленный ремень, который еще на корнѣ заботливо укрываютъ отъ солнца и который растетъ въ дикомъ состояніи въ окрестностяхъ. Вкусъ его превосходенъ. Въ это время на улицахъ поминутно раздается крикъ: *шабашъ рауашъ* (славный рауашъ)! и всѣ имъ лакомятся. Въ самыхъ многолюдныхъ частяхъ города видны сказочники, занимающіе празднующихся людей своими рассказами ;

тамъ же встрѣчаются дервиши , прославляющіе дѣянія пророковъ. Если случится хлѣбнику понасть имъ на глаза, то они просятъ у него булокъ во имя какого нибудь пророка. Судя по числу принадлежащихъ къ этому послѣднему классу людей, можно думать , что ихъ званіе очень выгодно. Въ Кабуль никогда не ѣздятъ на колесахъ, хотя улицы и не узки; въ сухое время года ихъ содержать довольно опрятно ; онѣ перерѣзаны небольшими крытыми водопроводами, въ которыхъ протекаетъ чистая вода, много способствующая удобствамъ жителей. Мы ходили по нимъ безъ проводниковъ и ни сколько не обращали на себя вниманія. Для меня жители представляли болѣе новаго, чѣмъ базаръ: они ходили взадъ и впередъ по городу въ овчинныхъ тулупахъ , и отъ количества надѣтой одежды казались весьма толстыми. Всѣ дѣти отличаются полнотою щекъ и румянцемъ , который я вначалѣ принималъ за искусственный, но скоро убѣдился , что это былъ неподдѣльный цвѣтъ юности ; взрослые люди утрачиваютъ его. Кабуль построенъ очень тѣсно ; дома

ни сколько не красивы и возведены изъ дерева и кирпича, высушеннаго на солнць: весьма не многіе имѣють болѣе двухъ этажей. Онъ очень многолюденъ: число жителей простирается до шестидесяти тысячъ челоувѣкъ. Рѣка Кабуль протекаетъ чрезъ городъ и, по преданію, три раза размывала его, или, по крайней мѣрѣ, затопляла. Въ дождливое время нѣтъ мѣста грязнѣ Кабула.

Всѣ говорятъ, что Кабуль городъ весьма древній: увѣряють, что онъ существуетъ не менѣе 6000 лѣтъ. Когда-то вмѣстѣ съ Газни онъ составлялъ вассальный городъ Баміана. Какъ удивительна переменна обстоятельство: Газни въ царствованіе Махмуда, въ одиннадцатомъ столѣтіи, сдѣлался великою столицею; а теперь Кабуль господствуетъ и надъ Газни и надъ Баміаномъ! Говорять, что Кабуль прежде назывался Забуль, по имени одного кафирскаго или невѣрнаго государя, положившаго ему основаніе: отсюда названіе Забулистанъ. Нѣкоторые писатели говорятъ, что въ этомъ городѣ пока-

зываются остатки гробницы Кабула или Каина, сына Адамова; но жители не имѣютъ объ этомъ никакого преданія. Въ Кабуль, однако же, господствуетъ повѣрье, что тутъ упалъ дьяволъ, сброшенный съ неба. Преданій объ Александрѣ, собственно относящихся до Кабула, здѣсь не существуетъ; но за-то говорятъ, что Герать и Лагоръ основаны рабами этого завоевателя, котораго тутъ не иначе называютъ, какъ пророкомъ. Эти рабы назывались одинъ Гери (древнее названіе Герата), а другой—Лагоръ. Полагаютъ, что Кандагаръ древнѣе обоихъ этихъ городовъ. Во время пребыванія въ Кабуль, я употребилъ всѣ старанія, чтобъ достать старинныхъ монетъ, но безъ успѣха; мнѣ удалось найти только одну куфическую изъ Бухары: ей было 843 года. Я слышалъ, что однажды на кабульскій монетный дворъ, между разными рѣдкостями, привезена была монета, имѣвшая величину и видъ воробьиного яйца: какая странная форма! Монеты трехъ и четырехугольныя здѣсь не рѣдкость: послѣднія принадлежать къ вѣку Акбара.

Въ числѣ гостей, посѣщавшихъ насъ въ Кабуль, былъ одинъ Армянинъ, по имени Симонъ Магардичъ, обыкновенно именовавшійся Сулиманомъ. Онъ представлялъ намъ печальную картину разсѣянiя своего племени, когда-то поселившагося въ этомъ городѣ. Въ настоящее время тутъ осталось только двадцать одинъ человѣкъ отъ цѣлой колонiи, состоявшей изъ нѣсколькихъ сотенъ и водворенной здѣсь Надиромъ и Ахмедъ Шахомъ изъ Джулфы и Мешада въ Персiи. Изъ надписей, сохранившихся на армянскомъ кладбищѣ, можно видѣть, что этотъ народъ жилъ здѣсь еще ранѣе этого періода. Въ періодъ дуранiйской монархiи, Армяне занимали правительственныя мѣста и пользовались всеобщимъ уваженiемъ до смерти Тимуръ Шаха; но во время распрей, возникшихъ за наслѣдство этого государя, они мало по малу выѣхали съ своими семействами въ другія страны. Настоящiй правитель Кабула совершенно разорилъ армянскую колонiю, запретивъ ей приготовленiе вина и водки, что составляло главнѣйшiй источникъ ея суще-

ствованія. вмѣстѣ съ этимъ онъ запретилъ азартныя игры въ кости и всѣ разгульные пиры, и грозилъ хлѣбникамъ запереть ихъ желѣзными рѣшетками въ печахъ, если они не будутъ продавать хлѣба надлежащаго вѣса. Проведя большую часть жизни въ невоздержности, Достъ Магоммедъ Ханъ вдругъ отказался отъ вина и теперь требуетъ подъ опасеніемъ строгой ответственности, чтобъ и подданные его также отказались отъ крѣпкихъ напитковъ. Это было главною причиною того, что кабульскіе Армяне и Евреи удалились въ другія страны, ибо единственнымъ средствомъ ихъ пропитанія служила перегонка водки и выдѣлка вина. Теперь во всемъ Кабуль считается только три еврейскія семейства, оставшіяся отъ сотни другихъ, жившихъ здѣсь не далѣе какъ въ прошломъ году. Нельзя винить Достъ Магоммеда за то, что онъ желаетъ подавить пьянство пожертваніемъ немногими чужестранными жителями, ибо они до того упростили свое производство, что сорокъ бутылокъ вина, или десять водки можно здѣсь купить за одну рупію. Такъ какъ

самъ правитель представляетъ въ этомъ отношеніи хорошій примѣръ своему народу, то мы не станемъ разбирать причинъ, побудившихъ его къ такому образу дѣйствія, или упрекать въ прежней невоздержности. Кажется, что Кабуль всегда славился своими пирами.

Армяне смотрѣли на насъ такъ, какъ будто бы мы составляли часть ихъ колоніи: мы завтракали у Симона Магардича, при чемъ онъ познакомилъ насъ съ своимъ семействомъ и со всеми друзьями. Его маленькія дѣти выбѣжали къ намъ навстрѣчу, поцѣловали у насъ руки и приложили ихъ ко лбу. Всѣ здѣшніе Армяне необыкновенно красивы собою. Мы видѣли ихъ церковь: это небольшое зданіе, едва ли способное вмѣстить въ себя сто человѣкъ. Хозяинъ нашъ, Симонъ, угостилъ насъ очень хорошимъ завтракомъ, который былъ поставленъ на скатерти, украшенной изрѣченіями изъ Корана. „Это афганская скатерть,“ сказалъ онъ, „но надписи не повредятъ христіанамъ : можно и при

нихъ также хорошо кушать.“ Всѣ эти Армяне усвоили себѣ нравы и обычаи Магоммеданъ : они снимаютъ свои чалмы и башмаки при входѣ въ церковь. Это народъ тихій и безвредный, но слишкомъ пристрастный къ деньгамъ.

Со времени нашего отъезда изъ Лагора намъ постоянно сопутствовало лѣто : когда мы оставили этотъ городъ, въ Февраль, деревья начинали тамъ цвѣсти; потомъ въ Мартъ мы нашли ихъ въ полномъ цвѣтѣ въ Пешауарѣ и въ такомъ же точно видѣ застали ихъ въ Кабуль, куда прибыли въ самую пору, чтобъ насладиться прелестью природы. Эта непрерывная встрѣча съ весною и лѣтомъ можетъ дать хорошее понятие объ относительной высотѣ различныхъ мѣстъ, чрезъ которыя мы ѣхали, и о ходѣ въ нихъ времени года. Кабуль стоитъ болѣе чѣмъ на 6000 футовъ надъ поверхностью моря. Въ садахъ его я провелъ нѣсколько самыхъ очаровательныхъ дней: однажды вечеромъ мнѣ случилось вмѣстѣ съ Науабомъ быть въ одномъ

изъ самыхъ прекраснѣйшихъ: садъ этотъ находится въ шести миляхъ отъ города; онъ разбитъ съ большимъ вкусомъ и отлично содержится; всѣ фруктовыя деревья посажены на равномъ разстоянн. Онъ, также какъ и большая часть другихъ, расположенъ по наклонной плоскости, обрытой уступами, поднимающимися одинъ надъ другимъ. Вся поверхность его была покрыта спадавшимъ древеснымъ цвѣтомъ, который былъ собранъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вѣтромъ и лежалъ по угламъ какъ кучи снѣгу. Мы сѣли подъ одно грушевое дерево, вывезенное изъ Самарканда и славящееся во всемъ здѣшнемъ краѣ, и любовались открывавшимся изъ-подъ него видомъ. Число фруктовыхъ деревьевъ было здѣсь чрезвычайно разнообразно; тутъ росли: персики, сливы, абрикосы, груши, яблоки, айвы, вишни, грецкіе орѣхи, туловыя ягоды, гранаты и виноградъ. Во всемъ саду, почти на каждомъ деревѣ, гнѣздились соловьи, черные и сѣрые дрозды и голуби, которые своими пѣснями и воркованіемъ придавали еще болѣе очарованія этому мѣсту и напоминали

мнѣ родную Англию. Я въ особенности былъ прельщенъ соловьями, и по возвращеніи домой получилъ отъ Науаба одну такую птичку, которая пѣла въ продолженіи всей ночи. Соловей называется здѣсь *бульбуль* и *хазаръ дастанъ* или соловей съ тысячею пѣсней, и дѣйствительно кажется, что онъ подражаетъ напѣву каждой птицы. Клетка была завернута въ ткань, и мой соловей до того распѣлся, что я не могъ заснуть и приказалъ его вынести. Птичка эта родомъ изъ Бадакшана. Лучшимъ кабульскимъ садомъ считается такъ называемый царскій садъ. Онъ лежитъ на сѣверъ отъ города, имѣетъ около четверти мили въ квадратъ и устроенъ Тимуръ Шахомъ. Дорога, къ нему ведущая, имѣетъ около трехъ миль протяженія и служила прежде мѣстомъ царскихъ скачекъ. Въ срединѣ этого сада есть большая восьмугольная бесѣдка, отъ которой во всѣ стороны расходятся дорожки, освѣщенные фруктовыми деревьями, придающими ему много красоты. Мраморное сѣдалище предъ входомъ въ бесѣдку показывается мѣсто, гдѣ сиживали кабульскіе

государи во дни своего могущества, подъ сѣнью грушъ и яблонь, цвѣтущихъ въ тысячи садахъ Кабула. Жители необыкновенно любятъ гулять въ этихъ садахъ и каждый вечеръ собираются туда толпами. Климатъ въ Кабуль самый благо-растворенный. Въ полдень солнце здѣсь гораздо знойнѣе, чѣмъ въ Англии; но за то вечера и ночи холоднѣе: жители только въ Августѣ могутъ спать на своихъ балконахъ. Здѣсь нѣтъ дождливаго времени года; но сильныя ливни выпадаютъ также, какъ и въ Англии. Зимую снѣгъ выпадаетъ въ продолженіи пяти мѣсяцовъ. Въ Маѣ термометръ стоялъ на 64° въ самыя жаркіе часы дня, хотя въ это же время обыкновенно дуетъ вѣтеръ съ сѣвера, охлаждаемый снѣгами, которыми покрыты горы. Вообще должно замѣтить, что вѣтры здѣсь преимущественно дуютъ съ полуночной точки компаса: это видно изъ того, что большая часть деревъ въ Кабуль погнута къ югу.

Кабуль въ особенности знаменитъ своими фруктами, которые вывозятся въ большомъ ко-

личествѣ въ Индію. Виноградники его приносятъ такое количество винограда, что имѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ кормятъ скотъ. Здѣсь его считается десять сортовъ: лучшій растеть на рамахъ, а прочіе стелятся по землѣ. Лозы подрѣзываются въ Маѣ мѣсяцѣ. Кабульское вино вкусомъ нѣсколько походитъ на мадеру, и при бѣльшей тщательности приготовленія могло бы быть лучшаго качества. Жители Кабула дѣлаютъ изъ винограда гораздо болѣе употребленія, чѣмъ другія народы: сокъ его идетъ у нихъ при жареніи мяса, а виноградный порошокъ употребляется за столомъ вмѣсто пикули. Порошокъ этотъ готовится толченіемъ высушеннаго, но не совсѣмъ зрѣлаго винограда, съ виду походитъ на красный каэнскій перецъ и имѣетъ пріятный кислый вкусъ. Виноградъ идетъ также въ большомъ количествѣ на сушку изюма и на приготовленіе винограднаго сиропа. Фунтъ винограду стоитъ здѣсь полпенса. Я выше упоминалъ о рауашѣ или кабульскомъ ревенѣ: онъ растеть по подошвамъ снѣжныхъ горъ Пагмана, и Ка-

буль далеко славится имъ. Жители считаютъ его очень здоровымъ и употребляютъ какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ. Здѣсь разсказываютъ анекдотъ о нѣсколькихъ индусскихъ врачахъ, практиковавшихъ не долгое время въ Кабуль; собственныя выгоды ихъ были не значительны, но они надѣялись, что для нихъ болѣе будетъ дѣла въ то время, какъ наступитъ пора употребленія плодовъ. Когда же они увидѣли этотъ ремень въ Маѣ и Юнѣ мѣсяцахъ, то поспѣшно выѣхали изъ города, объявивъ, что ихъ присутствіе въ немъ бесполезно, потому что онъ можетъ служить общимъ лекарствомъ отъ всѣхъ болѣзней, господствующихъ въ Кабуль. Это доказываетъ, по крайней мѣрѣ, то, что здѣшній ремень составляетъ здоровый предметъ для пищи. Ремень, привозимый на рынки, имѣетъ стволъ около фута длиною съ едва-распустившимися листьями; листья эти красные, а стволъ бѣлый. Когда ремень только-что выйдетъ изъ земли, то имѣетъ пріятный вкусъ, какъ молоко; но не выносить перевозки. Подрастая болѣе, онъ дѣлается тверже; въ это время вокругъ него

обкладываютъ камни, чтобъ защитить отъ вліянія солнца. Корни этого растенія въ лекарство не употребляются. Въ Кабуль нѣтъ финиковыхъ деревьевъ, хотя они растутъ на востокъ и на западъ отъ него—въ Кандагаръ и Пешауаръ. Жители этихъ послѣднихъ городовъ не умѣютъ извлекать изъ нихъ опьяняющаго соку, какъ это дѣлается въ Индіи. Пешауаръ знаменитъ своими грушами, Газни — своими сливами, продающимися въ Индію подъ названіемъ бухарскихъ сливъ. Кандагаръ извѣстенъ фигами, Кабуль — тутовыми ягодами; но въ этомъ послѣднемъ успѣшно растутъ почти все плоды и въ особенности тѣ, которые имѣютъ косточки. Плоды здѣсь гораздо обильнѣе, чѣмъ хлѣбъ, и считаются одною изъ главнѣйшихъ потребностей жизни. Въ Кабуль существуетъ не менѣе четырнадцать различныхъ способовъ сохраненія абрикосовъ: они сушатся съ косточкою и безъ косточки, а иногда въ средину ихъ вставляютъ миндаль; кромѣ того ихъ раскатываютъ въ тонкія лепешки и свертываютъ наподобіе бумаги. Это самый вкусный изъ всехъ сушеныхъ плодовъ.

Изъ всѣхъ публичныхъ зданій въ Кабуль , Бала Гиссаръ или цитадель заслуживаетъ бѣльшаго вниманія, но не по своей силѣ. Съ юга и запада Кабуль огражденъ высокими, утесистыми горами , на восточной оконечности которыхъ находится Бала Гиссаръ, повелѣвающій городомъ. Цитадель эта стоитъ на узкой полосѣ земли, поднимающейся почти на 150 футовъ надъ прилегающею къ ней странюю. Ниже этого укрѣпленія есть еще другое, также называемое Бала Гиссаръ : въ немъ живетъ правитель съ своею гвардією. Въ цитадели теперешній начальникъ никогда не живетъ ; но братъ его построилъ въ ней дворецъ именуемый *Куллахъ и Фиринджи*, т. е. *Шляпа Европейца* : это самое высокое зданіе въ городѣ. Достъ Магоммедъ Ханъ взялъ Бала Гиссаръ взрывомъ одной изъ его башенъ. Въ настоящее время укрѣпленіе это , неправильное и полуразрушенное , не можетъ выдержать осады. Верхній фортъ не великъ , а нижній можетъ помѣстить въ себѣ около пяти тысячъ человекъ. Въ немъ находится дворецъ государя. Бала

Гиссаръ построенъ разными государями изъ дома Тимура — Баберомъ и его наследниками. Ауругзебъ, заботясь о сохраненіи своихъ сокровищъ, устроилъ подъ нимъ обширные подвалы, которые и понынѣ еще можно видѣть. Бала Гиссаръ, служа дворцемъ кабульскимъ государямъ, служилъ вмѣстѣ и темницею для младшихъ членовъ царскаго семейства, куда ихъ заключали на всю жизнь. Рассказываютъ, что, убивъ тюремщика и вырвавшись на свободу, они съ удивленіемъ смотрѣли на текучую воду: до такой степени тягостно имъ было заключеніе. Трудно сказать, счастливы ли эти люди въ своемъ теперешнемъ положеніи, т. е. въ положеніи самой горькой нищеты. Многіе изъ дѣтей Тимуръ Шаха, томимые голодомъ, приходили къ намъ за милостиною. Я совѣтывалъ имъ просить правителя о какомъ нибудь существенномъ вспоможеніи; но они отвѣчали, что не ожидаютъ никакой помощи отъ дома Баракзиевъ, теперь господствующихъ и жаждущихъ ихъ крови.

Близъ Бала Гиссара живутъ Персіане или, такъ называемые здѣсь, Казильбаши; но жилища ихъ отдѣлены какъ отъ крѣпости, такъ и отъ города. Всѣ они туркского происхожденія, изъ племени Джаваншира, поселеннаго здѣсь Надиръ Шахомъ. Во времена кабульскихъ государей они служили тѣлохранителями и пользовались значительнымъ вліяніемъ въ государствѣ. Они и понынѣ сохранили свой языкъ и привязанность къ настоящему правителю, мать котораго принадлежала къ ихъ племени. Я имѣлъ случай хорошо ознакомиться съ этимъ народомъ на домашнемъ праздникѣ, къ которому пригласилъ насъ нашъ пешауарскій проводникъ, веселый Науабъ Магоммедъ Шарифъ, и видѣлъ тамъ всѣхъ знатнѣйшихъ Персіанъ города, вмѣстѣ съ ихъ старшиною Ширинъ Ханомъ. Въ нихъ я нашелъ совершенно новый для меня народъ и новый образъ сужденія, ибо они въ нѣкоторой степени сохранили тотъ умъ, которымъ отличаются ихъ соотечественники. Къ концу вечера старшина попросилъ одного изъ присутствовавшихъ гостей показать свой талантъ

не въ разсказъ повѣстей, а въ представленіи кой-какихъ особенностей свойственныхъ соседнимъ народамъ. Импровизаторъ началъ съ Афгановъ и послѣ забавнаго представленія, изъ котораго, однако же, были исключены Дуранійцы или начальники, по словамъ его, не проходившіе на другихъ Афгановъ, онъ изобразилъ вступленіе двадцати, или тридцати народовъ въ рай Магоммеда. Когда дошла очередь до входа Афгановъ, онъ, называя ихъ языкъ безтолковымъ, сказалъ, что и самъ пророкъ не могъ понять, что они говорили и потому не далъ имъ мѣста. Въ разсказикъ было много юмору: онъ такъ хорошо умѣлъ вкленить въ свой разсказъ нѣсколько афганскихъ выраженій, что причинилъ много смѣху во всемъ обществѣ. Послѣ этого онъ напалъ на Узбековъ, на ихъ особый способъ готовить чай и на ихъ обычную неловкость. Потомъ направилъ насмѣшки противъ льстивыхъ, обманчивыхъ и коварныхъ Кашмирцевъ, и если не клеветалъ на нихъ, то они подлинно должны представлять образцы по-

рока. * Всѣ, однако же, отдають имъ справедливость въ ихъ способностяхъ и изобрѣтательности, выкупающихъ ихъ недостатки. Жители Герата и ихъ многорѣчивыя бесѣды также не избѣжали нападокъ со стороны этого болтливаго Мирзы: онъ представилъ плутни, совершающіяся въ ихъ таможахъ, и даже, принявъ на себя роль одного пристава, дозволилъ подкупить себя виномъ, говоря, что онъ бралъ его не для себя.

Разница между обычаями Европы и Востока ни въ чемъ такъ рѣзко не проявляется, какъ въ способѣ разсказа чего нибудь любопытнаго. Европейецъ любитъ разсказать анекдотъ, но онъ былъ бы удивленъ, если бы въ обществѣ звывали его описать что нибудь забавное. На западѣ *bon mot* хорошо только тогда, когда оно является въ срединѣ разговора, кстати; на Вос-

* Есть персидское двоестішіе :

»Даръ джаганъ асть ду тефа би пиръ :

Суни и Балкъ, Шіахъ и Кашмиръ.»

Смыслъ стиховъ таковъ, что нѣтъ честнаго челоуѣка между Сунитами Балка и Шіитами Кашмира.

токъ не то: тамъ разскашки анекдотовъ составляютъ званіе, совершенно особенное. Причины того и другаго можно отнести къ образу правленія: на Востокъ, при всей свободѣ обращенія, нѣтъ свѣтскихъ отношеній; въ Европѣ же образованіе поставляетъ за правило считать равными всѣхъ, сидящихъ за однимъ и тѣмъ же столомъ.

Во время нашего пребыванія въ Кабуль случился *идъ*, праздникъ въ ознаменованіе жертвоприношенія Авраама. Онъ былъ празднуемъ со всеми знаками религіознаго почитанія: всѣ лавки были заперты, а правитель ѣздилъ къ молитвѣ на опредѣленное мѣсто въ сопровожденіи большой свиты. Послѣ обѣда жители толпились въ садахъ; я не могъ устоять противъ общаго влеченія и отправился туда же за толпою. Въ Кабуль, сейчасъ по выходѣ изъ базара, вы находитесь на берегахъ рѣки, прекрасно-осѣненной ивами, тополями и тузовыми деревьями. Почти всѣ дороги въ окрестностяхъ города ведутъ къ берегамъ ручьевъ, или водопроводовъ.

Черезъ нихъ повсюду перекинута мосты, изъ коихъ на рѣкѣ Кабуль есть три; но ни одинъ не отличается изяществомъ постройки. Лучшіе кабульскіе сады лежатъ на сѣверъ отъ города, но и ихъ въ свою очередь далеко превосходятъ тѣ, которые находятся далѣе, въ округѣ Исталифа, подъ первыми рядами снѣгомъ вѣнчанныхъ горъ Гинду Куша. Мѣстоположеніе ихъ видно изъ Кабула. Меня водили къ гробницѣ Тимуръ Шаха: это восьмиугольное кирпичное зданіе въ 50 футовъ выотою, стоящее внѣ города. Оно имѣетъ 40 футовъ въ квадратъ во внутренности, а архитектурую походитъ на гробницу въ Делли. Зданіе это не окончено. Прежде на этой гробницѣ постоянно горѣла лампада; но теперь слава дѣяній этого государя померкла, какъ и слава многихъ другихъ. Тимуръ Шахъ сдѣлалъ Кабуль своею столицею и въ немъ стоитъ его гробница. Отецъ его погребенъ въ Кандагарѣ, родномъ городѣ дуранійскаго дома.

Въ продолженіе дня я обыкновенно гулялъ по городу и по его окрестностямъ, а вечера по бѣль-

шей части проводилъ съ нашимъ хозяиномъ, Науабомъ, который, подобно многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, занимался изслѣдованіями о философскомъ камнѣ. Нашъ пріѣздъ, по видимому, общалъ ему богатую жатву въ этомъ дѣлѣ. Я, однако же, скоро разочаровалъ его, смѣясь надъ тиглями и разными рецептами, которые онъ мнѣ показывалъ. Я объяснилъ ему, что химія вытѣснила алхімію точно также, какъ астрономія замѣнила астрологию; но всѣ мои объясненія основныхъ началъ этихъ наукъ ни къ чему не послужили, также какъ и увѣренія, что я не алхимикъ. Онъ обратился къ др. Жерарду и просилъ у него рецептовъ, какъ приготовить каломель, хининъ, пластыри и мази, и намъ, конечно, не легко было удовлетворить его просьбу: онъ не хотѣлъ вѣрить, что искусства прописывать и приготовить лекарства были совершенно разныя и вѣрно счелъ насъ или за невѣждъ или за упрямецъ въ высшей степени. Совершенно готовыхъ лекарствъ онъ отъ насъ принять не хотѣлъ, потому что, по его мнѣнію, они не могли слу-

жить ни для какого употребленія послѣ нашего отъѣзда. Такое мнѣніе преобладаетъ здѣсь повсюду, и горе тому доктору, который станетъ давать въ этихъ странахъ такія лекарства, которыхъ самъ не будетъ въ состояніи приготовить. Мы не хотѣли совершенно разувѣрять Науаба въ его ожиданія, хотя сами ни сколько не вѣрили, чтобы онъ могъ обращать железо въ серебро. Отъ него мы слышали о мѣстопрохожденіи различныхъ металлических жилъ, встрѣчающихся въ этомъ краѣ. Онъ показывалъ намъ между прочими рѣдкостями *азбестъ*, называемый здѣсь хлопчато-бумажнымъ камнемъ (*саигъ и пумба*) и находимый близъ Джалелебада. Этотъ добрый человекъ объявилъ намъ, что онъ за все, что такъ охотно объяснялъ намъ, ожидая отъ насъ взамену какихъ нибудь другихъ свѣдѣній. На это я сказалъ ему, что я принадлежалъ къ обществу вольныхъ каменщиковъ и объяснилъ ему, въ чемъ оно состояло. Я говорилъ, что это учрежденіе хотя и не измѣняетъ простыхъ металловъ въ золото, однако же старается обратить коварныя и мрачныя страсти

человѣка въ филантропію и милосердіе. Услышавъ это, онъ убѣдительно просилъ, чтобы его безотлагательно допустили въ общество. Но я сказалъ, что число членовъ должно равняться числу Плеядъ, и мы отложили это до другаго случая. Онъ вполне былъ увѣренъ, что попалъ на истинные слѣды къ открытію магіи, въ самомъ чистомъ ея значеніи, и я отъ всей души готовъ былъ бы помочь ему, если бы только это было въ моей власти. Онъ взялъ съ меня слово прислать ему цвѣточныхъ сѣмянъ изъ Англіи, и я въ точности выполнилъ свое обѣщаніе. Вырѣзавъ картины изъ исторіи Кабула г. Эльфинстона, я подарилъ ихъ Науабу въ то время, какъ у него было множество гостей, и многіе наши въ нихъ большое сходство съ подлинниками не только въ костюмахъ, но и въ лицахъ. Картины составляютъ запрещенный предметъ у Магомеданъ Сунитовъ, но въ настоящемъ случаѣ онъ были хорошо приняты. Между друзьями Науаба намъ случалось встрѣчаться съ однимъ 114-лѣтнимъ старикомъ служившимъ еще Надиръ Шаху. Въ Кабуль онъ

живетъ болѣе 80 лѣтъ и потому видѣлъ начало и конецъ дуранійской династіи. Этотъ почтенный старикъ могъ еще одинъ всходить вверхъ по лѣстницѣ.

Такъ какъ мы постоянно встрѣчали много людей въ домѣ нашего хозяина, то я старался отобрать отъ нихъ кой-какія свѣдѣнія на счетъ вопроса о томъ: происходятъ ли Афганы отъ Евреевъ. Они прислали мнѣ всѣ свои исторіи; но я, не имѣя времени перечитывать ихъ, просилъ дать мнѣ словесныя объясненія. Афганы сами себя называютъ *Бенъ-и-Израиль*, т. е. дѣти Израиля; но считаютъ слово *ягуди* или *жидъ* названіемъ поноснымъ. Они говорятъ, что Навуходоносоръ, разрушивъ храмъ іерусалимскій, переселилъ ихъ въ городъ Горъ близъ Баміана, и что они назвались Афганами отъ своего начальника Афгана, сына дяди Азофа, (визиря Соломона), сына Беркія. Генеологію этого лица выводятъ отъ боковой вѣтви по причинѣ неясности, существующей относительно его отца, что нерѣдко случается на Востокѣ. Далѣе рассказываютъ, что они жили какъ Евреи

до того времени, когда Халидъ (носившій титулъ Калифа) призвалъ ихъ, въ первомъ вѣкъ магоммеданизма, себѣ на помощь въ войнѣ противъ невѣрныхъ. За услуги, оказанныя въ этомъ дѣлѣ, начальникъ ихъ, Кизъ, получилъ прозваніе Абдулрашида, что значитъ сынъ мощнаго. Ему также дозволено было считать себя *батаномъ* или *мачтою* своего племени, отъ которой завистли и парусъ благосостоянія народа и кормило управленія кораблемъ государства. Съ того времени Афганы иногда называются *Патанами*, и подъ этимъ именемъ преимущественно извѣстны въ Индіи. Прежде мнѣ никогда не случалось встрѣчать такого объясненія. Послѣ войны Халида, Афганы возвратились въ свое отечество и жили подъ управленіемъ царя изъ рода Кіани или Кира до одиннадцатаго столѣтія, когда они подпали подъ власть Махмуда газнійскаго. Поколѣніе государей, вышедшее изъ Гора, низпровергло домъ Газни и покорило Индію. Извѣстно, что по смерти основателя этой династіи, она распалась на двѣ отрасли: одну по восточную сторону Инда, а другую по за-

падную, и такой порядокъ дѣлъ оставался до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ потомковъ Тамерлана снова не покоришь ихъ подѣ новое иго.

Изложивъ преданія Афгановъ, я не нахожу причинъ сомнѣваться въ ихъ исторіи, хотя въ ней и встрѣчается нѣсколько анахронизмовъ, а хронологія не вполне совпадаетъ съ хронологіею Ветхаго Завета: подобные недостатки мы находимъ въ исторіи Греціи и Рима, равно какъ и въ позднѣйшихъ произведеніяхъ арабскихъ и магоммеданскихъ писателей. Съ виду Афганы походятъ на Евреевъ и сами производятъ себя отъ этого народа; у нихъ младшій братъ женится на вдовѣ старшаго, по закону Моисея; они питаютъ сильное предубѣжденіе противъ еврейскаго народа, а потому безъ основательной причины не стали бы производить отъ него свое происхожденіе, и, наконецъ, мы знаемъ, что нѣкоторые изъ коленъ израильскихъ пошли на Востокъ: послѣ всего этого почему не допустить, что Афганы суть ихъ потомки, обращенные къ магоммеданизму? Знаю, что я гово-

рю это въ противность сильному авторитету, * однако же, думаю, что и мое мнѣніе основано на весьма уважительныхъ причинахъ.

Исполняя желаніе Достъ Магоммеда, я провель съ нимъ еще одинъ вечеръ. Др. Жерардъ, поправившись здоровьемъ, также при этомъ присутствовалъ; г. Вольфъ въ это время былъ на пути въ Индію. Правитель и на этотъ разъ также былъ милостивъ, какъ и прежде: онъ продержалъ насъ долго за-полночь и далъ намъ понятіе о политическихъ дѣлахъ своего государства и о несчастной враждѣ, существующей между нимъ и его братьями. Онъ питалъ надежду возстановить афганскую монархію, выражалъ непримиримую ненависть къ Ранджитъ Сингу и, по видимому, желалъ знать: примутъ ли его Англичане въ союзники для искорененія Магараджи. Я отвѣчалъ, что Ранджитъ Сингъ намъ другъ. Тогда онъ обещалъ поручить мнѣ начальство надъ своимъ войскомъ, если я соглашусь служить ему, и потомъ нѣсколько разъ по-

* Смотр. *Кабуль* г. Эльфинстова, часть I стр. 244.

вторялъ: „двѣнадцать тысячъ конницы при двадцати орудіяхъ будутъ находиться въ твоёмъ распоряженіи.“ Когда же онъ убѣдился, что я не приму на себя этой чести, то просилъ прислать ему кого нибудь изъ моихъ друзей, кто бы могъ занять при немъ мѣсто генералиссимуса. Въ продолженіе этого вечера мы имѣли весьма любопытный разговоръ о Каффирахъ, живущихъ въ горахъ на сѣверъ отъ Пешауара и Кабула, и почитаемыхъ за племя, происшедшее отъ Александра. Еще прежде этого правитель показывалъ мнѣ одного каффирскаго мальчика, захваченнаго въ плѣнъ около двухъ лѣтъ тому назадъ: цвѣтъ его тѣла, черты лица и волосы были совершенно европейскіе, глаза голубые. Мы спрашивали у него нѣсколько словъ изъ его языка: нѣкоторыя изъ нихъ были индусскія. Каффиры живутъ въ самомъ варварскомъ состояніи: они ѣдятъ медвѣдей и обезьянъ. Между ними есть одно племя, которое называется *Нимча Музалманъ*, т. е. полу-магоммедане, и, живя въ пограничныхъ Афганистану деревняхъ, занимается небольшою торговлею. Любопытно найд-

ти здѣсь народъ совершенно отличный отъ другихъ жителей; но, къ несчастью, все, что до него относится, покрыто неизвѣстностью. Въ послѣдствіи я приведу всѣ тѣ подробности, которыя мнѣ удалось собрать о Каффирахъ, которыхъ я считаю аборигенами Афганистана, неимѣющими никакого отношенія къ потомкамъ Александра Великаго, какъ это думаютъ нѣкоторые писатели.

Проживъ въ Кабуль около трехъ недѣль, которыя прошли какъ нѣсколько дней, мы начали готовиться въ дальнѣйшій путь. Это казалось дѣломъ не совсѣмъ легкимъ, ибо не было ни одного готоваго каравана и, кромѣ того, никто не могъ поручиться, чтобъ дороги были удобны для проѣзда, потому что въ продолженіе этого мѣсяца нѣсколько разъ шелъ снѣгъ. Я полагалъ, что намъ всего лучше было нанять въ служители Кафила-баши, или вожатаго большихъ каравановъ, и такимъ образомъ, не ожидая выступленія общаго каравана, отправиться однимъ: это, по моему мнѣнію, было также

безопасно. Науабъ не совсѣмъ одобрялъ этотъ планъ, также какъ и поспѣшный отъездъ нашъ: онъ охотно желалъ бы продержатъ насъ еще нѣсколько мѣсяцевъ. Мы, однакоже, наняли одного бодрого старика, по имени Гіата, посѣдывшаго въ перевѣздахъ чрезъ Гинду Кушъ. Когда Науабъ увидѣлъ, что мы твердо рѣшились ѣхать, то просилъ своего родственника, Аминъ уль Мулка, сановника, принадлежавшаго ко двору бывшаго Шаха Махмуда и имѣвшаго торговья дѣла съ Бухарою и Россією, отправить съ нами кого нибудь изъ своихъ довѣренныхъ лицъ. По этому рѣшено было, чтобъ съ нами поѣхалъ братъ его Назира или управляющаго, по имени Дулатъ, весьма почтенный Афганъ, также называвшійся Назиромъ. Онъ имѣлъ дѣла въ Бухарѣ и ему предстояла необходимость ѣхать даже въ Россію: наши сборы ускорили его собственные. Казалось, все шло успешно: благодаря внимательности Науаба, насъ снабдили нѣсколькими письмами къ Афганамъ въ Бухару, изъ которыхъ самымъ замѣчательнымъ былъ Бадръ-у-динъ. Его агентъ въ

Кабуль, принеся мнѣ письма, просилъ въ награду за это дозволить ему провести нѣсколько времени въ нашемъ обществѣ. Онъ былъ мулла; его звали Ходедадъ. Съвѣсь съ нами за обѣдъ, во время котораго подали вареную курицу подъ рисомъ, онъ объявилъ, что сколь мы ни мудры какъ народъ, мы не имѣемъ ни какого понятія о томъ, что называется хорошо жить: ему не слишкомъ понравились наши англійскія блюда, приготовленныя на водѣ: онъ говорилъ, что они хороши только для больныхъ. Ходедадъ былъ человекъ умный; онъ много путешествовалъ по Индіи и Татаріи и былъ очень начитанъ въ азійской исторіи; онъ также изучалъ Эвклида, котораго его соотечественники, какъ онъ увѣрялъ насъ, въ насмѣшку называли Акль Дуздъ, т. е. хищникомъ мудрости, по причинѣ того, что онъ производилъ страшныя замѣшательства въ умахъ человѣческихъ. Хотя Ходедадъ не любилъ математики и желалъ знать, въ слѣдствіе какихъ причинъ мы изучаемъ ее, ибо ему не случилось слышать, чтобы она способствовала развитію ум-

ественныхъ способностей; однако же, онъ считалъ только тѣхъ людей учеными, которые были хорошо знакомы съ Эвклидомъ. Достъ Магоммедъ Ханъ приготовилъ для насъ нѣсколько писемъ; но такъ какъ между Афганами и Узбеками не существуетъ большихъ сношеній, то эти письма ни къ чему намъ не послужили. Письмо къ бухарскому государю было или потеряно, или украдено. Одинъ изъ придворныхъ Достъ Магоммеда, правитель Баміана, Хаджи Кокеръ, доставилъ намъ письма, которыя послужили намъ въ дѣйствительную пользу, какъ это видно будетъ въ послѣдствіи. Человѣкъ этотъ хотя и служить правителю Кабула, однако же питаетъ болѣе дружбы къ брату Достъ Магоммеда, живущему въ Пешауарѣ, которымъ онъ и былъ намъ отрекомендованъ. Я велъ съ нимъ всѣ свои сношенія втайнѣ, и онъ даже предложилъ къ моимъ услугамъ пятьдесятъ вооруженныхъ всадниковъ; но я счелъ за нужное съ благодарностію отклонить это предложеніе.

Прежде нежели мы выѣхали изъ Кабула, я познакомился со многими здѣшними Индусами

или шикарпурскими купцами. Вся торговля средней Азии находится въ рукахъ этихъ людей, которые имѣютъ торговые агентскіе дома отъ Астрахани и Мешеда вплоть до Калкутты. Они составляютъ чрезвычайно тароватое племя, не принимающее участія ни въ какихъ дѣлахъ, кромѣ своихъ собственныхъ, и упрочиваютъ себѣ покровительство тѣмъ, что снабжаютъ правителей денежными займами. Они имѣютъ совершенно особенный окладъ лица съ горбатымъ носомъ, и одѣваются всегда чрезвычайно неопратно: весьма не многимъ изъ нихъ дозволено носить чалмы. Они никогда не вывозятъ своихъ семействъ изъ родины, т. е. изъ Верхняго Синда; но безпрестанно ѣздятъ туда и обратно, и такимъ образомъ поддерживаютъ свой національный духъ. Въ Кабуль есть восемь большихъ торговыхъ домовъ, принадлежащихъ этимъ людямъ, совершенно отличающимся отъ другихъ индусскихъ жителей, коихъ здѣсь считается до трехъ сотъ семействъ. Я встрѣтилъ одного изъ этихъ шикарпурскихъ купцовъ на островѣ Кишамъ въ Персидскомъ заливѣ. Если бы

Индусы были терпимы въ Персіи, то я увѣренъ, что они скоро разсѣлились бы по всей Персіи и даже по Турціи.

При такихъ обширныхъ торговыхъ агентствахъ, распространенныхъ по всемъ частямъ Азіи, чрезъ которыя мы собирались теперь путешествовать, намъ не трудно было устроить наши денежныя дѣла и уладить на будущее время надежную доставку необходимаго намъ металла, даже и въ такихъ далекихъ отъ Индіи мѣстахъ гдѣ мы чрезъ нѣсколько времени будемъ находиться. Расходы наши были не велики и потому мы тщательно зашивали свои золотые дукаты въ пояса и чалмы, а иногда прятали ихъ въ туфли, хотя обыкновеніе оставлять обувь при входѣ въ домъ и заставляло меня нѣсколько разъ вооружаться противъ этого послѣдняго способа. Со мною было одно переводное письмо въ пять тысячъ рупій на публичныхъ мѣняль въ Лсдіану, или Делли, и кабульскіе жупцы ни сколько не затруднились размѣнять мнѣ оное: они изъявили готовность выдать мнѣ золото на мѣ-

ствъ, или написать вексель въ Россію на Макарьевъ (Нижній Новгородъ), Астрахань, или Бухару. Не имѣя причинъ сомнѣваться въ справедливости ихъ словъ, я взялъ письма на послѣдній городъ. Эти купцы сохраняли глубочайшую тайну и такое желаніе ихъ не могло превзойти собственнаго нашего желанія казаться бѣдными, ибо обладаніе такимъ большимъ количествомъ золота худо согласовалось бы съ грубою и оборванною нашею одеждою. Но какое сильное доказательство высокаго мнѣнія о характеръ нашей націи мы находимъ въ этой готовности размѣнять на наличныя деньги письма, представленныя въ чуждой и отдаленной столицѣ людьми, походившими болѣе на нищихъ! Удивительнѣе же всего то, что торговля наша разбросила непрерывающіяся вѣтви свои чрезъ столь обширныя и отдаленныя страны, различающіяся одна отъ другой языкомъ, вѣрою, нравами и законами.

ГЛАВА VI.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЧЕРЕЗ ГИНДУ КУШЪ ИЛИ СНѢЖНЫЯ ГОРЫ.

Какъ въ Пешауарѣ желалъ намъ добраго пути самъ правитель, такъ здѣсь провожалъ насъ Науабъ, братъ его. Въ Пятницу, 18 Мая, мы выѣхали изъ Кабула, по обще-принятому обыкновенію здѣшнихъ путешественниковъ, послѣ полдневной молитвы, дабы не оскорбить предразсудковъ жителей, считающихъ это время благоприятнымъ во всякомъ случаѣ. Мы полагали, что уже совершенно разстались съ добрымъ Науабомъ, принявъ отъ него напутственное благословеніе на порогъ его дома, но обманулись: прежде нежели мы выѣхали изъ города, онъ верхомъ догналъ насъ и, проводивъ мили за двѣ, или за три, разстался съ нами къ общему

сожалѣнію : казалось , онъ больше жилъ для другихъ , чѣмъ для самаго себя . Во время нашего пребыванія въ городѣ , онъ всегда принималъ насъ съ большимъ гостепріимствомъ и ежедневно убѣждалъ избрать какую нибудь другую дорогу , только не туркистанскую , гдѣ предвѣщаль всевозможныя бѣдствія . Онъ прощался съ нами въ самыхъ непритворныхъ выраженіяхъ , такъ , что трудно было подавить слезу при разлукѣ . Хотя братъ его , правитель , и не столько ласкалъ насъ , однако же былъ не менѣе учтивъ и внимателенъ , и мы при отъѣздѣ не забыли выразить ему вполне свою признательность .

Мы остановились ночевать въ небольшой деревнѣ , именуемой Килла-и-Кази , и здѣсь , такъ сказать , на первомъ шагѣ , убѣдились во влияніи и въ важности нашего Кафила-баши : онъ очистилъ для насъ домъ , склонивъ денежнымъ подаркомъ муллу на свою сторону , и квартира наша показалась намъ весьма пріятною , ибо мы уже начинали чувствовать холодъ . Пріятель

нашъ, Гіатъ, былъ человѣкъ чрезвычайно добрый и предложилъ намъ самыя умѣренныя условія: онъ согласился получать награду по заслугамъ, судить же о нихъ предоставилъ намъ самимъ. Мы передали ему самихъ себя какъ тюкъ съ товарами и просили его вести насъ по своему собственному усмотрѣнію. Я вручилъ ему всѣ свои книги и инструменты, которые онъ выдавалъ потомъ за часть имущества, принадлежащаго одному еврейскому семейству, выхавшему изъ Кабула въ предшествовавшемъ году. Благоразуміе требовало, чтобъ мы путешествовали въ этихъ мѣстахъ самымъ скромнымъ образомъ, и потому каждый изъ насъ принялъ общее здѣсь названіе *мирзы* или секретаря, которое мы постоянно удерживали и въ послѣдствіи. Нашъ докторъ также оставилъ свой титулъ въ покоѣ. Вскорѣ мы убѣдились, что безъ проводника мы были бы людьми самыми беззащитными, потому что на слѣдующее утро какой-то чиновникъ, занимавшій незначительную должность отъ правительства, схватилъ мою лошадь за узду и требовалъ, чтобъ я показалъ

ему все, что заключалось въ моихъ застѣдельныхъ мѣшкахъ: я поспѣшно сталъ раскладывать передъ нимъ свое имущество, но Кафилабаши сказалъ ему нѣсколько словъ, и онъ прекратилъ осмотръ. Съ этого времени никто не узнавалъ въ насъ Европейцевъ, что давало намъ самую пріятную свободу въ дѣйствіяхъ. Странно покажется, что къ числу контрабандныхъ предметовъ, на которые таможенные пристава обращаютъ особенное вниманіе, принадлежитъ Коранъ: причиною этому, по видимому, было то, что купцы вывозили въ такомъ множествѣ экземпляры этой книги за Гинду Кушъ, что въ самое короткое время Афганистанъ могъ лишиться ее совершенно. Прекращеніе такой торговли можно назвать благодѣяніемъ для народа со стороны кабульскаго государя, ибо эти многоцѣнные книги пишутся съ трудомъ и большими издержками.

Мы оставили влѣвъ дорогу, ведущую въ Кандагаръ, и долиною рѣки Кабула достигли ея источниковъ при Серчашмѣ. Первый привалъ мы

имѣли при Джалрайзѣ, получившемъ это названіе отъ двухъ персидскихъ словъ, означающихъ текущую воду. Близъ этой деревни дѣйствительно протекають въ берегахъ, осѣненныхъ деревьями, два ручья, придающіе этой странѣ столько очарованія, не смотря на ея бесплодныя скалы. Долина эта, имѣющая не болѣе одной мили въ ширину, превосходно обработана; въ ней вода для орошенія полей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поднята въ горы футовъ на сто. Въ низменныхъ частяхъ ея рисовыя поля живописно поднимаются уступами одни надъ другими, а по обѣимъ сторонамъ ихъ возвышаются вершины горъ, покрытыя снѣгомъ. Термометръ стоялъ на 60°.

При Серчашмѣ, собственно означающемъ верховье рѣки, мы посѣтили два небольшія озера, служація источниками рѣкъ Кабулу: они наполняются родниками и служатъ садками для рыбы, весьма тщательно берегаемой. Это есть мѣсто поклоненія, освященное посѣщеніемъ Али: такъ по крайней мѣрѣ говорятъ; но благочестив-

вая ложь эта не подтверждается исторією, потому что зять Магоммеда никогда не видалъ Кабула, хотя молва и гласить о многочисленныхъ и чудныхъ дѣяніяхъ его въ здѣшнихъ окрестностяхъ. Мы кормили рыбъ хлѣбомъ: онѣ тысячами нападали на него и растаскивали изъ нашихъ рукъ въ одну минуту; ихъ никто здѣсь не осмѣливается беспокоить, ибо есть повѣрье, что проклятіе неминуемое обрушится на главу того, кто дерзнулъ бы сдѣлать это.

До вступленія въ долину рѣки, мы оставили къ югу знаменитый Газни, лежащій только въ шестидесяти миляхъ отъ Кабула. Теперь эта древняя столица, находясь въ зависимости отъ послѣдняго города, составляетъ незначительное мѣстечко, замѣчательное только тѣмъ, что въ немъ сохраняется гробница великаго Махмуда, его основателя. Этому государю есть еще другой болѣе достойный памятникъ — великолѣпная плочина, построенная имъ съ большими издержками; и только одна уцѣлѣвшая изъ семи ей подобныхъ. Достоинно замѣчанія, что правитель

Панджаба, договариваясь въ недавнее время съ бывшимъ кабульскимъ государемъ, Шуджеоуль-Мулкомъ, включалъ въ условія, относившіяся до возвращенія послѣднему престола его предковъ, статью о выдачѣ сандалныхъ вратъ гробницы императора Махмуда, вывезенныхъ этимъ завоевателемъ изъ Сомната, въ Индію, гдѣ, какъ говорятъ, изъ разбитаго имъ идола рассыпались драгоценные камни. Это событіе сѣвѣ хранится въ памяти Индусовъ, не взирая на то, что сандалныя врата въ продолженіе 800 лѣтъ украшаютъ гробницу султана Махмуда. Баберъ удивляется, какъ такой великій монархъ могъ выбрать Газни своею столицею; но туземцы объясняютъ это тѣмъ, что холодъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ дѣлаетъ это мѣсто почти недоступнымъ и что въ вслѣдствіе такого мѣстоположенія Махмудъ считалъ ее безопаснѣе всякаго другаго города во время своихъ опустошительныхъ нашествій на Индусовъ и на земли невѣрныхъ.

Взбираясь вверхъ по долинѣ, постепенно суживавшейся, мы наконецъ достигли до неболь-

шой плоской равнины, лежавшей на вершинахъ горъ : это ущелье Унна, охраняемое двумя небольшими укрѣпленіями. Тутъ насъ засталъ снѣгъ, и я, такъ-сказать, снова ознакомился съ нимъ послѣ двѣнадцатилѣтней разлуки; но со мной не было тѣхъ товарищей, съ которыми можно было бы возобновить снѣжныя игры юности. Снѣгъ шелъ все время, пока мы поднимались въ ущельи на высоту 11.000 ф. надъ моремъ; наконецъ, къ немалому удовольствію, мы добрались до небольшой деревушки, защищенной отъ рѣзкаго вѣтра, продолжавшагося цѣлый день. Здѣсь стало замѣтно, какъ значительно мы подались впередъ въ нашемъ горномъ путешествіи: ибо теперь рѣки текли совершенно въ противномъ отъ насъ направленіи, и мы достигли холодной страны Газаровъ, гдѣ жители только-что начинали пахать и сѣять, между тѣмъ какъ въ Пешауарѣ мы уже видѣли жатву, а въ Кабулѣ колосившіеся хлѣба.

Далѣе дорога шла при подошвѣ высокой, покрытой вѣчнымъ снѣгомъ, горы Кохъ-и-баба,

замѣчательной трехглавою вершиною, имѣющею около 18.000 футовъ высоты. Вечеромъ , 21 Мая, мы, полумертвые отъ усталости и полумертвые блестящимъ снѣгомъ , спустились въ тѣснину Гаджигакъ. Около десяти миль мы шли по руслу питаемаго тающими снѣгами ручья, глубиною по-колѣно, и принуждены были переходить его болѣе двадцати разъ. Потомъ мы вступили въ царство снѣга , который лежалъ на землѣ толстымъ слоемъ; къ полудню онъ до того разрыхлялъ, что лошади, сбрасывая выюки и сѣдоковъ, тонули въ немъ такъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы вытаскивали ихъ съ большимъ трудомъ. Мѣста, непокрытыя снѣгомъ, пропитались водою и превратились въ тонкія трясины. Жаръ сдѣлался невыносимый, вѣроятно отъ отраженія лучей : я почти потерялъ зрѣніе. Кожа у меня на носу облупилась прежде , чѣмъ мы достигли небольшой крѣпостцы въ ущельи , гдѣ къ вечеру и остановились у одного газарскаго семейства.

Въ этихъ горахъ мы видѣли Газаровъ въ ихъ природномъ состояніи. Насъ приняла ста-

руха въ бѣдной, до половины врытой къ землю, хижинѣ, имѣвшей плоскую крышу, въ которой было два, или три отверстія вмѣсто оконъ. Она нянчила внука и привѣтствовала насъ почетнымъ названіемъ *ага*, а я называлъ ее *матушкою*. Она стала хлопотать и суетиться и, считая насъ за Персіянъ, съ которыми Газары исповѣдаютъ одну и ту же вѣру, старалась сдѣлать пріемъ самый радушный: по нашей купеческой одеждѣ Газары не могли узнать въ насъ Европейцевъ. Старуха увѣряла, что снѣга препятствуютъ имъ выходить изъ хижинъ въ продолженіе шести мѣсяцевъ (дождей здѣсь не бываетъ), и что они сѣютъ пшеницу въ Іюнѣ, а жнутъ въ Сентябрѣ. Этотъ народъ не имѣетъ денегъ и почти не знаетъ ихъ значенія, слѣдовательно мы могли получить отъ нихъ все, потребное для насъ, только посредствомъ мѣны и не имѣли нужды показывать золото, по которому всегда можно узнать Англичанина. У нихъ путешественникъ достанетъ все необходимое за нѣсколько ярдовъ грубаго сукна и за небольшое количество табаку, перцу, или сахару.

ру, что они цѣнятъ гороздо дороже, чѣмъ стоять эти предметы. Газары — народъ чрезвычайно простосердечный, во всемъ отличающійся отъ афганскихъ племенъ. Четырехъ - угольные лица и маленькіе глаза придаютъ имъ сходство съ Китайцами. Они происхожденія татарскаго: даже и теперь одно изъ ихъ племенъ носить названіе Татаръ-газара. Думаютъ, что они предоставляютъ своихъ женъ гостямъ; но это, безъ сомнѣнія, несправедливо. Женщины имѣютъ большое вліяніе на мужей своихъ и не носятъ покрывалъ: онѣ вообще очень хороши собою, но не отличаются большою скромностью, что подало поводъ ихъ ссѣдямъ, Сунитамъ, пренебрегать ими и ненавидѣть какъ еретиковъ. Если бы отчизна этихъ людей была менѣе неприступна, то они, вѣроятно, были бы давно уничтожены, потому что окружены врагами. Услужливая хозяйка, пріотившая насъ, предложила мнѣ лекарство для сохраненія глазъ, *выжженныхъ*, по ея словамъ, *снѣгомъ*: она совѣтовала мнѣ употреблять антимоній, и я дѣйствительно намазалъ имъ глаза посредствомъ кисточ-

ки, что, какъ говорила старушка, придало много красы моему лицу; а я знаю только то, что это средство доставило мнѣ большое облегченіе, когда я снова поѣхалъ по сѣгамъ.

Не смотря на то, что нѣкоторые изъ этихъ горцевъ живутъ на высотѣ 10.000 футовъ надъ моремъ, они не подвержены безобразной болѣзни — зобу, которую я встрѣчалъ въ Гималаяхъ, на востокъ отъ Инда, даже ниже 4000 футовъ. Можетъ статься, зобъ свойственъ только среднимъ слоямъ атмосферы. Этому мнѣнію держатся знаменитѣйшіе врачи въ Европѣ, что я узналъ изъ статьи доктора бенгальской арміи, Брашлей, напечатанной въ запискахъ калкутскаго медицинскаго общества. Впрочемъ, г. Брашлей, испытавъ лично этотъ недугъ во время пребыванія въ горныхъ частяхъ Нипала, приводитъ въ своемъ разсужденіи такіе факты, которые могутъ повести къ противоположнымъ заключеніямъ о мѣстѣ господствованія этой болѣзни, чаще встрѣчающейся, по его словамъ, на вершинахъ высокихъ горъ, нежели въ долинахъ Нипала.

Кто бы могъ подумать, что жители этихъ возвышенныхъ и дикихъ странъ занимаются темными богословскими предметами, а между тѣмъ недавно одинъ мулла проповѣдывалъ здѣсь какое-то новое ученіе, утверждая, что Али есть божество и превышаетъ даже самаго Магоммеда. Этотъ фанатинъ нашелъ себѣ нѣсколько сотенъ послѣдователей и до того увѣрилъ ихъ въ своемъ могуществѣ, что они считали его способнымъ возстановлять жизненность въ трупахъ и безвредно проходить сквозь пламя. Одинъ изъ газарскихъ начальниковъ, раздраженный богохульствомъ этого лжепророка, вооружился противъ него за проповѣдываніе разврата правовѣрнымъ и со множествомъ послѣдовавшихъ за нимъ народа рѣшился возвратить заблудшихъ къ Исламу. Намъ говорили, что эта секта, называющаяся *Али-иллахи*, приняла множество самыхъ отвратительныхъ обычаевъ, между прочимъ общность женщинъ, и что послѣдователи ея совершаютъ вакхическія оргіи въ темнотѣ ночей, почему и названы *Чирагъ-Кушъ*, т. е. лампогасители, въ ознаменованіе тьмы, въ

которой они скрываютъ свое распутство. Меня увѣряли, что эта секта уже не новая, и что Маготы въ Кабуль давно придерживаются нѣкоторыхъ изъ ея обрядовъ; но совершаютъ ихъ гораздо скрытнѣе. Она также известна въ нѣкоторыхъ частяхъ Персіи и Турціи; но до сихъ поръ еще не распространилась въ холодныя страны Гинду Куша.

Религіозная война Газаровъ оказалась для насъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, ибо Іезданъ Бахшъ, начальникъ двѣнадцати тысячъ семействъ, во владѣніи коего находятся здѣшнія дороги, былъ въ отсутствіи, а онъ такой человекъ, который питаетъ сомнительную пріязнь къ Кабулу. Хаджи Ханъ Кокеръ далъ намъ письмо къ нему, но мы, основываясь на слухахъ о его характерѣ, едва надѣялись даже на самую обыкновенную вѣжливость. Однако же религіозныя смуты избавили насъ отъ представленія: простоявъ около часа у воротъ крѣпости, мы заплатили только по рупіи съ каждаго человека въ видѣ пошлины, налагаемой на всѣхъ

не-Магоммедаць. Можетъ быть , письмо Жокера . отчасти убѣдило Газаровъ пропустить насъ за такую дешевую плату; но все-таки Кафила-баши долго переговаривался съ нами и въ это время переброеилъ мнѣ много значительныхъ взглядовъ. Нѣя, ни докторъ не вмѣшивались въ это дѣло и только смотрѣли на горцевъ ; они же , по видимому , не много интересовались нами.

Переночевавъ у газарской старухи и получивъ отъ нее кой-какіе совѣты, мы начали подыматься къ ущелью Гаджигакъ, которое находилось еще на 1000 футовъ выше, т. е. на 12.400 футовъ надъ поверхностью моря. Мы вывхали рано утромъ 22 Мая; подмерзшій снѣгъ сдерживалъ лошадей, и мы достигли вершины прежде, чѣмъ солнце размягло его. Термометръ упалъ на 4° ниже точки замерзанія и холодъ былъ для насъ весьма чувствителенъ, не смотря на то, что мы одѣлись въ шубы, вывероченныя мѣхомъ внутри. Я не разъ благодарилъ добраго Науаба кабульскаго, принудившаго меня принять отъ него выдровую

шубу, оказавшуюся столь полезнаю. Переходъ совершился не безъ приключеній: такъ какъ по снѣгу не было проложено дороги, то нашъ землемѣръ, Магоммедъ Али, ѣхавшій впереди, скатился вмѣстѣ съ лошадыю съ одного косо-гора ярдовъ на тридцать. Это обстоятельство предостерегло насъ и заставило выбрать лучшей путь; но намъ не было возможности удержаться отъ смѣха при видѣ бѣднаго Али: онъ, будучи закутанъ въ шубу, изъ которой проглядывало только испуганное лицо его, далеко укатился внизъ, прежде нежели могъ остановиться; сухарный конь его обозначилъ свое паденіе глубокими ямами. Послѣ этого намъ предстояло начать восхожденіе на вершину Калу, которая еще на 1000 футовъ воздымалась надъ Гаджигакомъ; снѣгъ все также затруднялъ дорогу. Но мы обогнули эту гору и боковой дорогой чрезъ одну долину, орошаемую какою-то данницею Окса, достигли Баміана.

Ни что не можетъ быть величественнѣе картины, представлявшей намъ въ этой долинь:

надъ нами висѣли страшныя скалы; множество обваловъ показывало, какъ онѣ не прочны и какъ часто обрушиваются. Ущелье представляетъ во многихъ мѣстахъ превосходный разрѣзъ горъ для геологическихъ наблюдений. * Около мили мы шли пѣшкомъ надъ страшною бездною по причинѣ невозможности ѣхать на лошадяхъ; дорога, по видимому, была укрѣплена въ древности, что доказывается множествомъ встрѣчающихся на ней развалинъ. На нѣкоторыя изъ нихъ намъ указывали какъ на остатки почтовыхъ станцій монгольскихъ императоровъ; бѣольшую же часть относили ко времени древняго персидскаго государя, Зогака. Одно укрѣпленіе, защищавшее сѣверный входъ въ ущелье, въ особенности достойно замѣчанія: оно построено съ большими трудами надъ пропастью и замысловато снабжалось водою. Безполено было бы приводить здѣсь всѣ басни, разсказываемыя народомъ объ этихъ зданіяхъ.

* Смотр. Часть III. Книгъ I. Главу VII.

Баміанъ знаменитъ своими колоссальными идолами и безчисленными, изъсѣченными въ скалахъ, пещерами, которыя на протяженіи восьми миль встрѣчаются во всѣхъ частяхъ долины и служатъ жилищами бѣльшей части народонаселенія. Народъ называетъ ихъ *Сумачъ*. Отдѣльный холмъ, въ срединѣ долины, по множеству пещеръ имѣетъ сходство съ пчелинымъ сотомъ и напоминаетъ Троглодитовъ, о которыхъ говорятъ историки Александра. Онъ названъ городомъ Гулгула и состоитъ изъ непрерывно-слѣдующихъ одна за другою во всѣхъ направленіяхъ пещеръ, которыя, какъ говорятъ, устроены государемъ Джалаломъ. Горныя породы баміанскихъ холмовъ состоятъ изъ отвердѣвшей глины и кремней, что облегчаетъ устройство пещеръ; но, не взирая на это, ихъ огромное протяженіе достойно удивленія. Пещеръ вырыты по обѣимъ сторонамъ долины, но большая ихъ часть находится въ сѣверной сторонѣ, тамъ же, гдѣ стоятъ и огромные идолы: онѣ всѣ вмѣстѣ составляютъ большой городъ.

Mon. Japonica

MONTE SASSI, NEI MONTI DI SASSI.

Здѣсь для отрыванія пещеръ нерѣдко нанимають рабочихъ, и трудъ ихъ вознаграждается кольцами, утварью, монетами и прочимъ. Все это по большей части носить на себѣ куфическія надписи и относится ко временамъ Магоммеда и даже гораздо позднѣе его. Отрываемыя пещеры имѣють квадратную форму и лишены всѣхъ архитектурныхъ украшеній. Нѣкоторыя изъ нихъ сведены куполомъ съ карнизомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается сводъ. Жители рассказываютъ множество замѣчательныхъ преданій о баміанскихъ пещерахъ, въ особенности о томъ, какъ одна женщина потеряла въ нихъ своего ребенка и нашла его не ранѣе какъ чрезъ двѣнадцать лѣтъ! Трудно вѣрить такой сказкѣ, но она даетъ понятіе объ огромномъ протяженіи работъ. По сторонамъ идоловъ пещеры вырыты во всѣхъ направленіяхъ; подъ ббольшимъ изъ нихъ можетъ помѣститься половина полка. Баміанъ состоитъ въ зависимости отъ Кабула; по видимому, это чрезвычайно древнее мѣсто и, быть можетъ, тотъ самый городъ, который Александръ до вступленія своего въ Бактрію по-

строиль при подошвѣ Паропамиза. Дѣйствительно, страна, лежащая между Кабуломъ и Балкомъ, до сихъ поръ называется *Бактаръ Заминъ*, т. е. бактарская земля. Говорятъ, слово Баміанъ произошло отъ возвышеннаго положенія этого края, отъ *бамъ*—балконъ, и придаточнаго—*инъ*, страна. Можетъ быть, она такъ названа потому, что пещеры въ скалахъ возвышаются одна надъ другою.

Изъ остатковъ азійскихъ древностей ни что столько не возбуждало любопытства ученыхъ, какъ гигантскіе идолы Баміана. Къ счастью, я могу здѣсь представить рисунокъ этихъ фигуръ: ихъ двѣ—одна мужская, другая женская, первая называется *Сильзаль*, вторая *Шахмама*; эти два колоссальныя изображенія вырублены альторельефомъ на фасѣ холма. Мужское больше женскаго: оно равняется 120 футамъ высоты. Ниша, въ которой оно помещается, имѣетъ 70 футовъ ширины и на столько же углублена въ холмъ. Этотъ идолъ поврежденъ пушечными выстрѣлами: ноги и часть головы надъ ртомъ

отбиты; у него широкія губы, уши длинныя и отвислыя, на головѣ, по видимому, была тѣара. Весь станъ его покрытъ мантией, сдѣланной изъ какого-то цемента, который во многихъ мѣстахъ былъ укременъ на деревянныхъ книпеляхъ. Фигура лишена правильности и всякаго изящества въ драпировкѣ. Руки, поддерживавшія мантию, отбиты. Женская фигура, одѣтая точно также, сохранилась лучше. Она изсѣчена въ томъ же самомъ холмѣ, но въ половину меньше мужской и отстоитъ отъ нея на 200 ярдовъ. Прилагаемый здѣсь рисунокъ даетъ понятіе объ этихъ идолахъ лучше всякихъ описаній. Просторныя отверстія, имѣющія видъ арокъ, служатъ входами въ пещеры, чрезъ которыя пролегалъ дорога на вершинну истукановъ. Въ нижнихъ пещерахъ обыкновенно останавливаются караваны, идущіе въ Кабуль и обратно. Верхнія служатъ для жителей житницами.

Теперь мнѣ остается упомянуть о замѣчательнѣйшей особенности баміанскихъ идоловъ: когда-то стѣны въ обѣихъ нишахъ были покрыты цемент-

томъ, на которомъ видны нарисованныя человѣческія фигуры; но онъ почти вездѣ сгладились, кромѣ частей надъ головами истукановъ. Здѣсь краски также свѣжи и рисунокъ также явственъ, какъ и въ египетскихъ гробницахъ. Разнообразія въ этихъ рисункахъ мало: они представляютъ женскіе бюсты съ пучкомъ волосъ на головѣ и съ одеждою, полунаброшенною на плеча и на грудь; каждый бюстъ обведенъ однимъ кругомъ, а голова другимъ. Въ одномъ мѣстѣ я различилъ три женскія фигуры, слѣдующія одна за другою. Онѣ сдѣланы довольно плохо и работа не превосходитъ рисунковъ, которые Китайцы дѣлаютъ въ подражаніе Европейцамъ.

Преданія о баміанскихъ идомахъ темны и не удовлетворительны. Говорятъ, что они изсѣчены во времена христіанской эры племенемъ Кафировъ (невѣрныхъ) и представляютъ царя Сильзая и его жену, управлявшихъ какою-то отдаленною страню и боготворимыхъ за ихъ величіе. Индусы увѣряютъ, что они изсѣчены Пандусами и упоминаются въ большой поэмѣ Магаба-

ратъ. Достоверно, однако же, что Индусы даже и въ настоящее время, проходя мимо ихъ, воздѣваютъ руки въ знакъ боготворенія: жертвъ имъ не приносятъ, но, кажется, это вышло изъ обыкновенія только со времени Ислама. Мнѣ говорили, что эти изображенія приписываются Будистамъ: длинныя уши большой фигуры дѣлаютъ такое предположеніе вѣроятнымъ. Я не замѣтилъ въ нихъ ничего общаго съ колоссальными изваяніями въ пещерахъ Сальсетта, близъ Бомбея; но черты головы имѣютъ сходство съ огромнымъ трехъ-главымъ идоломъ Элефанта. Въ Манкиалѣ, въ Панджабѣ, близъ знаменитаго топа я нашелъ сердаликовый антикъ, который совершенно схожъ съ этою головою; также и въ рисункахъ надъ идолами я замѣтилъ много общаго съ изображеніями, находящимися въ джеинскихъ храмахъ въ Восточной Индіи на горахъ Абу, Джирнаръ и Палитана въ Каттиварѣ. Я полагаю, что рисованныя фигуры всѣ женскія: онѣ чрезвычайно грубы, хотя краски еще свѣжи и прекрасны. Въ бамианскихъ изображеніяхъ нѣтъ ничего такого, что показывало бы успѣхъ въ

искусствахъ и чего не могли бы исполнить самые простые работники. Ихъ, конечно, нельзя отнести ко временамъ нашествія Грековъ, при томъ и историки Александра похода ничего не упоминаютъ о нихъ. Я читалъ въ исторіи Тимура, написанной его историкомъ Шерифъ-о-диномъ, описаніе обоихъ идоловъ, и баміанскихъ пещеръ: тамъ сказано, что идолы такъ высоки, что ни одинъ стрѣлокъ не можетъ добросить стрѣлы до ихъ головы; тамъ они названы Лать и Манать—два знаменитые идола, упоминаемые въ Коранѣ. Писатель также говоритъ о дорогѣ, которая изнутри холма проведена была къ ихъ вершинѣ. Въ Баміанѣ нѣтъ надписей, которыя объясняли бы ихъ исторію; а позднѣйшія сказанія совершенно невѣрны, ибо смѣшаны съ преданіями о зятѣ Магоммеда, Али, который, какъ мы достоверно знаемъ, даже никогда не бывалъ въ этой части Азіи. Нѣтъ сомнѣнія, что баміанскіе идолы суть произведенія прихоти какого нибудь важнаго лица, жившаго въ этихъ пещерами-изрытыхъ окрестностяхъ и желавшаго обезсмертить себя описанными нами колоссальными фигурами.

Послѣ одноведнаго отдыха мы выѣхали въ Сиганъ, отстоящій на 30 миль отъ Баміана, гдѣ намъ не оказали никакого особеннаго гостепріимства, такъ, что мы съ трудомъ получили, послѣ многихъ отказовъ, домъ для своего помѣщенія. На половинѣ ущелья Акробата мы вышли изъ владѣній новаго Кабула. Соображаясь съ нашими географическими картами, я думалъ увидѣть снѣжныя горы передъ собою, но онѣ оказались позади насъ: *Кохъ-и-Баба* есть большая отрасль Гинду Куша. Намъ предстояло еще перейти пространнѣй хребетъ *воръ*, который, однако же, не покрытъ снѣгомъ и не такъ высокъ, какъ оставшійся за нами. Въ тѣснинѣ Акробата насъ провожали двадцать всадниковъ, данныхъ намъ по рекомендательному письму Хаджи Хана кабульскаго правителемъ Баміана въ защиту отъ Дихъ Занджи Газаровъ, которые разбойничаютъ на этихъ дорогахъ. Конвой ѣхалъ на прекрасныхъ туркманскихъ лошадяхъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ чрезвычайно быстрыхъ борзыхъ собакъ, съ длинною курчавою шерстью по ногамъ и по всему тѣлу. Отрядъ, осмотрѣвъ ущелье, оставилъ

насъ; мы простились съ ними и вмѣстѣ съ кабульскимъ государствомъ.

Сиганъ есть владыніе Магоммеда Али Бега, Узбека, зависящаго иногда отъ Кабула, а иногда отъ Кундуза, смотря по мѣрѣ усиленія того, или другаго. Онъ удовлетворяетъ государя кабульскаго немногими лошадьми, а начальника кундузскаго немногими людьми, которыхъ захватываютъ его сыновья и военные начальники въ разболхъ, куда онъ ихъ посылаетъ нарочно съ этою цѣлью. Таково различіе во вкусахъ сѣверныхъ и южныхъ его сосѣдей. Пленниками большою частію бывають Газары, которыхъ Узбеки преслѣдуютъ за шіитское исповѣданіе съ намѣреніемъ обратить ихъ въ Сунитовъ или истинныхъ Магоммеданъ. Одинъ пріятель Али Бега укорялъ его за похищеніе людей, говоря, что онъ нарушаетъ законъ Магоммеда. Али соглашался, что это преступленіе, но сказалъ, что Богъ не воспрещалъ ему этого въ сновидѣніяхъ и что совѣсть его была покойна, по этому онъ и не находить причины оставлять столь вы-

годное ремесло. Я бы весьма желалъ прописать сны-раждающій напитокъ этому Узбеку съ такою спокойною совѣстью! Онъ ни сколько не отличается справедливостію и покровительствомъ путешественникамъ: караванъ Евреевъ проходилъ въ прошломъ году чрезъ его городъ, въ Бухару; онъ остановилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ женъ и оправдывался въ нанесеніи такого оскорбленія отвѣтомъ, что дѣти ихъ будутъ Магоммедане и тѣмъ поправлять дѣло. Такъ этотъ злодѣй похищаетъ людей и честь женъ путешественниковъ, ибо считаетъ это дѣломъ угоднымъ Богу и сообразнымъ съ своимъ вѣроисповѣданіемъ. Нашъ Кафила-баши отправился къ нему, чтобъ извѣстить о нашемъ прибытіи и, кажется, назвалъ насъ бѣдными Армянами. Онъ шутимъ съ нимъ, спрашивая, не Европейцы ли мы; но нашъ проводникъ ссымался на рекомендательное письмо изъ Кабула, въ которомъ насъ именовали иначе. Нанковая шуба и восемь, или девять рупій (это обыкновенная пощина съ каравановъ) совершенно удовлетворили этого людокрада, и мы провели ночь довольно спокойно въ хорошо-

усланномъ каврами *михманъ хана* (гостинница для прїѣзжающихъ), построенномъ на концѣ деревни; самъ начальникъ прислалъ намъ ногу оленины, ибо ему доложили о насъ, какъ о знакомыхъ съ его друзьями въ Кабуль. Тутъ мы увидѣли себя въ совершенно другой странѣ: мечети выстроены здѣсь гораздо лучше и утланнѣ цѣновками, что показываетъ большее усердіе къ религіи; намъ совѣтывали не ложиться ногами къ Меккѣ, ибо это означало бы неуваженіе къ святому мѣсту, и послѣ того я столько же внимательно употреблялъ кожнась въ домахъ, какъ и внѣ оныхъ. Также я выбриль промежутокъ между усами; ибо пренебреженіе этого обычая показало бы во мнѣ шита и слѣдовательно невѣрнаго. Всѣ эти приготовленія мы сдѣлали въ Сиганѣ, въ хорошенькомъ мѣстечкѣ съ прекрасными садами, хотя и находящемся въ долинѣ совершенно безплодной, за исключеніемъ мѣсть, непосредственно къ нему прилегающихъ. На слѣдующее утро, по выѣздѣ изъ города, ярдахъ въ пятидесяти отъ воротъ, къ намъ подошелъ какой-то человекъ и, по обык-

повенію здѣшной страны, далъ намъ *фата* или благословеніе, и мы продолжали путь, ударивъ съ важностью себя въ бороду при сдѣланной намъ чести.

Видя столь глубокое уваженіе къ законамъ Магоммеда и столь ревностное исполненіе правилъ Корана во всехъ житейскихъ дѣлахъ, я не думалъ быть въ совершенной безопасности, и не могъ довѣрять народу, съ которымъ намъ предстояли теперь близкія сношенія. Мнѣ приходили на мысль экспедиція князя Бекевича и нашихъ несчастныхъ предшественниковъ, бѣднаго Муркрофта и его товарищей. Судьба русскаго Графа в его небольшой арміи хорошо известна: имъ измѣнили, и они были варварски умерщвлены. Участь Муркрофта также печальна; ибо онъ и его товарищи погибли отъ лихорадки, но и тутъ также можно подозревать насильственную смерть. Я буду имѣть случай говорить объ этомъ послѣ. Мы, однакоже, могли ожидать лучшей участи, ибо пришли не съ тѣмъ, чтобъ искать золота и основывать поселеніе

какъ русскіе , съ нами не было богатствъ англійскаго путешественника, которымъ навѣрное можно приписать причину его смерти. Мы всегда являлись къ начальникамъ безъ подарковъ; ибо лучше хотѣли казаться бѣдными, чѣмъ рисковать своими головами, возбуждая хищность корыстолюбивыхъ людей. Можно вообразить, какъ непріятны были наши чувства въ это время; но дальнѣйшій опытъ разсѣялъ большую часть нашихъ опасеній. Мы вели себя такъ, что даже и проводникъ нашъ не имѣлъ объ насъ точнаго понятія, какъ это видно изъ слѣдующаго: вскорѣ по выѣздѣ изъ Кабула, я поднялъ на дорогѣ камень и сталъ разсматривать его формацию; Кафила-баши, наблюдавшій за мною, съ безпокойствомъ спросилъ: „Нашелъ?“—„Что?“—„Золото?“ Я отбросилъ камень и съ тѣхъ поръ сталъ осторожнѣе производить свои наблюденія.

Изъ Сигана мы совершили переходъ чрезъ ущелье Данданъ Шиканъ, или Сокрушитель Зубовъ, названный такимъ именемъ, вѣроятно, по причинѣ его крутизны и встрѣчаемыхъ въ немъ затрудненій. Здѣсь мы нашли во множествѣ

ассафетидное растеніе, которое наши спутники ѣли съ большимъ наслажденіемъ. По моему мнѣнію, это есть то самое растеніе, которое историки Александра называютъ *silphium*; ибо овцы ѣдятъ его жадно, а люди считаютъ здорovou пищу. Отсюда мы спустились въ узкую долину, гдѣ на пространствѣ нѣсколькихъ миль отъ деревни Камардъ расположенъ прекрасный абрикосовый садъ. Скалы по обѣимъ сторонамъ возвышались на три тысячи футовъ, во многихъ мѣстахъ совершенно отвѣсно; ущелье нигдѣ не было шире 300 ярдовъ. Ночью мы не могли видѣть звѣздъ: картина была страшная.

Камардъ составляетъ резиденцію другаго незначительнаго властителя, Рахмать-Уллахъ-Хана, Таджика, чрезвычайно преданнаго пьянству. За десять дней до нашего пріѣзда у него вышелъ весь запасъ вина и онъ выражалъ свои жалобы въ самыхъ смѣшныхъ восклицаніяхъ, забавлявшихъ насъ въ продолженіе всего остальнаго перехода. Онъ говорилъ, что безъ вина небо и земля для него одно и то же; вытаскивъ флягу, онъ убедительно просилъ Кафила-баши наполнить ее

въ Куллумъ и переслать при первой оказіи. Грубое лунджи и общаніе прислать вина совершенно удовлетворили этого начальника, также взимающаго пошлину съ путешественниковъ, не смотря на то, что онъ самъ платитъ дань Кундузу. Власть его ограничена, и любопытно видѣть, какимъ образомъ онъ поддерживаетъ согласіе съ своимъ повелителемъ, Магоммедъ Мурадъ Бегомъ: не будучи въ состояніи производить чапасы или набѣги подобно своему сосѣду въ Саганъ, онъ въ предыдущемъ году безъ всякихъ околичностей захватилъ жителей одной изъ своихъ деревень и отправилъ всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей какъ невольниковъ въ Кундузъ. За такую услугу и преданность, ему дано въ награду еще три добавочныя деревни. Мы наняли сына этого челоуька въ проводники себя, и хорошо сдѣлали, какъ увидимъ ниже.

Начальникъ Камарда нѣсколько лѣтъ тому назадъ имѣлъ несчастіе въ ссорѣ съ однимъ сосѣдомъ потерять жену, захваченную въ плѣнъ. Она тотчасъ же была помѣщена въ гаремъ

его противника , которому въ послѣдствіи принесла большое семейство. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обстоятельства возвратили ему жену, и вопросъ, прилично ли принять ее опять въ свое семейство , былъ отданъ на рѣшеніе магоммеданскимъ ученымъ. Такъ какъ эта женщина была увезена противъ воли, то и рѣшили , что она должна быть принята обратно со всеми своими дѣтьми. У Турковъ есть обыкновеніе жениться на непріятельскихъ женахъ , захваченныхъ во время войны ; но это варварство, кажется , совершенно противорѣчитъ чувству уваженія Магоммеданъ къ женщинамъ.

До сихъ поръ я забываю сказать , что нашего товарища, Назира, сопровождалъ человекъ, называвшійся Магоммедъ Гузейнъ; онъ путешествовалъ по Россіи и , будучи веселаго характера, часто занималъ насъ разсказами о этой странѣ и о столицѣ царей. Ему, также какъ и другимъ Азіятцамъ, встрѣчавшимся мнѣ въ послѣдствіи , казалось , что она по вѣнамъ и по своимъ женщинамъ имѣетъ большое сходство

съ раемъ ихъ благословеннаго пророка. Магомеданинъ, прїѣхавшій изъ страны, гдѣ женщины такъ строго запираются, всегда будетъ пораженъ рѣзкою переменною въ странѣ европейской и тѣмъ болѣе въ Россіи, гдѣ нравственный тонъ общества и обращеніе женщинъ всегда свободны. Воспитательные дома составляютъ предметъ ихъ непрерывныхъ замѣчаній. Всѣ посѣщавшіе Россію Магомедане, не смотря на строгое запрещеніе пророка употреблять охмѣляющіе напитки, не могли преодолѣть соблазна питейныхъ домовъ. Многіе изъ Азіятцевъ пристращаются также къ игрѣ, а торговля уже успѣла ввести карты въ священный городъ Бухару. Колода состоитъ изъ тридцати шести картъ; игры всѣ русскія. Описанія впечатлѣній, производимыхъ Европою на Азіятцевъ, по большей части сходны; но, не смотря на это, ихъ рассказы о ней всегда любопытны. Подробности и множество мелочей, ускальзающихъ отъ нашего вниманія, замѣчаются ими какъ нѣчто весьма важное. Ни что столько не удивляетъ ихъ, какъ понятіе Европейцевъ о воен-

ной дисциплинѣ и выправкѣ, которыя они почитаютъ особеннымъ родомъ пытки и деспотизма. Мнѣ непрерывно приходилось отвѣчать на вопросы о пользѣ заставлятъ человека смотрѣть въ одну сторону и начинать ходить всегда съ одной и той же ноги, а на походахъ держать руки въ извѣстномъ положеніи. Такъ какъ они никогда не слышали о Фридрихѣ Великомъ, то я и не могъ ссылаться на его великое имя для примѣра; но указывалъ имъ на Индію и Персію, какъ на явныя доказательства преимущества регулярнаго войска надъ иррегулярнымъ. Азіятцы, однако же, имѣютъ гораздо высшее понятіе о мудрости Европейцевъ, чѣмъ о ихъ мужествѣ, и, дѣйствительно, съ тѣхъ поръ, какъ тѣлесная сила утратила свое преимущество, сила ума сдѣлалась мужествомъ.

Мая 26-го мы прошли послѣднее ущелье въ Индійскомъ Кавказѣ, Кара Куталь или Черную Тѣснину; но намъ надлежало еще пройти девяносто пять миль, чтобъ миновать остальные горы. Мы спустились близъ деревни Дуабъ въ

русло рѣки и шли по немъ между страшными отвѣсными скалами, заслонявшими ночью всѣ звѣзды, за исключеніемъ мерцавшихъ въ нашемъ зенитѣ. Въ этомъ ущельѣ случилось происшествіе, хорошо -обрисовывающее нравы народа, между которымъ мы путешествовали, и угрожавшее намъ важными послѣдствіями. Нашъ Кафила-баши сообщилъ намъ, что здѣсь мы находились въ опасномъ сосѣдствѣ, и потому напялъ конвой подъ начальствомъ, какъ я уже сказала, сына Рахматъ - Уллахъ - Хана. Въ ущельѣ мы встрѣтили большой конный караванъ на пути въ Кабуль, а достигнувъ вершины, увидѣли шайку разбойниковъ, переходившихъ черезъ горы отъ Кинда Кушъ. Крикъ Алламанъ! Алламанъ! разбойники! разбойники! вскорѣ распространился между нами; мы выслали отрядъ, чтобъ встрѣтить ихъ и, если возможно, отразить. Разбойники, замѣтивъ наши приготовленія, вызвали еще нѣсколькихъ товарищей, бывшихъ въ засадѣ, и толпа ихъ увеличилась до тридцати человекъ. Каждый изъ насъ выслалъ по два всадника, которые, выѣхавъ на разстояніе нѣсколькихъ

сотенъ ярдовъ впередъ, стали въ оборонительное положеніе. Разбойники были Татаръ - газары подъ предводительствомъ извѣстнаго грабителя, Дилауара, отыскивавшаго конный караванъ. Увѣрившись, что онъ уже прошелъ и что насъ сопровождалъ сынъ начальника Камарда, они отложили намѣреніе напасть на насъ. Мы не медля продолжали путь, а разбойники заняли ущелье, какъ скоро мы оставили его: вся добыча ихъ состояла изъ двухъ навьюченныхъ верблюдовъ, отставшихъ отъ ускользнувшаго каравана. Ихъ схватили въ нашихъ глазахъ вмѣстѣ съ погонщиками, которые съ этой минуты сдѣлались невольниками на всю жизнь: если бы мы не наняли конвоя, то вѣрно подверглись бы одинаковой съ ними участи и на другой день пасли въ горахъ стада. Вся шайка имѣла хорошихъ лошадей и состояла изъ людей отчаянныхъ: раздосадованные ускользнувшею отъ нихъ добычею, они напали ночью на деревню Дуабъ, гдѣ мы вначалѣ намѣревались остановиться. Къ счастью мы прошли мили на три дальше и безопасно расположились бивуакомъ въ руслѣ рѣки.

Это обстоятельство заставило насъ задуматься, и мы благодарили Кафила-баши за его благоразуміе, избавившее насъ отъ опасности. Старикъ поглаживалъ бороду, благословлялъ счастливый день, и благодарилъ Бога за спасеніе его добраго имени и его собственной особы отъ такихъ негодяевъ.

Изъ описанія подобныхъ опасностей и трудовъ, сопровождавшихъ насъ въ пути, нельзя заключить, какъ пріятна была жизнь наша. Мы сѣли на коней на разсвѣтъ и обыкновенно ѣхали до двухъ, или трехъ часовъ по полудни безъ отдыха, ежедневно проѣзжалъ около двадцати миль. Здѣсь народъ не имѣетъ определенной мѣры разстояній: мили, кози и фарсахи имъ не извѣстны, а потому пространства обыкновенно опредѣляются днями ѣзды. Мы часто питались однимъ сухимъ хлѣбомъ и сыромъ, ѣли на лошадахъ, спали всегда на землѣ и на открытомъ воздухѣ, послѣ дневнаго переезда сидѣли поджавъ подъ себя ноги, пока ночь и сонъ не застигли насъ. Въ нашемъ караванѣ находилось все, что

только можно было желать, ибо Назиръ и его занимательный товарищъ были чрезвычайно предупредительны. Партія наша состояла изъ восьми чело­вѣкъ, въ томъ числѣ были три туземца и еще два чело­вѣка, которымъ было дано на­ставленіе показывать видъ, что они ни чего общаго съ нами не имѣютъ. Одинъ изъ нихъ, пріобрѣтя нѣкоторыя понятія объ употребленіи компаса, дѣлалъ имъ наблюденія, ибо самъ я не могъ пользоваться этимъ инструментомъ изъ опасенія быть открытымъ. Окруженные величе­ственными картинами природы и новизною пред­метовъ, мы были совершенно счастливы, тѣмъ болѣе, что по временамъ встрѣчали старыхъ знакомцевъ между растеніями. Боярышникъ и душистый шиповникъ росли по берегамъ рѣки; горькій болиголовъ или цикутъ, подымавшійся въ ихъ тѣни, казался еще прекраснѣе, ибо напоминалъ намъ родину. Общество наше было самое веселое, и я пользовался каждымъ удоб­нымъ случаемъ, чтобъ сблизиться съ путеше­ственниками, которыхъ встрѣчалъ на дорогахъ и въ мѣстахъ отдыха.

Для меня ни чего не было труднѣе, какъ привыкнуть къ разнообразію привѣтствій, употребляемыхъ Афганами: одно только время можетъ приучить къ нимъ иностранца. При входѣ въ домъ къ Афганамъ, вы должны положить руку на сердце и сказать: „миръ вамъ—*саламъ алейкумъ!*“ и вамъ отвѣтять подобнымъ же привѣтствіемъ. При уходѣ вы повторяете ту же церемонію, и вамъ отвѣчаютъ тѣмъ же. Путникъ встрѣчаетъ васъ словами: „да не почувствуешь ты усталости—*мандана баши!*“ на что вы отвѣчаете „дологой жизни тебѣ—*зинда баши!*“ При встрѣчѣ съ знакомыми привѣтствія умножаются: „въ силахъ ли ты? здоровъ ли ты? не случилось ли съ тобой несчастія?“ и проч; на все это вы должны отвѣчать: „благодарю Бога—*шукаръ!*“ При разставаньи пріятель пожелаетъ вамъ пути безъ утомленія и поручитъ васъ Богу—*ба .аманъ и Худа*. На приглашеніе къ обѣду вы должны сказать: „да населится домъ твой—*хана и ту абадъ!*“ По какому бы случаю васъ ни привѣтствовали, вамъ надобно говорить: „я не достоинъ васъ; это великодушіе съ вашей

сторонны.“ Къ каждому знатному и незнатному чтобы заслужить его доброе расположеніе, вы должны обращаться не иначе, какъ называя его *ханомъ* или *агою*. Разговаривая съ муллою или духовнымъ лицомъ, вы должны называть его *ахундъ* или учитель; а сына муллы—*ахундзада*. Секретарь называется *мирза*; впрочемъ это имя есть нарицательное для всѣхъ неопредѣленныхъ сословій, къ которымъ были причислены и мы. Короткіе знакомцы называютъ другъ друга *лалу* или братъ. Вѣроятно, Афганцы переняли всю такую церемонность отъ Персіянъ, жеманнѣе которыхъ нѣтъ народа въ Азіи. Любопытно было слышать всѣ разнообразныя привѣтствія, съ которыми туземцы обращались къ нашему Кафила-баши: каждый встрѣчавшійся, казалось, былъ знакомъ съ нимъ. Онъ же при всякой такой встрѣчѣ давалъ намъ уроки хорошаго обращенія, которые я, какъ прилежнѣйшій изъ учениковъ его, прилагалъ къ дѣлу при всякомъ удобномъ случаѣ.

Мы продолжали спускаться по Курраму и Сарбаху въ Хейбакъ по дорогѣ, ведущей между го-

рами: высокія и голыя скалы начинали постепенно смѣняться болѣе гостепримною почвою. Путь этотъ лежитъ чрезъ громадныя ущелья, скалы возвышаются на двѣ и на три тысячи футовъ и совершенно загромождаютъ тѣснину. Орлы и соколы кружились надъ нашими головами; между ними въ особенности обращалъ на себя вниманіе благородный черный орелъ. Близъ Хейбака ущелье становится столь узко, что получаетъ названіе *Дара* и *Занданъ* или долина тюрьмы; скалы въ немъ до того высоки, что солнечныя лучи не досягаютъ нѣкоторыхъ частей его даже и въ полдень. Здѣсь часто встрѣчается какое-то ядовитое растеніе, гибельное для мула и лошади: оно нѣсколько походитъ на лилію; цвѣтокъ, величиною около четырехъ дюймовъ, виситъ на стеблѣ, онъ имѣетъ длинную сѣмянную кисточку и густой малиновый цвѣтъ съ бархатнымъ отливомъ. Туземцы называютъ это растеніе *заръ бута*, для выраженія его ядовитаго качества. Я привезъ одинъ экземпляръ его въ Калкутту, гдѣ др. Уаллихъ, ученый смотритель ботаническаго сада, объяснилъ

мнѣ , что оно принадлежитъ къ роду *агит*. Здѣсь мы встрѣчали многочисленныя стада овецъ , пасущихся на благоухающихъ горныхъ пастбищахъ , и проѣзжали чрезъ обширныя фруктовые сады. Стада оленей мелькали на вершинахъ скалъ , а въ долинахъ земля была взрыта дикими кабанамъ , которые водятся тутъ во множествѣ. Чѣмъ болѣе мы приближались къ равнинамъ Татаріи , тѣмъ значительнѣе умножалось народонаселеніе. Въ Хейбакъ намъ предстояла встрѣча съ другимъ начальникомъ Узбековъ , по имени Баба Бегомъ , незначительнымъ , но безпокойнымъ тираномъ.

Въ то время , какъ мы приближались къ его городу , намъ встрѣтился одинъ путешественникъ и объявилъ , что этотъ начальникъ поджидаетъ пріѣзда какихъ-то Фиринджисовъ (Европейцовъ) ; о которыхъ ему дано было знать уже нѣсколько времени тому назадъ. Этотъ Узбекъ , сынъ Хилихъ Али Бега , нѣкогда кротко-управлявшаго Кулумомъ , не посльдовалъ примѣру отца своего : онъ , отравивъ брата на пиру , завладѣлъ имуществомъ своего

родителя, прежде нежели этотъ послѣдній умеръ, и много способствовалъ несчастіямъ Муркрофта и его товарищей и прославился своимъ нерасположеніемъ къ Европейцамъ. Его собственные подданные, выведенные изъ терпѣнія тиранствомъ, выгнали его изъ его роднаго города Кулума, и потому теперь онъ владѣетъ только небольшимъ участкомъ Хейбака. Около четырехъ часовъ по полудни мы увидѣли его замокъ и неохотно къ нему приблизились; но, распорядившись довольно ловко, мы избѣжали опасности. Небольшой караванъ нашъ остановился внѣ Хейбака; мы всѣ легли какъ усталые путешественники на землѣ, покрывшись грубыми лошадиными войлоками и оставались въ этомъ положеніи до самой ночи. Вечеромъ пріѣхалъ самъ начальникъ, чтобы повидаться съ нашимъ кабульскимъ пріателемъ, Назиромъ, которому онъ предложилъ при этомъ всѣ возможные услуги, по видимому, ни сколько не подозревая нашего присутствія, и даже хотѣлъ выслать съ нашимъ караваномъ свой собственный конвой, чтобы объѣздомъ провести мимо Кулума

прямо въ Балкъ. Я съ радостью услышалъ это предложеніе, ибо оно могло избавить насъ отъ тысячи безпокойствъ. Но наши товарищи-путешественники отклонили такую милость, и столько хвалились своимъ вліяніемъ въ Кулумъ, что мы совершенно безъ боязни приближались къ мѣсту, гдѣ совершенно попали въ засаду. Когда этотъ начальникъ Узбековъ былъ у Назира, мы въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ костра ѣли баранину и были въ такомъ близкомъ разстояніи отъ страшнаго гостя, что совершенно могли разсмотреть его и слышать разговоръ. Онъ былъ человѣкъ непріятной наружности, съ самымъ грубымъ обращеніемъ. Чѣмъ-то обязанный нашимъ спутникамъ, онъ прислалъ имъ достаточное количество мяса и пшеницы, которыми мы и наши лошади хорошо подкрѣпили себя. Такъ какъ насъ ни сколько не подозрѣвали, а ночь была свѣтлая и звѣздная, то я не упустилъ этого перваго удобнаго случая для опредѣленія широты къ сѣверу отъ Гинду Куша, подъ которею мы находились. Утромъ, до восхожденія солнца мы выѣхали и поздравляли другъ друга съ

счастливымъ избавленіемъ отъ челоуѣка , который могъ бы много повредить намъ.

Хейбакъ есть довольно богатое селеніе , защищаемое укрѣпленіемъ , выстроеннымъ изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича , на довольно-значительной возвышенности . Здѣсь въ первый разъ открывается между горами долина и представляетъ роскошные сады и богатую зелень . Климатъ также значительно измѣняется , и мы находимъ фиговое дерево , которое не растетъ ни въ Кабуль , ни въ другихъ мѣстахъ выше по горамъ . Высота Хейбака равняется 4000 футовъ . Тутъ почва земли тучная , растительность роскошная . Мы думали , что совершенно избавились отъ страшныхъ спутниковъ тропическаго климата , отъ змѣй и скорпіоновъ , но обманулись : они были еще многочисленнѣе , чѣмъ въ Индіи , и мы во множествѣ спугивали ихъ на дорогѣ . Одинъ изъ нашихъ служителей былъ укушенъ скорпіономъ , котораго мы тотчасъ же убили согласно съ народнымъ повѣрьемъ , что боль прекращается , если убить это животное .

Устройство домовъ въ Хейбакъ обратило наше вниманіе: они вмѣсто террасъ имѣютъ куполы и вмѣсто трубы отверстіе въ крышѣ, что придаетъ селенію видъ пчельника съ большими коричневными ульями. Недостатокъ лѣса заставляетъ прибѣгать къ такому роду постройки. Здѣшніе жители столько же отличались отъ другихъ племенъ, сколько и ихъ жилища: вмѣсто чалмы они носятъ остроконечныя шапки, и кого мы изъ ихъ ни встрѣчали, были ли то поселяне, или путешественники, всѣ имѣли на ногахъ длинныя сапоги. Женщины, по видимому предпочитаютъ яркіе цвѣта для своей одежды, по большей части хороши собою; мнѣ даже удалось встрѣтить нѣсколько красавицъ: тутъ магоммеданки не слишкомъ заботятся о покрывалахъ. Онѣ вообще гораздо красивѣе своихъ мужей и, не смотря на свое татарское происхожденіе, не имѣютъ ничего непріятнаго въ чертахъ лица. Тутъ только я понялъ восторженныя восточныя описанія, прославляющія прекрасныхъ дѣвъ Татаріи.

Тридцатаго Мая мы совершили послѣдній

переходъ въ горахъ и спустились въ равнины Татаріи въ Кулумъ или Ташъ Курганъ, гдѣ передъ нами къ сѣверу открылся прекрасный видъ на страну, постепенно-спускавшуюся къ Оксу. На разстояніи двухъ миль отъ города мы оставили за собой послѣднія горы, подымавшіяся смѣло и величественно; дорога выходила изъ нихъ чрезъ узкій дефилей, способствующій самой упорной защитѣ. Кулумъ имѣетъ около 10.000 жителей и составляетъ пограничный городъ Мурадъ Бега кундузскаго, сильнаго влестителя, покорившаго своей власти всю область на сѣверъ отъ Гинду Куша. Мы остановились въ одномъ изъ каравансараевъ, гдѣ присутствіе наше едва было замѣчено. Каравансарай такъ хорошо извѣстенъ, что не требуютъ подробнаго описанія. Они состоятъ изъ четверугольной площадки, обнесенной стѣнами, вдоль которыхъ расположено множество комнатъ или келій. Товары и выючныя животныя помещаются въ срединѣ. Каждая партія купцовъ получаетъ совершенно отдѣльную комнату и не имѣетъ никакихъ сношеній съ прочими: мѣшать другъ.

другу противно обычаю. Въ нихъ останавливаются одни только путешественники. Если бы общество вездѣ было въ такихъ хорошихъ отношеніяхъ, какъ въ каравансараѣ, то свѣтъ избавился бы отъ множества бѣдъ, порождаемыхъ злорѣчьемъ. Здѣсь мы отдохнули послѣ нашего труднаго и утомительнаго путешествія по горамъ и по утесамъ и совершенно подкрѣпили свои силы. Со времени выѣзда изъ Кабула мы постоянно спали въ платкѣ, ибо не имѣли никакой возможности перемѣнить его; мы останавливались въ грязи, переходили чрезъ рѣки, вязли въ снѣгахъ, а въ послѣдніе дни солнечный жаръ обливалъ насъ испариною. Но всѣ эти неудобства были ничтожны въ сравненіи съ удовольствіемъ, которое мы ощущали при видѣ новыхъ странъ и народовъ и при изученіи чуждыхъ нравовъ и обычаевъ; мы радовались, что, наблюдая предрасудки между дружными народами, мы были въ состояніи извинять чрезъ сравненіе предрасудки своей родины.

ГЛАВА VII.

ВАЖНЫЯ ЗАТРУДНЕНІЯ. — ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ КУНДУЗЪ.

Мы въехали въ Кулумъ съ намѣреніемъ отправиться на слѣдующій день въ Балкъ, вполнѣ полагаясь на увѣренія нашихъ друзей, что не встрѣтимъ въ этомъ ни какихъ затрудненій. Представьте же наше удивленіе, когда мы узнали, что таможенные офицеры отправили гонца къ начальнику Кундуза для увѣдомленія о нашемъ прибытіи и для полученія въ отношеніи къ намъ его распоряженій. Насъ между тѣмъ просили подождать отвѣта. Товарищъ нашъ, Назиръ, чрезвычайно огорчился такою остановкою; но упрекать его за то, что онъ привелъ насъ въ Кулумъ было бесполезно. Онъ увѣрялъ, что это препятствіе не могло быть продолжительно и, съ своей стороны, отправилъ письмо къ министру Кундуза, прося его, чтобъ насъ не задержива-

ли, ибо это могло повредить окончанію его дѣлъ въ Россіи. Министръ былъ другъ семейства Назира, и это обстоятельство съ перваго взгляда обѣщало вывести насъ изъ затрудненія. Я рассказывался въ томъ, что увлекся постороннимъ совѣтомъ, и въ минуту сомнѣнія готовъ былъ рѣшиться на побѣгъ въ Балкъ; но Кафила-баши и другіе увѣрили меня, что это было бы дѣло безразсудное и невозможное. Однако же первый, уступивъ, около полуночи, нашей настойчивости, согласился на бѣгство слѣдующею ночью и даже проговорилъ въ видѣ благословенія первый стихъ изъ Корана. Не условившись содержать замысль втайнѣ отъ Назира, я на слѣдующій день объявилъ ему объ этомъ, къ крайнему неудовольствію и отчаянію Кафила-баши, разразившагося страшнымъ гнѣвомъ. „Подождите,“ сказалъ намъ Назиръ, „отвѣта изъ Кундуза: онъ, безъ сомнѣнія, будетъ благопріятный.“ Мы стали ждать, и въ полночь на 1-е Іюня получили приказъ со всевозможною поспѣшностью ѣхать въ Кундузъ. Въ то же время въ отвѣтъ на письмо нашего про-

водника пришло отъ министра посланіе, въ которомъ онъ просилъ Назира не обращать вниманія на нашу остановку и продолжать свой путь въ Бухару: легче вообразить, нежели описать наше изумленіе. Теперь, было уже поздно думать о бѣгствѣ, ибо за нами присматривали въ каравансараѣ и даже не позволили отвести мою лошадь въ горедь для ковки. Планъ нашъ могъ быть исполненъ только вскорѣ послѣ нашего пріѣзда въ Кулумъ, но тогда онъ казался безразсуднымъ; теперь же намъ оставалось только немедленно и съ приличною твердостью встрѣтить затрудненіе нашего положенія. Я рѣшился тотчасъ отправиться въ Кундузъ, оставивъ въ Кулумъ доктора Жѣрарда съ другими товарищами и взявъ съ собою только двухъ служителей. Я полагалъ, что мое немедленное прибытіе устранить всѣ подозрѣнія и хотѣлъ выдать себя за Армянина, тѣмъ болѣе, что письма пешауарскаго святата могли, по моему мнѣнію, подтвердить такую новую роль мою: въ нихъ мы были названы Армянами. Спутники мои, однако же, увѣрили меня, что обла-

даніе подобными документами скорѣе поведеть къ изобличенію нашего настоящаго званія, и потому я уничтожилъ ихъ вмѣстѣ съ письмами кабульскаго государя, которыя столько же могли повредить намъ. Я истребилъ также всю свою персидскую корреспонденцію и между прочимъ изорвалъ множество писемъ Ранджитъ Синга, которыя, какъ мнѣ прежде казалось, никогда не могли имѣть въ глазахъ моихъ столь ничтожную цѣну, какую они имѣли теперь. Во время приготовленій я замѣтилъ, что Назиръ весьма неохотно смотрѣлъ на поѣздку въ Кундузъ, и, казалось, располагалъ остаться, предаваясь изступленію и отчаянію. Но стыдъ всегда служитъ сильною побудительною причиною: я просилъ его ѣхать со мною, и онъ согласился.

Чтобы удобнѣе объяснить критическое положеніе, въ которомъ мы теперь находились, я приведу краткое описаніе бѣдствій, постигнувшихъ г. Муркрофта въ этой странѣ въ 1824 году и происшедшихъ отъ того же самого лица, которое теперь требовало насъ въ Кундузъ.

Этотъ путешественникъ, перейдя чрезъ горы, явился къ правителю и, сдѣлавъ ему нѣсколь-ко подарковъ, сообразныхъ съ его саномъ, воз-вратился въ Кулумъ. Едва только онъ при-ѣхалъ туда, какъ получилъ отъ Мурады Бега письмо, въ которомъ онъ говорилъ, что нѣко-торыя изъ его солдатъ были ранены и про-силъ поспѣшно возвратиться, захвативъ съ со-бою все медицинскіе инструменты и г. Гатри, Индо-британца, сопровождавшаго Муркрофта въ качествѣ медика. Собственныя свѣдѣнія г. Мур-крофта по этой части также были хорошо из-вѣстны въ этомъ краѣ, ибо онъ имѣлъ нѣсколь-ко случаевъ выказать здѣшнимъ жителямъ свое искусство. Ни чего не подозрѣвая, онъ отпра-вился въ Кундузъ; но по приѣздѣ изшелъ, что тамъ ни сколько не нуждались въ его медицин-скомъ пособіи, и что это былъ только предлогъ, дабы завлечь его въ сѣти. Начальникъ заста-вилъ его послать за его товарищами и за ба-гажемъ: онъ исполнилъ это требованіе и только послѣ цѣлаго мѣсяца задержки успѣлъ освобо-диться, согласившись на самыя непомярныя тре-

бованія Мурадъ Бега : прежде, нежели дозволено было г. Муркрофту выѣхать, онъ отнялъ у него 23.000 рупій деньгами. Этимъ, однако же, не окончились вымогательства : алчность кундузскаго начальника не знала предѣла. Говорятъ, что онъ отчасти опасался Муркрофта и подозрѣвалъ въ немъ какіе-то сокровенные планы, ибо этотъ послѣдній имѣлъ при себѣ много оружія и двѣ небольшія пушки для своей защиты. Когда путешественники уже готовы были выѣхать изъ Кулума въ Бухару, ихъ наканунѣ отъѣзда окружили 400 всадниковъ и снова отвели въ Кундузъ, гдѣ отъ нихъ уже не скрывали, что начальникъ рѣшилъ отнять все ихъ имущество, а ихъ самихъ предать смерти. Тогда Муркрофтъ рѣшился на единственное средство, которое могло помочь ему и его товарищамъ. Ночью, въ одеждѣ туземца, онъ бѣжалъ и послѣ невѣроятнаго перехода достигъ Талигана, города, лежащаго внѣ владѣній кундузскихъ, гдѣ жилъ одинъ святой, извѣстный своимъ вліяніемъ на Мурадъ Бега. Онъ бросился къ ногамъ этого человѣка, схватилъ полу его

платя и умолялъ о покровительствѣ. „Встань,“ сказалъ ему святой, „я спасу тебя, и ты ничего не бойся.“ Этотъ добрый челоуѣкъ тотчасъ же отправилъ въ Кундузь гонца, чрезъ котораго приказывалъ Мурадъ Бегу немедленно явиться; начальникъ пріѣхалъ самъ съ отвѣтомъ и ему подъ опасеніемъ смерти запрещено было вредить этому путешественнику. Мурадъ Бегъ повиновался, а благодѣтельный челоуѣкъ не хотѣлъ принять даже и малѣйшей награды за свои услуги. Послѣ бѣгства Муркрофта, Узбеки отвели его товарищей, Георга Требека и другихъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ въ Кундузь. Опасенія ихъ кончились только по пріѣздѣ въ этотъ городъ, гдѣ они узнали объ успѣхѣ Муркрофта, о его спасеніи, равно и объ ихъ собственной безопасности. Послѣ всѣхъ такихъ бѣдствій Муркрофтъ продолжалъ путь въ Бухару; но къ несчастію умеръ въ слѣдующемъ году на обратномъ пути своемъ въ Андхой, на разстояніи восьмидесяти миль отъ Балка. Товарищъ его, Требекъ, не могъ пробраться въ Мазаръ, лежащій въ сосѣдствѣ этого города, ибо начальникъ Куи-

дуза снова рѣшился захватить его со всѣми сопутниками на возвратномъ пути ихъ и лишить жизни; а имъ не было другой безопасной дороги въ Кабуль, кромѣ той, которая лежитъ черезъ Кулумъ, гдѣ они встрѣтили столько затрудненій. Въ тревожныхъ ожиданіяхъ Требекъ прожилъ въ Балкѣ около четырехъ, или пяти мѣсяцевъ и наконецъ умеръ отъ лихорадки, мучившей его въ продолженіе всего это времени. Не задолго до этого Индо-британецъ, г. Гатри, также былъ похищенъ тою же самою болѣзнію, жертвою которой пали и многіе другіе ихъ товарищи. Таковъ былъ конецъ этой несчастной экспедиціи въ Татарію.

Вечеромъ, 21-го Іюня, я отправился въ Кундузь, лежащій выше по долинь Окса, убѣдивъ предварительно таможеннаго пристава, родомъ Индуса, ѣхать со мною. Я выѣхалъ изъ Кулума при обстоятельствахъ, ни сколько для меня неблагоприятныхъ, ибо узналъ, что этотъ Индусъ успѣлъ сообщить своему начальству весьма многое о нашемъ состояніи и о дѣйствіяхъ на-

шихъ со времени отъезда изъ Индустана. Донесеніе его было въ самомъ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ: онъ представилъ насъ людямъ ми до того богатыми, что наши векселя оказывали большое вліяніе на денежныя рынки. Когда мы выѣхали изъ города, къ нашему каравану присоединились еще восемь, или десять бадакшанскихъ и яркандскихъ чайныхъ торговцевъ, которые, распродавъ свой товаръ, возвращались на родину. Въ числѣ нашей партіи находились Назиръ, Кафила-баши и еще Индусъ, таможенный приставъ, по имени Чамандасъ, ѣхавшій безъ прислуги. Я хотя и зналъ, что этому послѣднему хорошо были извѣстны всѣ подробности нашего путешествія, однако же не сталъ объяснять ему истины и выводить наружу того, въ чемъ онъ еще не убѣдился навѣрное: я смѣло выдавалъ себя за индустанскаго Армянина. Имя Англичанина, подъ которымъ мы свободно проходили во всѣхъ другихъ странахъ, было бѣ здѣсь тѣмъ опаснѣе, что не только соединяло въ себѣ понятіе объ огромномъ богатствѣ, но еще рождало убѣжденіе въ томъ, что

мы могли превращать простые металлы въ золото. Впрочемъ я скоро увидѣлъ, что нашъ Индусъ былъ человѣкъ добрый: снисходительный осмотръ нашего багажа въ каравансараѣ, во время нашего прїѣзда въ Кулумъ, произвелъ на меня благопрїятное впечатлѣніе; къ тому же онъ самъ увѣрялъ Назира, что ни сколько не былъ причиною того, что насъ теперь везли въ Кундузь, и что онъ по званію таможеннаго офицера былъ обязанъ донести о нашемъ прибытіи. Въ самомъ непродолжительномъ времени я увидѣлъ, что на подобнаго человѣка можно было дѣйствовать убѣжденіемъ и золотомъ: самая поѣздка его съ нами рождала мысль, что золото было его идоломъ. Скоро я завязалъ съ нимъ разговоръ, и узнавъ, что онъ родомъ изъ Мултана и уже съ давнихъ поръ живетъ въ здѣшнихъ краяхъ, началъ распространяться объ Индіи, о ея жителяхъ и обычаяхъ; я говорилъ ему, что бывалъ въ его родномъ городѣ и со всевозможнымъ краснорѣчіемъ выхвалялъ его жителей и все, что только относилось до него. Состояніе мое было самое тре-

возное; но по разнообразію предметовъ составлявшихъ нашу бесѣду трудно было замѣтить это. Я пересчиталъ ему всѣхъ индусскихъ боговъ, сохранившихся въ моей памяти, и этимъ успѣлъ произвести почти безумный восторгъ въ моемъ товарищѣ, который съ давняго времени не слышалъ ихъ именъ иначе, какъ произносимыхъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ. Я видѣлъ, что это была самая удобная минута для исполненія моего плана, тѣмъ болѣе, что никто не могъ обратить на насъ вниманія, ибо мы говорили по-индуски а это было непонятно для бѣльшей части нашихъ спутниковъ. Я въ самыхъ ясныхъ словахъ представилъ Индусу, что, попавъ въ руки такого чловѣка, каковъ начальникъ Кундуза, мы находились въ самомъ бѣдственномъ и безнадежномъ положеніи, и спрашивалъ его: не уже ли нашъ багажъ ни сколько не свидѣтельствуеть о нашей бѣдности? Потомъ сказалъ ему, что будучи жителемъ Индіи, я самъ могъ быть ему когда нибудь полезнымъ въ ней и въ заключеніе, предложивъ денежную награду, заклиналъ его всѣмъ индусскимъ Пантеономъ помочь

намъ въ затруднительномъ нашемъ положеніи. Въ двѣнадцати миляхъ отъ Кулума мы остановились кормить лошадей въ деревнѣ Ангаракъ; тутъ мнѣ пришло на мысль, что удобнѣе этого случая для побѣга мнѣ не могло представиться: при насъ не было ни конвоя, ни стражи, а добрый Индусъ былъ слишкомъ далеко отъ Кулума, чтобъ поднять своевременную тревогу; между тѣмъ какъ мы при самой умѣренной вѣдѣ могли прежде утра быть внѣ границъ Мурадъ Бега и даже въ самомъ Балкѣ. Но такой планъ при всей его удобоисполнимости не могъ быть приведенъ въ дѣйствіе, ибо докторъ Жерардъ оставался въ Кулумѣ и, слѣдовательно, жизнь его подвергалась еще бѣльшей опасности. Мнѣ оставалось только сожалѣть, что этотъ планъ не представился намъ ранѣе. Поведеніе Индуса, однако же, въ нѣкоторой степени примиряло меня съ моимъ положеніемъ: выступивъ около полуночи въ дорогу, я возобновилъ съ нимъ разговоръ свой и убѣдился, прежде нежели взошло солнце, что если мои частныя убѣжденія не могли тронуть сердца этого человѣка, то золо-

то успѣло бы въ томъ совершенно: тутъ я почти былъ увѣренъ, что мы восторжествуемъ надъ нашими несчастіями. Скоро, однако же, встрѣтилось новое затрудненіе.

Въ продолженіе ночи мы переѣхали два невысокія ущелья, слѣдуя самою скучною дорогою между горами: тутъ на пространствѣ сорока пяти миль нѣтъ ни одного дерева и ни одной капли свѣжей воды. Проезжая этою печальною пустынею, мы замѣтили нѣсколько горящихъ точекъ, которыя, казалось, переходили намъ дорогу, и не могли объяснить ихъ иначе какъ присутствіемъ разбойниковъ, которыхъ такъ много въ этомъ краѣ: мы приняли эти точки за зажженные фитили. Одинъ изъ нашихъ чайныхъ торговцевъ немедленно принялся рвать тряпки, натирать ихъ порохомъ и потомъ зажигать, чтобъ этимъ показать, что и мы немалочисленны. Судя по числу огней, являвшихся на противной сторонѣ, можно было думать, что и тамъ дѣлали то же самое: какъ забавны показались бы всѣ эти продѣлки, если бы мы на-

вѣрное могли знать, что и противники наши также жгли тряпки. При насъ было только одно ружье и пять или шесть сабель, что доставило бы намъ плохую защиту; но воинскія способности можно выказать точно также при управленіи небольшимвъ отрядомъ, какъ и при управленіи цѣлою арміею: нашъ чайный торговецъ, по видимому, привыкшій къ подобнымъ дѣламъ, приказалъ намъ сойти съ лошадей и готовиться къ нападенію. Я не скрою, что въ это мгновеніе грудь моя была полна тревоги и гнѣва, въ слѣдствіе столь многихъ неудачъ, непрерывно-смѣнявшихся одна за другою. Мало по малу мы приблизились на такое разстояніе къ противникамъ, что могли слышать ихъ голоса; тутъ одинъ горячій юноша изъ числа нашихъ товарищей окликнулъ ихъ на персидскомъ языкѣ, но другой пожилой человекъ остановилъ его и заговорилъ по-турецки. Это сдѣлано было потому, что персидскій языкъ есть языкъ торговый и, слѣдовательно, тотчасъ же могъ изобличить наше званіе, а для насъ было гораздо выгоднѣе по крайней мѣрѣ казаться солдатами. Противная

партія не отвѣчала, но поспѣшно обошла насъ и направилась въ Кулумъ. Думаю, что и та и другая сторона были одинаково довольны, что избавились другъ отъ друга. Въ этомъ последнемъ городѣ мы узнали, что маневрировали противъ мирныхъ путешественниковъ, которые, вѣроятно, были столько же рады, что избѣжали насъ. Въ одиннадцатъ часовъ утра мы достигли первыхъ обработанныхъ полей и остановились въ двѣнадцати миляхъ отъ Кундуза въ абрикосовому саду, гдѣ и отдохнули нѣсколько часовъ послѣ своего ночнаго путешествія. Я расположился возлѣ живаго изгорода изъ душистаго жимолостнаго кустарника, который всегда восхищалъ меня и котораго до этого времени мнѣ не случалось видѣть на Востокѣ. Къ ночи мы прибыли въ Кундузъ, совершивъ переездъ болѣе чѣмъ въ семьдесятъ миль.

Насъ привезли въ домъ Атмарама, министра, или такъ называемаго Деуана Бига, Мурадъ Бега, и мы нѣсколько времени дожидались его у входа. Наконецъ онъ вышелъ, и я долго буду помнить

тотъ нѣмой взглядъ, которымъ онъ обмѣнился съ Назиромъ. Приѣмъ предвѣщалъ намъ хорошее: министръ проводилъ насъ въ домъ, гдѣ обыкновенно помѣщались его гости, и приказалъ приготовить для насъ прекрасныя постели; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ даже и не намекалъ на то, что столъ близко касалось насъ самихъ, и ушелъ, оставивъ однихъ размышлять о своемъ положеніи. Тутъ я принялся за свою роль: началъ разыгрывать самого бѣднаго путешественника, принялъ на себя самый униженный видъ, жался по угламъ, ѣлъ со служителями и обращался къ Назиру, какъ къ своему господину, со всевозможнымъ почтеніемъ; короче сказать, не упускалъ случая показывать все свое ничтожество. Благоразуміе, однако же, требовало, что бы всѣ наши отвѣты были сходны между собою, и потому ночью, прежде нежели мы легли спать, я условился выдавать себя за Армянина изъ Лакноу, по имени Сикандра Алаверди, мастерствомъ часовщика, и показать, что я, пріѣхавъ въ Кабуль, получилъ изъ Бухары отъ своихъ родственниковъ извѣстіе, заставившее меня пред-

принять это путешествіе, и что я рѣшился на оное тѣмъ охотнѣе, что надѣялся на покровительство Назира, ибо, живя въ Кабуль, находился нѣкоторымъ образомъ въ числѣ служителей его брата. Вмѣстѣ съ этимъ мы условились не упоминать о томъ, что я буду сопровождать Назира въ Россію, ибо это могло подать поводъ къ непріятнымъ распрсамъ. Что касается до доктора Жерарда, то рѣшено было сказать, что онъ мой родственникъ, оставшійся въ Кулумъ за болѣзнію. Всѣ мои товарищи единодушно согласились, что для меня было гораздо благодарнѣе называться Армяниномъ и совершенно отбросить имя Европейца. Нашъ Кафилабаши много смѣялся моею выдумкѣ и спрашивалъ, будетъ ли конецъ такой лжи. Я отвѣчалъ ему словами Сади:

„Дарогъ и мазахать амезъ
Бихъ азъ расти ба фитна ажесъ“.

„Ложь, сохраняющая миръ, лучше правды, производящей войну.“ Онъ преклонилъ голову въ одобреніе мудраго правоученія, и въ послѣдствіи болѣе всѣхъ старался поддерживать мой

условленный рассказ и все вымышленныя обстоятельства. Мы согласились прежде всего рассказать эту сказку Индусу, таможенному представу, и потомъ уже передавать другимъ; а Назиръ общалъ на другое же утро сообщить ес министру.

Четвертое Юня прошло безъ всякаго рѣшенія нашего дѣла. Назиръ въ это время выказалъ всю слабость и невыносимое безразсудство своего характера. Въ этотъ день онъ иногда рассказывалъ почти со слезами всемъ приходившимъ печальныя подробности нашихъ несчастій, а иногда съ гордостью и самодовольствіемъ важнаго челоуѣка сидѣлъ вытянувшись и не трогаясь съ мѣста. Послѣ обѣда онъ гулялъ въ саду и возвращался оттуда не какъ пльничкъ, а какъ важный сановникъ въ сопровожденіи служителей, и во все продолженіе дня не рѣшился явиться къ министру, а потому и дѣло наше оставалось точно въ такомъ же положеніи, въ какомъ оно было наканунѣ. Въ сумеркахъ

я улучилъ минуту и представилъ этому пріятелю своему все неприличіе его поведенія. Этимъ вначалѣ я возбудилъ въ немъ сильное негодованіе, которое, однако же, меня не остановило: я началъ объяснять ему, что его тоска и гордость были совершенно неумѣстны и показывали только его недалъновидность, что съ каждымъ часомъ увеличивалась опасность нашего положенія и что если бы онъ дѣйствовалъ такъ, какъ слѣдовало, то безъ дальнѣйшаго отлагательства старался бы искать случая увидѣться съ министромъ и убѣдить, или обмануть его.

„Находясь въ домѣ Индуса,“ говорилъ я, „ты можешь вытребовать отъ него все, что хочешь, лишь только посади себя на *дхарну*, т. е. не принимай отъ него нищи до тѣхъ поръ, пока не получишь всего, что требуешь. Ты же дѣйствуешь совершенно на оборотъ, и только прогуливаешься по саду и наслаждаешься вкусными блюдами, которыя онъ присылаетъ намъ.“

Важность, съ которою я говорилъ ему, произвела хорошее дѣйствіе. Назиръ послалъ сказать министру, что ежели онъ другъ его семейства,

то не станетъ долѣе задерживать его такимъ образомъ, ибо онъ пришелъ къ нему не какъ собака, чтобы ѣсть его хлѣбъ, а какъ знакомый, испрашивающій услуги. Я обрадовался такой рѣшительности Назира и весело заговорилъ изъ угла, въ которомъ помѣстился; но пріятель мой остановилъ меня и напомнилъ, что теперь мнѣ нужно вести себя еще съ болѣею осторожностью и сидѣть еще скромнѣе. Я замолчалъ, ибо вполне заслуживалъ упрека, и остался доволенъ тѣмъ, что дѣло такимъ образомъ уладилось. Министръ, получивъ посланіе, попросилъ къ себѣ Назира; онъ имѣлъ съ нимъ долгій разговоръ, собственно касавшійся до насъ, и, сколько я могъ заключить, остался въ совершенномъ невѣдѣніи на счетъ истины нашего званія. Ясно, однако же, было, что мы успѣли пріобрѣсть его доброе расположеніе, ибо намъ было назначено выѣхать на слѣдующій день рано утромъ въ лѣтнюю резиденцію правителя, гдѣ хотѣли представить насъ. Назиру, какъ чловѣку значительному, посовѣтывали не являться съ пустыми руками къ начальнику Кундуза; даже

самъ министръ, съ чрезвычайною благосклонностью возвративъ ему шаль, которую получилъ отъ него въ подарокъ въ день нашего пріѣзда, также совѣтовалъ поднести ее вѣсть съ другою.

Въ продолженіе этого дня я видѣлъ значительное число Узбековъ, ибо многіе представлялись къ этому вельможъ, а нѣкоторые въ это время подходили и ко мнѣ. Въ этой странѣ ничего не дѣлаютъ безъ чаю: его пьютъ во всякое время дня, и это придаетъ какой-то общій дружескій характеръ бесѣдамъ. Узбеки пьютъ чай съ солью вмѣсто сахару, очень часто примѣшиваютъ къ нему сало, и тогда онъ называется *кеймакъ чайъ*. Когда присутствующіе выпьютъ по одной или по двѣ большихъ чашки, имъ подають по маленькій, приготовленной обыкновеннымъ образомъ, но безъ молока. Оставшіеся въ чашкѣ листья раздають потомъ гостямъ и они жуютъ ихъ какъ табакъ. Нѣкоторые изъ посѣтителей любопытноствовали знать дѣла Кабула; говорили о Ранджитъ Сингъ, а иные объ

Англичанажъ въ Индіи. Большая часть изъ этихъ послѣднихъ были чайные купцы, производящіе торгъ между Кундузомъ и Китаемъ. Они много говорили о своихъ сношеніяхъ съ народомъ этой необыкновенной страны и восхваляли его честность и безпристрастіе, которыя характеризуютъ его торговлю. Купцы эти были почти все уроженцы Бадакшана—страны, близъ границъ которой мы теперь находились. Отъ нихъ я слышалъ множество различныхъ подробностей о мнимыхъ потомкахъ Александра Великаго, которые, какъ говорятъ, и доселѣ существуютъ въ окрестностяхъ, въ долину Окса, также какъ и при истокахъ Инда. Предметъ этотъ сильно привлекъ мое вниманіе, и одинъ чайный купецъ изъ нашего небольшого каравана много позабавилъ меня на пути изъ Кулума, рассказомъ о своемъ происхожденіи отъ этихъ Македонянъ. Онъ былъ изъ духовнаго званія и считалъ Александра Великаго пророкомъ, что въ его глазахъ совершенно объясняло непрерывное потомство Грековъ, ибо, по его мнѣнію, никакое человеческое существо не могло повредить столь-

святому племени. Въ Кундузъ я слышалъ кой-какія преданія, которыя съ подробностью приведены мною въ слѣдующемъ томѣ.

Пятаго числа рано утромъ мы отправились къ Мурадъ Бегу, и нашли его въ деревнѣ Хана-абадъ, отстоящей на 25 миль отъ Кундуза. Деревня эта построена на холмахъ, возвышающихся надъ болотами, оживленными ручьемъ, быстро-текущимъ мимо укрѣпленія и осѣненнымъ ярко-зелеными деревьями. Перешедши ручей по мосту, мы пришли къ самымъ воротамъ небольшого, но хорошо-укрѣпленнаго жилища, въ которомъ въ это время начальникъ держалъ свой дворъ. Около 500 осѣдланыхъ лошадей стояло близъ этой крѣпости; всадники входили и выходили изъ нее въ большомъ числѣ. Всѣ они были въ сапогахъ и имѣли за поясомъ, вмѣсто сабель, длинные ножи, изъ коихъ многіе были богато оправлены въ золото. Мы сѣли возлѣ стѣны, и имѣли достаточно времени рассмотреть представлявшееся намъ зрѣлище и налюбоваться воинственнымъ видомъ и рос-

кошью этихъ храбрыхъ Узбековъ. Никто изъ начальниковъ не имѣлъ болѣе одного служителя: все было чрезвычайно просто. Индусъ, находившійся въ службѣ министра, пошелъ доложить о нашемъ прибытіи; а я въ это время повторилъ про себя свою сказку и надѣлъ сапоги какъ для того, чтобы походить на другихъ, такъ и для того, чтобы скрыть свои невыносимобѣлыя ноги. Лице мое давно загорѣло и приняло азійскій цвѣтъ, и я не боялся, чтобъ меня по немъ узнали. Таможенный приставъ былъ съ нами, и я заранѣе озаботился внушить ему всѣ вышеупомянутыя подробности. Прождавъ около часу, мы были позваны и, прошедши первыя ворота, вступили во дворъ, въ которомъ помѣщались слуги и лошади начальника. Когда мы вошли во внутренніе покои, семь, или восемь эссауловъ или придверниковъ возвѣстили о нашемъ прибытіи. Назиръ пошелъ впередъ; приближившись къ начальнику, онъ поцѣловалъ его руку и поднесъ свои шали. Таможенный Индусъ слѣдовалъ за нимъ съ двумя головами русскаго рафинированнаго сахару. Я, по своему

низкому званію, заключалъ шествіе и , прибли-
жившись съ громкимъ *саламъ алейкумъ* , поло-
жилъ свои руки между руками начальника и ,
по обычаю поцѣловавъ ихъ, воскликнулъ *так-
сиръ*, что собственно означаетъ обиду или пре-
ступленіе и составляетъ обычную форму для
изъявленія униженія. Мурадъ Бегъ проворчалъ
одобреніе и, покачивувшись на сторону, сказалъ:
„Ай, ай, онъ понимаетъ саламъ.“ Эссауль далъ мнѣ
знакъ удалиться и я, сложивъ руки на-крестъ,
всталъ въ портикъ между самыми послѣдними
служителями. Мурадъ Бегъ , въ противность
всѣмъ приличіямъ Востока , протянувъ обутия
въ огромные сапоги ноги, сидѣлъ у дверей на
тигровой шкурѣ: Узбеки , уклоняясь въ этомъ
отношеніи отъ азіятскихъ обычаевъ, обыкновен-
но садятся въ этомъ мѣстѣ; посѣтители же про-
ходятъ во внутренность комнаты. Мурадъ Бегъ
высокъ ростомъ; имѣетъ суровыя татарскія чер-
ты лица; глаза его малы до уродливости; лобъ
широкій и нахмуренный; онъ не носитъ боро-
ды, которая такъ много придаетъ красоты бѣль-
шей части азіятскихъ племенъ. Онъ говорилъ

съ Назиромъ о Кабуль, потомъ сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о его собственныхъ дѣлахъ, при чемъ было упомянуто о нашей бѣдности и нашемъ званіи. За Назиромъ послѣдовалъ таможенный приставъ съ докладомъ обо мнѣ и сказалъ: „Твой рабъ осматривалъ имущество двухъ Армянъ, и нашелъ, что они бѣдные путешественники. Всѣ говорятъ, что они Европейцы (Фирпиджисы), и я навлекъ бы на себя гнѣвъ твой, если бы дозволилъ имъ уѣхать; а потому представилъ одного изъ нихъ сюда, чтобы узнать твои приказанія.“ — Минута была критическая; начальникъ, взглянувъ на меня, сказалъ ему по-турецки: „Увѣренъ ли ты, что онъ Армянинъ?“ — Вторичное подтвержденіе, по видимому, убѣдило его: онъ далъ приказаніе безопасно проводить насъ до границы. Я стоялъ возлѣ его секретаря и видѣлъ, какъ этотъ послѣдній приготавливалъ бумагу и прикладывалъ къ ней печати, и едва не кинулся обнимать его, когда онъ объявилъ, что она готова.

Послѣ этого намъ оставалось только удалиться со всею осторожностью и сколь возможно

менѣ изъяслять радости, которую мы чувствовали. Мурадъ Бегъ не удостоилъ меня ни однимъ вопросомъ : моя изношенная и истертая одежда ни сколько не могла объяснить ему моего состоянія. За то приближенные къ нему много спрашивали меня; а сынъ его, съ зловѣщимъ именемъ Аталика, даже присылалъ за мною, чтобы узнать о религіи Армянъ, о томъ, читаютъ ли они молитвы, вѣруютъ ли въ Магоммеда и ѣдятъ ли вмѣстѣ съ правовѣрными. Я отвѣчалъ, что мы *люди книги* и имѣемъ своихъ пророковъ ; а на щекотливый вопросъ — вѣруемъ ли въ Магоммеда, сказалъ, что Новый Заветъ написанъ прежде, нежели этотъ человекъ (миръ праху его!) явился на землѣ. Выслушавъ это, молодой человекъ обратился къ присутствовавшему Индусамъ и сказалъ: „этотъ бѣднякъ гораздо лучше васъ.“ Слова эти ободрили меня: я рассказалъ князю свои похождения уже съ бѣльшимъ довѣріемъ и поцѣловалъ у него руку за честь, которую онъ мнѣ сдѣлалъ своимъ вниманіемъ.

Выбравшись изъ укрѣпленія, мы ни сколько

не медля перешли мостъ. Жаръ былъ ужасный, и потому мы принуждены были остановиться въ одномъ саду на нѣсколько часовъ для отдыха. Индусы принесли намъ пищи; продолжая разыгрывать роль бѣдняка, я довольствовался остаткомъ Назирова пилава и съѣлъ его съ большимъ удовольствіемъ. Послѣ обѣда мы возвратились въ Кундузъ. На дорогѣ добрый таможенный приставъ говорилъ мнѣ, что Узбеки народъ дурной, незаслуживающій правды. „Кто бы ты ни былъ“, прибавилъ онъ въ заключеніе, „теперь ты въ безопасности.“ Я искренно радовался успѣху нашей поѣздки; если бы Мурадъ Бегъ хотя сколько нибудь подозрѣвалъ наше настоящее званіе, то отнялъ бы у насъ деньги, и мы испытали бы всевозможныя безпокойства, а, можетъ статься, были бы задержаны на нѣсколько мѣсяцевъ въ нездоровомъ климатѣ Кундуза. Во всякомъ случаѣ мы должны были отказаться отъ надежды продолжать путешествіе: притворная бѣдность мало помогла бы намъ, потому что нашлись люди, которые вполне разгадывали насъ. Но все это дѣло пока-

на это, здѣсь растутъ пшеница, ячмень и рисъ въ мѣстахъ незатопляемыхъ водою. Жаръ, какъ говорятъ, невъносимъ; однако же, снѣгъ лежитъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ въ году. Когда-то Кундузь былъ довольно-значительнымъ городомъ; въ настоящее же время число жителей его не превышаетъ 1500 душъ, ибо никто изъ имѣющихъ средства жить въ другомъ мѣстѣ не избираетъ его своимъ мѣстопривлеченіемъ, хотя онъ есть единственный базарный городъ въ этомъ краѣ. Мурадъ Бегъ бываетъ въ немъ только зимою. Городъ имѣетъ довольно сильное укрѣпленіе, окруженное рвомъ; стѣны построены изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ; но жаръ такъ силенъ, что они быстро выкрашиваются, и потому крѣпость требуетъ непрерывной поправки. Высокія, покрытая снѣгомъ, горы Гинду Куша проходятъ ввиду Кундуза, въ южномъ отъ него направленіи; соседніе же холмы, покрытые травою и цвѣтами, не высоки и совершенно лишены деревьевъ и кустарниковъ. Нѣсколько выше по этой долинѣ, климатъ гораздо здоровѣе и туземцы

съ восторгомъ говорятъ о рощахъ, источникахъ, плодахъ и цвѣтахъ Бадахшана. Правитель Кундуза, Магоммедъ Мурадъ Бегъ, Узбекъ изъ племени Кадгана, только съ недавняго времени вошелъ въ силу и теперь расширяетъ свои владѣнія по всѣмъ направленіямъ: долина Окса принадлежитъ ему. Еще недавно онъ владѣлъ Балкомъ и потому на своихъ монетахъ и до сихъ поръ чеканить *матеръ городовъ* — общепринятое имя этой столицы. Онъ совершенно независимъ и привитъ всѣми странами, съ сѣвера прилегающими къ Гинду Кушу.

Мы не могли выѣхать изъ Кундуза безъ особеннаго разрѣшенія министра, чего и ждали до трехъ часовъ по полудни. Наконецъ онъ прислалъ *хиллатъ* или почетное платье Назиру и одѣяніе со всѣми принадлежностями мнѣ и Кафила-баши: мы не могли оставить домъ столь важной особы, безъ какого либо почетнаго знака его милости. Назиръ, оправившись отъ страха, рѣшился воспользоваться сколько можно болѣе щедростью министра, и немедленно открылъ съ нимъ пере-

говоры черезъ одного изъ своихъ слугъ, чтобъ выхлопотать самый значительный подарокъ, какой только было возможно. Я ужаснулся такому поступку, потому что онъ могъ вовлечь насъ въ новыя опасности; но этотъ презрѣнный человѣкъ достигъ своего желанія: мы всѣ были снабжены почетными одеждами, какъ я уже сказалъ прежде, а онъ, сверхъ того, получилъ еще лошадь. Но должно замѣтить, что министръ, имѣвшій намѣреніе ѣхать въ Кабуль, рассчитывалъ на услуги со стороны семейства Назира. Что касается до меня, то я былъ только зрителемъ этихъ происшествій и забавлялся, наблюдая характеры, которые выказывались при этомъ.

Одѣвшись въ свое новое платье, мы сѣли на лошадей въ три часа по полудни, и въ одинъ переѣздъ достигли на слѣдующее утро Кулума, проѣхавъ пространство болѣе 70 миль, не слезая съ сѣдла: такая ѣзда, продолжавшаяся болѣе двадцати часовъ, чрезвычайно утомила насъ. Любопытно замѣтить, что въ этой поѣздкѣ мнѣ

служила та самая лошадь, которую я получилъ отъ брата пешауарскаго правителя. Читатель, вѣроятно, помнитъ, какъ онъ принудилъ меня взять ее, говоря, что она можетъ пригодиться мнѣ у Узбековъ. Лошадь точно такой же породы послужила и Муркрофту во время его бѣгства въ Талиганъ. Какое странное стеченіе обстоятельствъ и какой странный подарокъ!

Радостна была встрѣча моя съ др. Жѣрардомъ и со всеми нашими товарищами. Разсказавъ имъ подробно о нашихъ приключеніяхъ въ Кундузъ, я хотѣлъ уснуть; но усталость мнѣ этого не дозволила. Я увидѣлъ, что при известной степени изнеможенія не лзя вкусить сна, и что онъ приходитъ освѣжить и оживить члены только тогда, когда тѣло хорошо вытерто и успокоено, а желудокъ подкрѣпленъ чаемъ, самымъ спасительнымъ напиткомъ для утомленнаго путешественника. У Узбековъ мы часто питались только однимъ чаемъ.

Кулумъ гораздо лучше Кундуза; въ немъ много хорошихъ садовъ и прекрасныхъ фрук-

товъ. Абрикосы, вишни и туовыя ягоды были здѣсь уже совершенно зрѣлы. Но безразсудно было бы подвергаться новой опасности, оставаясь въ этомъ городѣ: мы имѣли передъ глазами примѣръ несчастнаго Муркроста, и потому рѣшились выѣхать изъ него на другой день утромъ. Мы предъявили Вали или начальнику города приказаль Мурадъ Бега, и онъ назначилъ намъ въ сопровожденіе предписанный въ немъ конвой. Ночью я препроводилъ часть своихъ дукатовъ таможенному приставу за оказанныя имъ услуги, и чтобъ скрыть это передалъ ихъ чрезъ Назира. Но представте мое удивленіе, когда я на другое утро узналъ, что изъ двадцати золотыхъ онъ присвоилъ себѣ пятнадцать, а Индусу далъ только пять. Объясняться было не время: я, удостоверившись въ справедливости этой утайки, заплатилъ Чамандасу въ другой разъ и уѣхалъ изъ Кулума въ сопровожденіи нашего корыстолюбиваго пріятеля, почтеннаго *Афгана*, Назира, часто останавливавшаго насъ въ дорогѣ для того, чтобы читать Коранъ, экземпляръ котораго онъ всегда возилъ

съ собою въ мѣшкѣ , привѣшенномъ къ сѣдлу и неизмѣнно вынималъ въ установленные часы молитвы. Др. Жерардъ и я поѣхали впередъ , оставивъ нашу прислугу при караванѣ , который слѣдовалъ за нами , и въ восемь часовъ по-полудни прибыли въ Мазаръ , отстоящій въ 30 м. отъ Кулума. Страна между этими двумя городами скучна и бесплодна. Дорога идетъ чрезъ невысокое ущелье , называемое Абду и служащее притономъ разбойниковъ , стекающихся сюда со всѣхъ сторонъ , ибо всѣ сосѣдственные начальники занимаются грабежемъ. Конвой Узбековъ , осмотрѣвъ ущелье , изъ котораго виднѣнъ Мазаръ , отстоящій отсюда на 15 миль , оставилъ насъ. Эти люди говорили о добычѣ , которую они сами отбили за нѣсколько дней передъ тѣмъ , а потому я и не сожалѣлъ объ ихъ отъѣздѣ. Развалины водопроводовъ и домовъ показывали , что эта страна была нѣкогда обитаема ; теперь же она лишена воды , а слѣдовательно , и жителей. Отсюда мы видѣли великолѣпный *миражъ* , состоявшій изъ извилистой ленты паровъ , величиною соответствовавшей

Оксу и представлявшей видъ рѣки. Это явленіе какъ будто бы издѣвалось надъ нашими изсохшими языками: кожащія флаги, которыя мы всегда возили съ собою, опустыли еще задолго до нашего прибытія въ Мазаръ.

Это мѣстечко, имѣющее около 500 домовъ, можетъ выставить около тысячи конниковъ и не зависитъ ни отъ Балка, ни отъ Кундуза. Оно стоитъ на оконечности одного изъ балкскихъ каналовъ и принадлежитъ какой-то духовной особѣ, *Мутавилли*, совершающей служеніе при гробницѣ, славной своею святостью и посвященной Али. Слово Мазаръ значитъ гробница. Здѣшняя гробница состоитъ изъ двухъ высокихъ куполовъ, построенныхъ около 350 лѣтъ тому назадъ Али Мирзою, султаномъ Герата. Я былъ въ мечети, обонялъ ее кругомъ какъ богомолецъ и принесъ въ даръ свою лепту. Не вѣруя въ легенды, относящіяся до этого мнимаго святаго и не сочувствуя жителямъ въ ихъ набожности, я, однако же, могъ принести здѣсь благодареніе, согласно съ своимъ собственнымъ

върованіемъ, за наше недавнее избавленіе. Во время вечерней молитвы собраніе народа было многочисленное; муллы, сидя при входѣ въ мечеть, раздѣляли дневной доходъ свой между нѣсколькими семействами, имѣвшими на это наследственныя права. Одинъ изъ нихъ, подойдя ко мнѣ, спросилъ, отъ чего я не молюсь съ прочими. Я отвѣчалъ ему, что я не Магоммеданинъ. Не смотря на это, мнѣ не препятствовали войти во внутренность храма, хотя бы мнѣ и не слѣдовало рѣшиться на это. Въ мечети нѣтъ ничего любопытнаго: ничто не отличаетъ ее отъ другихъ подобныхъ ей зданій; вечеромъ она освѣщается бронзовыми подсвѣчниками.

Въ Мазарѣ умеръ Трѣбекъ, послѣдній изъ несчастныхъ товарищей Муркрофта. Одинъ хаджи, путешествовавшій вмѣстѣ съ нами и бывшій при его кончинѣ, водилъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ погребенъ этотъ молодой человекъ: могила его, осѣненная туковыми деревьями, находится на западной сторонѣ города. Этотъ путешественникъ своими добрыми каче-

ствами оставилъ хорошее впечатлѣніе во всей странѣ, чрезъ которую мы проѣзжали, и я тѣмъ болѣе не могъ не пожалѣть о его печальной участи. Похоронивъ двухъ своихъ сопутниковъ европейцевъ, онъ умеръ послѣ четырехмѣсячныхъ страданій, въ странѣ отдаленной, безъ друга, безъ помощи и даже безъ всякаго утѣшенія. Все имущество его, состоявшее изъ дорогихъ лошадей, путевого багажа, денегъ и нѣсколькихъ печатныхъ книгъ, было или похищено муллою, сопровождавшимъ этихъ путешественниковъ, или конфисковано святошами здѣшной мечети, которые владѣютъ имъ и донинѣ. Къ счастью: всѣ записки Муркрофта о его путешествіи въ Бухару были найдены въ послѣдствіи: изъ уваженія къ этому достойному чловѣку, посвятившему всю жизнь свою любви къ странствованіямъ и открытіямъ, эти бумаги давно слѣдовало бы напечатать. Деньги его не достались въ руки жителямъ Мазара: можно выслѣдить, куда они дѣвались; но я не думаю, чтобы можно было найти ихъ.

Вечеромъ, 9 Іюня, мы прибыли въ древній

городъ Балкъ, принадлежащій къ владѣніямъ бухарскаго государя. Около трехъ миль мы шли по его обширнымъ развалинамъ, прежде нежели достигли каравансарая, находившагося въ обитаемой части этой, нѣкогда гордой, матери городовъ (*амъ улъ баладѣ*). На дорогѣ насъ встрѣтили двое туркманскихъ полицейскихъ чиновниковъ: они прѣехали съ обыскомъ, чтобъ взять установленную пошлину съ нашихъ денегъ. Я тотчасъ же объявилъ имъ, что у каждаго изъ насъ было, по 20 золотыхъ тиллъ, * и они взяли съ насъ, согласно съ положеніемъ, по одной тиллѣ съ каждыя двухъ десятковъ, на томъ основаніи, что мы не-Магоммедане. Мы безпрекословно заплатили деньги и получили росписку, скрѣпленную печатью; но вечеромъ они возвратились и потребовали еще столько же, ибо мы объявили себя Европейцами, неподвластными никакому магоммеданскому правителю. Убѣдившись въ законности ихъ требованія, я заплатилъ, что слѣдовало. При мнѣ, однако же, денегъ было гораздо болѣе объяв-

* Тилла равняется тринадцати шиллингамъ.

ленной суммы; но какъ эти люди не стѣсняли насъ, то мы передъ глазами удивленной полиціи распаковали одни только наши тюки съ книгами: если бѣ была возможность, мы конечно утаили бы и это. Однимъ изъ пріятнѣйшихъ чувствованій нашихъ при въездѣ въ Балкъ было полное убѣжденіе въ томъ, что мы совершенно избавились отъ нашего кундузскаго недоброжелателя и, я могу еще прибавить, отъ всѣхъ продѣлокъ нашего проводника, Назира. Въ последнее время его поведеніе сдѣлалось до того предосудительно, что мы рѣшились не полагаться на него долѣе и въ странѣ, управляемой законнымъ государемъ, ясно высказать этому *почтенному Афгану* свое объ немъ мнѣніе, хотя, можетъ быть, благоразумнѣе было бы умолчать объ этомъ. Какъ мы по опыту убѣдились, что Назиръ совершенно недостойнъ довѣрія, такъ точно увѣрились, что Гіать, нашъ Кафила-баши, вполнѣ заслуживалъ его своимъ благоуміемъ и своею преданностью. Онъ осуждалъ низость Назира и оказывалъ къ нему прізнанія гораздо болѣе, нежели мы сами. Гіать былъ че-

ловѣкъ проникательный: во время приближенія къ Балку, онъ удивилъ меня своимъ разговоромъ о цѣли, побудившей насъ предпринять это путешествіе. Я сталь-было говорить, что Бухара лежитъ на пути въ Европу; но Гіать возразилъ, что Фиринджисы собираютъ свѣдѣнія обо всѣхъ странахъ, и что преждевременная смерть Муркрофта воспрепятствовала намъ подробно узнать Туркестанъ, а потому, вѣроятно, мы посланы собрать эти свѣдѣнія самымъ скромнымъ образомъ, ибо всѣ несчастія, постигшія этого чело-вѣка, должны быть отнесены къ тому, какъ онъ путешествовалъ. Я улыбнулся хитрой догадкѣ Кафила-баши, весело прокричалъ ему „*барикалла*“ (браво) и хвалилъ его прозорливость: мы уже были друзьями съ Гіатомъ и не опасались его, а напротивъ, съ каждымъ днемъ удостоверялись болѣе въ новыхъ его заслугахъ.

ГЛАВА VIII.

БАЛКЪ. — ПРОДОЛЖЕНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ БУХАРУ.

Мы прожили три дня въ Балкѣ, чтобы осмотрѣть остатки этого нѣкогда могучаго города. Его развалины разбросаны на пространствѣ двадцати миль въ окружности и не предоставляютъ ни какого слѣда минувшаго великолѣпія. Онъ состоятъ изъ разрушившихся мечетей и гробницъ, построенныхъ изъ кирпича, высушеннаго на солнцѣ: ни одна изъ нихъ не старѣе времени Магоммеда, хотя Балкъ считается самымъ древнимъ городомъ въ мірѣ. Азіятцы, какъ я уже сказалъ, называютъ его *матерью городовъ* и говорятъ, что онъ былъ построенъ Кіамуромъ, основателемъ персидской монархіи. Послѣ Александра Великаго онъ процвѣталъ подъ именемъ Бактры и былъ столицею государей греческой династіи. Въ третьемъ вѣкѣ христіанской эры власть Артаксеркса была

торжественно признана въ многочисленномъ собраніи, бывшемъ въ Балкъ, въ Хоразань. * Онъ оставался подъ властью Персовъ и служилъ мѣстопребываніемъ Архимагу, т. е. главъ маговъ, до тѣхъ поръ, пока послѣдователи Зороастра не были низпровергнуты нашествіемъ Калифевъ. Его жители были безжалостно переръзаны Чингисъ Ханомъ; подъ правленіемъ дома Тимура онъ составлялъ провинцію могольской имперіи. Эта область была подъ правленіемъ Ауренгзеба въ его молодости; а въ послѣдствіи ею завладѣлъ великій Надиръ. За основаніемъ дуранійской монархіи по смерти этого завоевателя, Балкъ подпалъ подъ власть Афгановъ; а въ теченіе восьми послѣднихъ лѣтъ былъ завоеванъ бухарскимъ государемъ, и теперь управляется его намѣстникомъ. Народонаселеніе его не превышаетъ 2000 ч. и состоитъ бѣльшого частью изъ уроженцевъ кабульскихъ и остатковъ карану-карской милиціи, учрежденной Афганами. Есть также нѣсколько Арабовъ. Начальникъ Кундуза увелъ большую часть его

* Смотри у Гиббона гл. VIII.

народонаселенія и , безпрестанно угрожая ему , заставляетъ многихъ жителей удалиться въ ближайшія деревни. Огромное пространство , занимаемое этимъ городомъ , показываетъ , что прежде въ немъ заключалось множество садовъ , которые увеличивали его размѣры , ни сколько не увеличивая его народонаселенія. Судя по непрочности матеріаловъ , изъ которыхъ строились его зданія (фундаменты сдѣланы изъ кирпича) не льзя предполагать , чтобы Балкъ когда-либо былъ крѣпкимъ городомъ. Въ немъ есть три превосходно построенныя училища , но въ нихъ нѣтъ учащихся и они заброшены. Земляная стѣна , окружающая часть города , принадлежитъ къ новѣйшимъ постройкамъ , ибо развалины почти на двѣ мили кругомъ находятся внѣ этой стѣны. Цитадель , находящаяся на сѣверной сторонѣ , построена гораздо прочнѣе ; но она не составляетъ надежнаго укрѣпленія. Въ ней хранится глыба бѣлаго мрамора , которая , какъ говорятъ , служила трономъ Кай-Каусу или Киру. Балкъ построенъ въ долину миляхъ въ шести отъ горъ , но не на горахъ , какъ ошибочно

утверждали прежде. Правда, что въ сосѣдней равнинѣ есть много неровностей ; но онѣ происходятъ отъ развалинъ и щебня. Балкъ , подобно Вавилону , снабжаетъ кирпичемъ всѣхъ окрестныхъ жителей. Кирпичи имѣютъ продолговатую квадратную форму. Большая часть старыхъ садовъ запущена и порасла травой ; водопроводы высохли ; но во многихъ мѣстахъ есть еще большія клумбы деревьевъ. Народъ чрезвычайно уважаетъ этотъ городъ : онѣ почитаетъ его самымъ древнѣйшимъ изъ всѣхъ населенныхъ мѣстъ земнаго шара , а время вторичнаго его возрожденія—однимъ изъ признаковъ кончины міра. Плоды въ Балкѣ необыкновенно вкусны , въ особенности абрикосы , которые бываютъ величиною съ яблоко , и такъ дешевы , что за рупію можно купить болѣе 2000 ; съ толченымъ льдомъ они составляютъ роскошное , хотя и опасное кушанье. Множество сивга привозится съ горъ , лежащихъ въ двадцати миляхъ къ югу отъ Балка , и продается за бездѣлицу въ продолженіе цѣлаго года.

Климатъ въ Балкъ чрезвычайно вреденъ, но не смотря на это, весьма приятенъ. Въ Іюнѣ термометръ не поднимается выше 80°; но самая жаркая погода стоитъ въ Іюль. Пшеница поспѣваетъ въ этомъ мѣсяцѣ, и ея жатва наступаетъ пятнадцатю днями ранѣе, чѣмъ въ Пешауарѣ. Вода есть главная причина болѣзней въ Балкъ: она до того пресыщена земляными и глиняными частицами, что походитъ на грязь. Здѣсь почва, имѣющая сѣроватый цвѣтъ, походитъ на трубочную глину: она чрезвычайно тучна и, будучи смочена, дѣлается скользкою; зерновой хлѣбъ хорошъ, пшеничная солома также высока, какъ въ Англіи и не имѣетъ тѣхъ короткихъ стеблей, какія находимъ въ Индіи. Вода въ Балкъ проведена съ большими трудами изъ рѣки посредствомъ водопроводовъ; ихъ, какъ говорятъ, было не менѣе осмнадцати; но теперь многіе совершенно уничтожились. Вода въ нихъ частью выступаетъ изъ береговъ и оставляетъ огромныя болота, которыя быстро высыхаютъ отъ дѣйствія солнца. Кажется, въ нихъ заключается причина болѣзней въ этомъ

мѣствъ. Всѣ старые города и развалины, можетъ быть, болѣе или менѣе нездоровы; но невѣроятно, чтобы столько государей могли покровительствовать этому городу, если бы онъ всегда былъ вреденъ для здоровья челоуѣка; притомъ же Балкъ построенъ на мѣствѣ, отъ природы не болотистомъ: онъ стоитъ на пологомъ скатѣ, спускающемся къ Океу, и имѣетъ около 1800 футовъ надъ поверхностью моря. Воды рѣки, чрезъ него протекающей, истрачиваются, далеко не достигнувъ до Окса.

Въ Балкъ я употреблялъ всѣ усилія, чтобы собрать хоть сколько нибудь древнихъ монетъ, которыя въ столь классической землѣ не могли не имѣть цѣнности. Мнѣ приносили нѣсколько мѣдныхъ, совершенно сходныхъ съ тѣми, которыя я находилъ въ Маникіалѣ, въ Панджабѣ. Всѣ онѣ представляли челоуѣческую фигуру во весь ростъ съ курильницей, или съ сосудомъ въ правой рукѣ и съ высокимъ головнымъ уборомъ; а это, по моему мнѣнію, показываетъ, что всѣ онѣ персидскія. Мы досто-

вѣрно знаемъ , что Индія составляла одну изъ сатрапій Дарія и находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Персіею , что , можетъ быть , и объясняетъ исторію этихъ монетъ . Работа ихъ чрезвычайно груба ; онѣ отличаются одна отъ другой формою , и потому ихъ скорѣе можно счесть за медали , нежели за монеты . Въ слѣдующемъ томѣ я представлю вѣрные рисунки этихъ древностей . Занимающіеся этимъ предметомъ знаютъ , что много подобныхъ монетъ было найдено въ Индіи и объяснено въ запискахъ бенгальскаго азійскаго общества . Между монетами , которыя я разсматривалъ въ Балкѣ , было нѣсколько куфическихъ и арабскихъ и множество другихъ , принадлежащихъ индустанскимъ императорамъ . Одна золотая монета временъ Шаха Джегана дала мнѣ хорошее понятіе о чеканкѣ того вѣка . Замѣчательно , что въ странахъ , лежащихъ къ сѣверу отъ Гинду Куша , ходячая монета въ настоящее время принадлежитъ делійскимъ императорамъ , управлѣвшимъ этимъ краемъ еще прежде Надира .

Двѣнадцатаго Іюня прибылъ изъ Кулума караванъ съ нашими людьми, и мы приготовились отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Бухару. До этого въ продолженіе трехъ дней, мы жили, такъ сказать, на-хлѣбахъ у нашего пріятеля Кафила-баши, который ежедневно покупалъ для насъ рисъ и говядину на базарѣ: кухня наша была въ жалкомъ положеніи; но мы утѣшались тѣмъ, что могли вскоре отстранить это небольшое неудобство. Здѣсь, однако же, намъ надлежало проститься съ нашимъ проводникомъ: онъ возвращался въ Кабуль, ибо Афганъ не много принесъ бы намъ пользы между Узбеками. Мнѣ жаль было разстаться съ честнымъ Гіатомъ: его характеръ и всѣ способности были совершенно принаровлены къ тому, чтобы обращаться съ людьми, и потому онъ повсюду имѣлъ друзей, которые почитали и уважали его. Я опасался, что мы не найдемъ челоуѣка, который подобно ему доставлялъ бы намъ пищу и жилище вездѣ, гдѣ только была какая нибудь возможность достать ихъ, и который не колебался бы лежать тамъ, гдѣ необходимо надлежало скрыть.

наше званіе. Мы сдѣлали ему нѣсколько подарковъ за его услуги; цѣнность ихъ далеко превзошла его ожиданія, такъ, что онъ былъ болѣе, нежели счастливъ. Я далъ ему еще письменное свидѣтельство нашей благодарности за его услуги. Онъ бѣгалъ и суетился, помогая намъ въ сборахъ, отвелъ въ сторону новаго Кафилу-баши нашего каравана и выставилъ ему на видъ все выгоды усердной намъ службы; онъ дождался, пока караванъ тронулся и когда мы сѣли въ наши корзины (новый способъ путешествія на верблюдахъ), простился съ нами, поручилъ насъ Богу и оставилъ однихъ продолжать путь. Въ доказательство честности этого человека, я скажу, что онъ нашелъ, на своемъ возвратномъ пути въ Кабуль, ножъ, который мы забыли въ одномъ каравансарай, и переслалъ его къ намъ съ вѣрнымъ человекомъ, взявшимъ въ Бухару, при письмѣ, исполненномъ благодарности и воспоминанія объ насъ.

Караванъ собрался за городомъ близъ другаго печальнаго для насъ мѣста—близъ могилъ.

Мўркрофта и Гатри: эти несчастные лежатъ рядомъ. Не смотря на то, что ночь была лунная, намъ стоило нѣкотораго труда, чтобъ отыскать могилы. Наконецъ намъ показали ихъ возлѣ земляной стѣны, съ цѣлюю построенной: суевѣрные жители Балка не позволили похоронить путешественниковъ на своихъ кладбищахъ, но отвели мѣсто за городомъ, съ условіемъ, чтобы могилы были отгорожены стѣною, дабы проходящіе Магомедане не могли благословлять ихъ, принимая за могилы правовѣрныхъ. Мы не могли равнодушно смотреть на эти насыпи, ибо онѣ рождали грустныхъ воспоминаній: сколько соотечественниковъ нашихъ похоронено на разстояніи двѣнадцати миль другъ отъ друга! Это представляло мало утѣшенія намъ, шедшимъ по тому же самому пути и почти съ тою же самою цѣлюю. Но мы были счастливые, и не испытали того, что постигло погребенныхъ здѣсь путешественниковъ: намъ никто не нанесъ ни малѣйшей обиды, не смотря на то, что мы не скрывали ни нашей вѣры, ни нашего европейскаго происхожденія. Тѣло Мўркрофта

было принесено изъ Андхой, гдѣ онъ погибъ
вдали отъ своихъ товарищей. Хотя здѣсь и гово-
рятъ, что онъ умеръ своею смертью; но въ кон-
чинѣ его нельзя не подозрѣвать насилія, ибо при
немъ не было ни одного изъ европейскихъ то-
варищей, или приближенныхъ слугъ его: съ
нимъ находились только туземные прислуж-
ники, которые въ послѣдствіи всѣ были ограб-
лены жителями. Трупъ его былъ привезенъ
на верблюдъ, послѣ восьмидневнаго его отсут-
ствія. Г. Требекъ по болѣзни не могъ сдѣлать
вскрытія.

Въ полночь мы выѣхали изъ Балка съ не-
большимъ караваномъ, состоявшимъ изъ двадца-
ти верблюдовъ: тутъ эти полезныя животныя
замѣнили нашихъ лошадей. Двѣ корзины, на-
зываемыя *каджауасъ*, привѣшиваются по обѣ
стороны верблюда; насъ посадили: въ нихъ
докторъ уравновѣшивался съ Афганомъ, а я ба-
лансировалъ съ своимъ индустанскимъ служи-
телемъ. Вначалѣ этотъ способъ путешествія
былъ для насъ чрезвычайно безпокоенъ: кор-

зины имѣютъ только четыре фута длины и два съ половиною ширины, а потому нужно было имѣть нѣкоторую ловкость и сноровку, чтобы помѣщать въ такомъ пространствѣ свое тѣло, равняющееся пяти футамъ и девяти дюймамъ. Намъ опускали въ эти корзины какъ тюкъ съ товаромъ. Однако же привычка вскорѣ помирила насъ съ тряскимъ ходомъ верблюдовъ и съ тѣснымъ экипажемъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ мы имѣли возможность читать и записывать свои наблюдения, не опасаясь быть замѣченными.

Пройхавъ 30 миль по странѣ чрезвычайно богатой, вездѣ перерѣзанной каналами, мы достигли предѣловъ балкскихъ водъ. Дѣйствіе здѣшнихъ каналовъ на температуру воздуха такъ сильно, что термометръ утромъ стоялъ ниже 52° , не смотря на это, что болѣе двухъ третей этого края представляютъ совершенную пустыню. Тутъ верблюды наши наслаждались какимъ-то колючимъ растеніемъ, которое у туземцевъ называется *чучъ* или *зузъ*. Я не знаю писателя, который бы такъ вѣрно обрисовывалъ

эту страну, какъ Квинтъ Курцій. Я на самомъ мѣстѣ, имъ описываемомъ, отмѣтилъ у него слѣдующее: — „Поверхность земли въ Бактріанѣ представляетъ повсюду рѣзкое разнообразіе: во многихъ мѣстахъ роскошныя деревья и виноградныя лозы доставляютъ прекрасныя, крупныя и вкусныя плоды; многочисленныя источники (каналы?) орошаютъ богатую почву. Больше плодосныя мѣста покрыты хлѣбомъ, Луга представляютъ пастбища. Далѣе, обширныя пространства этого края обезображены бесплодными песками, которые совершенно лишены растительности и отказываютъ человѣку въ самыхъ необходимыхъ его потребностяхъ: когда вѣтры дуютъ со стороны индійскаго океана, эти пески поднимаются тучами. Обработанная часть страны кипитъ народомъ и хорошо снабжена лошадьми. Столица Бактра лежитъ близъ горы Паропамиза. Рѣка Бактра оmyваетъ его стѣны и даетъ названіе городу и всей области.“*

Балкъ замѣчателенъ своими деревьями, плодами и хлѣбомъ; его лошади также хорошо извѣстны

* Квинтъ Курцій, кн. III, глав. 4.

ны. Хотя онъ не имѣеть источниковъ и рѣка уже не течеть подь его стѣнами, однако же, вся окрестности орошены каналами, питающимися отъ рѣки, текущей изъ сосѣдственныхъ горъ: воды ея искусственнымъ образомъ проведены въ нихъ выше города.

Четырнадцатаго Юня мы вступили въ степь и ѣхали всю ночь по дорогѣ къ Оксу. Большую дорогу, ведущую отъ Балка въ Килефъ (перевозъ на Оксъ), мы оставили влѣвъ, опасаясь разбойниковъ, и поѣхали восточнѣе. Остановившись на разствѣтъ, мы могли уже видѣть, что насъ ожидаемо въ стѣпяхъ Татаріи: горы Гинду Куша совершенно скрылись за горизонтомъ; огромная равнина, какъ песчаный океанъ, окружала насъ со всѣхъ сторонъ, и только лишь кой-гдѣ было разбросано въ ней нѣсколько круглыхъ хижинъ или жилищъ кочевыхъ Туркмановъ. Жители здѣсь малочисленны и съ перваго взгляда кажутся страцику дикими и страшными. Когда мы остановились возлѣ одного такого селенія, они столпились вокругъ насъ въ своихъ огромныхъ

овчинныхъ шапкахъ, но не причинили намъ ни малѣйшей обиды. Въ этой степи мы сдѣлали привалъ и нашли здѣсь не много воды, которая просачивается до этихъ мѣстъ изъ каналовъ Балка. У насъ не было палатки и никакого другаго убѣжища, кромѣ толстыхъ односпальныхъ одвѣялъ, которыя мы растягивали надъ двумя рядами корзинъ. Эта легкая кровля защищала насъ отъ солнца; а ночью мы ее снимали и спали подъ ней на открытомъ воздухѣ. Вся пища наша состояла изъ хлѣба и чая, ибо Туркмены рѣдко соглашаются продавать своихъ овецъ, какъ будто бы изъ опасенія уменьшить свои богатства: намъ оставалось только любоваться ихъ безчисленными стадами и довольствоваться однимъ желаніемъ полакомиться барашками, что на самомъ дѣлѣ удавалось рѣдко. Хотя Европейцы привыкшіе, къ животной пищѣ и не легко свыкаются съ однимъ хлѣбомъ, однако же мы находили, что онъ былъ для насъ довольно питателенъ, въ особенности съ чаемъ, который мы пили во всякое время дня и который всегда освѣжалъ и под-

крѣплялъ наши силы. Здѣсь опытѣ вполне убѣдилъ насъ, что воздержаніе отъ вина и водки было для насъ дѣломъ спасительнымъ; я даже думаю, что мы не были бы въ состояніи вынести всѣхъ переменъ климата, если бы употребляли какія либо возбуждающія средства. Свернувъ съ главной дороги, мы, по дошедшимъ до насъ слухамъ, не совсѣмъ избавились отъ разбойниковъ, а потому и наняли отрядъ Туркмановъ для провода насъ до Окса, который находился отъ насъ на разстояніи одного перехода. Мы сѣли на лошадей съ закатомъ солнца и, проѣхавъ тридцать миль въ продолженіе пятнадцати часовъ, достигли береговъ этой великой рѣки. Я завидѣлъ ее съ полнымъ восторгомъ: она лилась передъ нами во всемъ величїи своего уединенія и радовала насъ своими струями, какъ бы въ награду за труды и тревоги, которыя мы претерпѣли на пути къ ней. Какъ ни безразсудно было съ нашей стороны ввѣрится Туркманамъ въ пустынь, однако же они проводили насъ безопасно и даже безъ всякихъ распросовъ. Они говорили только

по-турецки, имѣли хорошихъ лошадей и были вооружены саблями и длинными пиками, но не обременяли себя, подобно другимъ Азіятцамъ, щитами и пороховницами: только не многіе имѣли ружья. Для своего собственнаго развлеченія они пѣли пѣсни, языкъ которыхъ хотя грубъ, однако же звученъ. Они представлялись мнѣ идеаломъ легкой конницы: ихъ одинаковыя шапки давали отряду видъ регулярности. Для управленія лошадьми они употребляютъ только одну уздечку, къ которой нѣкоторые изъ туркманскихъ начальниковъ, какъ я замѣтилъ въ послѣдствіи, привѣшивали за ушами лошади рюмки и кусочки кожи, украшенной золотомъ и серебромъ, что придаетъ много красоты головѣ этого животнаго. За исключеніемъ пространства въ полторы мили отъ рѣки, мы во все это время ѣхали по самой негостепріимной и бѣдной почвѣ, совершенно-лишенной воды: только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ полуиссохшая трава едва пробивалась сквозь наносные летучіе пески, или едва была замѣтна на затвердѣвшей глинѣ. Я долго буду помнить наше скучное приближе-

ніе къ Оксу и тѣхъ дикарей, между которыми мы ѣхали.

Мы остановились на берегахъ рѣки близъ небольшой деревеньки Ходжа Сала. Берега Окса почти на двѣ мили изрѣзаны водопроводами; но не смотря на это, они очень плохо обработаны. Замѣтно, однако же, было, что мы находились въ странѣ болѣе мирной: тутъ жилище каждаго поселанина находилось на нѣкоторомъ разстояніи отъ другаго и было окружено своими полями. Два дни мы простояли на берегу рѣки, выжидая очереди на перевозъ, и только 17-го числа караванъ нашъ былъ переправленъ на сѣверный берегъ Окса, въ область Мауаруль Нуръ, составляющую часть Татаріи (если слѣдовать нашей номенклатурѣ) или Туркестана, говоря правильнѣе. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ превышала 800 ярдовъ, а глубина равнялась почти двадцати футамъ; вода ея пресыщена иломъ; скорость теченія равняется тремъ съ половиною милямъ въ часъ, Азіятцы называютъ ее Джихунъ Аму.

Способъ переправы чрезъ Оксъ довольно стра-
менъ, и, какъ кажется, употребляется въ одномъ
только этомъ краѣ. Перевозчики, закрѣпивъ ве-
ревку по обѣимъ сторонамъ парома и привя-
завъ ее за гриву двухъ лошадей, надѣли на
нихъ узды, потомъ оттолкнули паромъ отъ бе-
рега, и лошади, безъ всякой другой помощи, пе-
ретасили его на противоположный берегъ въ
одномъ изъ самыхъ быстрыхъ мѣстъ потока.
Одинъ человекъ съ борта слабо держалъ по-
водья каждой лошади, и, такимъ образомъ упра-
вляя ими, понукалъ ихъ плыть впередъ. Весла
при этомъ не употребляются: перевозчики до-
вольствуются однимъ только шестомъ, прикрѣ-
пленнымъ сзади; дѣйствуя имъ, они не позволя-
ютъ парому повернуться по теченію и тѣмъ
облегчаютъ плаваніе. Лошади, употребляемыя
въ такомъ родѣ переправы, какъ кажется, не
требуютъ предварительной выдержки, ибо здѣсь
безъ разбора впрягаютъ всякихъ изъ числа тѣхъ,
которыхъ нужно перевозить на другую сторону.
Такъ одинъ паромъ былъ переправленъ съ по-
мощью двухъ нашихъ разбитыхъ клячъ. Дру-

гѣй паромъ, отчалившій вслѣдъ за нами безъ помощи лошадей, былъ такъ далеко унесенъ внизъ по теченію, что мы прождали на берегу цѣлый день, пока его привели обратно къ стоянкѣ нашего каравана. Этимъ замысловатымъ способомъ мы въ пятнадцать минутъ перѣехали рѣку шириною въ полмили, текущую съ быстротою трехъ съ половиною миль въ часъ; сюда, однако же, не входитъ то время, на которое мы были задержаны мелями, разделяющими вѣтви этой рѣки. Я не вижу причинъ, препятствующихъ повсемѣстному примѣненію этого способа переправы, который былъ бы безцѣннымъ улучшеніемъ въ Индіи, ниже Гатовъ. Я во всѣхъ своихъ путешествіяхъ по Индіи никогда не видалъ подобнаго употребленія лошадей и всегда смотрѣлъ на этихъ благородныхъ животныхъ, какъ на величайшее затрудненіе при переправахъ.

Переплывъ Окст, мы продолжали путь въ Бухару и остановились въ Шоркадакъ, мѣстѣ ненаселенномъ, но замѣчательномъ своими ко-

лодцами, числомъ отъ пятнадцати до двадцати, съ горько-соленоватою, невкусною, хотя и чистою водою. Отсюда путешествіе наше приняло болѣе пріятный характеръ. Мы выезжали около пяти, или шести часовъ по-полудни, и ѣхали до восьми, или девяти слѣдующаго утра. Разстояніе между станціями не превышаетъ двадцати пяти миль, ибо верблюды, по причинѣ сильнаго жара, не въ состояніи дѣлать большихъ переходовъ. Ночью они идутъ около двухъ миль въ часъ довольно бодро: къ этому побуждаютъ ихъ два колокольчика, привѣшанные къ груди или къ ушамъ передоваго животнаго, предшествующаго каждому *киттару* или отряду. Звукъ этихъ колокольчиковъ до того пріятенъ, что когда онъ затихаетъ на время отдыха каравана, то тишина, смѣняющая его въ необитаемой степи, поражаетъ путешественника какою-то неизъяснимою грустью. При захожденіи и восхожденіи солнца караванъ всегда останавливался для молитвы: тутъ раздавалось звучное *Аллахо акбаръ* и призывало всѣхъ правовѣрныхъ къ Богу; Магоммедане, ударяя себя по

бородъ и устремляя взоры къ сторонѣ Мекки , совершали коленноприклоненіе , предписанное ихъ вѣрою. Мы благоговѣнно смотрѣли на эти обряды и, какъ бы въ награду за уваженіе къ чуждому намъ вѣрованію , не подвергались ни насмѣшкамъ, ни притѣсненіямъ: намъ оказывали терпимость , которая сдѣлала бы честь всякой европейской образованной націи. Въ караванѣ всегда представляется хорошее товарищество и множество уроковъ для самолюбивыхъ людей : въ немъ исчезаетъ вся разница между господиномъ и слугою, общія нужды ставятъ всѣхъ его членовъ подъ одинъ уровень, и никому нѣтъ возможности устранять , изолировать себя отъ прочихъ сопутниковъ. Наши слуги тѣи изъ однихъ съ нами блюды. Житель Азіи никогда не возьметъ куска хлѣба безъ того, чтобъ не предложить части его своему сосѣду. Индійскіе Магоммедане, бывшіе съ нами, удивлялись своимъ братьямъ по вѣрѣ, раздѣлявшимъ съ нами пищу.

Отсюда мы пріѣхали къ Кизь-Кудаку, что по-гурецки значитъ колодець дѣвы , и я благо-

словлялъ ту, которая вырыла его, ибо мы уже терпѣли большую нужду въ водѣ. Здѣсь мы нашли превосходный свѣжій источникъ посреди сотни родниковъ, которые, какъ и всѣ попадавшіеся намъ на дорогъ, имѣли соленую воду. Мы начинали чувствовать недостатокъ во всемъ: въ иной день у насъ не было воды, въ другой дровъ, и мы, чтобъ заварить себѣ чаю, должны были собирать и жечь навозъ верблюдовъ. При такихъ обстоятельствахъ, кто могъ бы подумать, что мы приближались къ благословеннымъ странамъ Востока — къ Самарканду и Бухарь? Мы шли между низкими холмами, или, лучше сказать, кучами наноснаго песку, совершенно-лишеннаго деревьевъ и кустарниковъ и покрытаго какою-то сухою травою, растущею на твердой и хрящеватой почвѣ. Колодцы по большей части имѣли около восемнадцати футовъ глубины. На нѣкоторыхъ разстояніяхъ по дорогъ мы видѣли *рабаты* или каравансарай, построенные съ большими крытыми цистернами, называемыми *сурдаба* или водохранилищами, которыя наполняются дождевою водою для освѣ-

женія путешественниковъ. Въ это время всѣ они были пусты. Погода стояла сухая, но измѣнчивая: днемъ термометръ поднимался до 103°, а по ночамъ, которыя вообще были прохладны и прекрасны, онъ понижался до 60°. Здѣсь преимущественно дуютъ вѣтры съ сѣвера. Мы обыкновенно оканчивали свой день двадцать минутъ четвертаго: длинныя и прохладныя сумерки въ нѣкоторой степени вознаграждали насъ за томительный солнечный жаръ, которому мы подвергали себя въ продолженіе дня.

Одинъ изъ чайныхъ купцовъ нашего каравана часто посѣщалъ насъ во время отдыховъ, и мы скоро съ нимъ сблизились. Онъ былъ *Хваджа* (названіе послѣдователей первыхъ калифовъ), а вмѣстѣ съ этимъ купецъ и духовный. По видимому, наше общество ему чрезвычайно нравилось: не рѣдко мы пили чай вмѣстѣ на берегахъ Окса и рассказали ему нашу истинную исторію; а онъ, между прочимъ, сообщилъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи литературы Узбековъ. Однажды я далъ ему

прочестъ небольшое персидское сочиненіе подъ заглавіемъ: *Записки Шуджи, государя кабульскаго*. Книга эта написана самимъ Шуджею и содержитъ подробное описаніе его жизни и приключеній, изложенныхъ простымъ языкомъ безъ текстовъ изъ Корана, безъ метафоръ и другихъ преувеличеній восточныхъ писателей и безъ тѣхъ чудесъ, которыя, по рассказамъ историковъ, обыкновенно совершаются въ пользу восточныхъ деспотовъ. Короче сказать, это ничто иное, какъ любопытный рассказъ о томъ, что съ нимъ случилось. По прошествіи нѣсколькихъ дней Хваджа возвратилъ мнѣ книгу и сказалъ, что она скучна, ибо содержаніе ея не оживлено ни богобоязнію, ни памятью о пророкѣ, и только относится къ тому, что лично касалось до писателя. Онъ не могъ похвалить ее лучше этого, ибо такова дѣйствительно была цѣль сочинителя. Въ сочиненіяхъ этого рода ни одинъ Хваджа нашелъ подобныя погрѣшности: епископъ Геберъ, написавшій прекрасный и любопытный журналъ своего путешествія по Индіи, подвергся точно такому же при-

говору за свое пристрастіе къ свѣту. Литература Матоммеданъ находится исключительно въ рукахъ муллъ; по этому не удивительно, что они осуждаютъ произведенія, не имѣющія того блеска, который мы видимъ въ произведеніяхъ ихъ званія.

Близъ страны, въ которую мы теперь вступили, живетъ племя Узбековъ, называемое Лекей и извѣстное своимъ грабительствомъ. У этихъ разбойниковъ есть поговорка, которая проклинаетъ всѣхъ умирающихъ въ постель, потому что, по ихъ мнѣнію, каждый истинный Лекей долженъ окончить жизнь въ набѣгъ или *чапась*. Меня увѣряли, что иногда и женщины сопровождаютъ мужей своихъ въ подобныхъ экспедиціяхъ; съ бѣльшею же достовѣрностью утверждаютъ только то, что онѣ разграбляютъ только тѣ караваны, которые проходятъ по близости ихъ жилищъ. Это племя живетъ близъ Гиссара, мѣста, можно сказать, классическаго, ибо въ его окрестностяхъ, кромѣ лекейскихъ амазонокъ, есть еще три, или четыре пле-

мени, которыя ведутъ свое происхожденіе отъ Александра Великаго.

Сдѣлавъ еще одинъ переходъ, мы достигли Киркинджака, мѣстечка, населеннаго Туркманами. Здѣсь холмы смѣняются невысокими песчаными буграми; колодцы вдвое глубже, ибо спускаются на 36 футовъ; стада Туркмановъ пасутся на тощихъ пастбищахъ: лошади, верблюды и овцы бродили вокругъ насъ по-волѣ, какъ будто бы въ дикомъ состояніи. Пастухъ, смотрѣвшій за этими стадами, долго бродилъ возлѣ нашего лагеря: это былъ несчастный Персіянинъ, захваченный лѣтъ восемь тому назадъ близъ Мешеда, съ 300 другихъ плѣнниковъ, и теперь оплакивавшій свою свободу въ отчаяніи отъ невозможности поклониться знаменитой гробницѣ Имамъ Руза, находящейся въ его родномъ городѣ. Прежде онъ именовался Магоммедомъ; но его переименовали въ Доулата или богатаго, какъ будто бы въ насмѣшку бѣдняку-несчастливцу, пасшему овецъ подъ жгучимъ солнцемъ. Онъ говорилъ намъ, что хозя-

инъ его довольно хорошо съ нимъ обращается и даже намѣревается купить ему жену, но что онъ не имѣлъ ни какой надежды на свободу. Этотъ Персіянинъ цѣлый день бродилъ возлѣ нашего каравана и не разъ изъяслялъ желаніе отправиться съ нами. За него было заплачено тридцать золотыхъ монетъ.

Двадцатаго числа послѣ обѣда, приближаясь къ городу Карши, при захожденіи солнца, мы замѣтили на востокъ огромный хребетъ горъ покрытый снѣгомъ. Такъ какъ это было среди лѣта, то мы заключали, что высота его должна быть гораздо значительнѣе той, которую приписываютъ горамъ, проходящимъ на сѣверъ отъ Гинду Куша. Эти горы находились отъ насъ по крайней мѣрѣ на разстояніи 150 миль; на слѣдующее утро онъ были едва замѣтны, а потомъ скрылись совершенно. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня мы достигли оазиса Карши, представлявшаго самый усладительный видъ для насъ, шедшихъ отъ Окса и не видавшихъ ни одного дерева на всемъ этомъ пространствѣ, равнявшем-

ся восьмидесяти пяти милямъ. Приближаясь къ этому городу, мы вступили на плоскую луговую равнину, совершенно - необитаемую до самыхъ береговъ протекающей чрезъ нее рѣки: единственными ея жителями, по видимому, были черепахи, ящерицы и муравьи. Въ знакъ пріятства этому первому татарскому городу, стоящему на нашемъ пути, одинъ изъ караванныхъ пріятелей нашихъ угощалъ насъ, какъ лакомствомъ, *каймакъ чахомъ*, т. е. чаемъ, принесеннымъ къ намъ въ двухъ огромныхъ чашкахъ, въ которыхъ такъ обильно плавалъ жиръ, что я вначалѣ принялъ его за супъ, хотя въ действительности это былъ настоящій чай, смѣшанный съ солью и саломъ, и употребляемый Узбеками, вмѣсто утренняго питья. Никакая привычка не могла примирить меня съ этимъ чаемъ, хотя наши афганскіе товарищи громко прославляли и пили его съ такою жадностью, которая не дѣлала чести ихъ вкусу.

Мы съ удовольствіемъ помышляли о томъ, что наконецъ , послѣ долгаго путешествія по

степямъ, мы отдохнемъ въ населенномъ мѣстѣ. Но ожиданія наши не сбылись; здѣсь постигло насъ несчастіе, которому путешественники подвергаются болѣе всякаго другаго человѣка:—это болѣзнь. Многіе изъ насъ чувствовали нездоровье за нѣсколько дней до этого и, едва мы успѣли вступить въ Карши, какъ я самъ почувствовалъ сильный припадокъ перемежающейся лихорадки. Нашъ землемѣръ, Али Магоммедъ, заболѣлъ въ одно время со мною; а на слѣдующій день свалился докторъ и еще двое другихъ нашихъ товарищей. Купцы и прислуга каравана также болѣли, и потому мы заключили, что, вѣроятно, всѣ заразились въ Балкъ, или на берегахъ Окса. Мы употребляли леченіе обыкновенное въ Индіи, т. е. принимали рвотное и слабительное; я же употреблялъ хининъ, произведшій на меня хорошее дѣйствіе. Черезъ три дня жаръ прошелъ и зубы мои перестали щелкать, но Жерардъ, упорно употреблявшій каломель *secundum artem*, не былъ такъ счастливъ, ибо болѣзнь оставила его не прежде, какъ по прошествіи значительнаго времени послѣ нашего

отъезда изъ этого края. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, бадакшанскій купецъ, умѣвшій пріобрѣсть нашу любовь и уваженіе, умеръ отъ нее, пріѣхавъ въ Бухару: онъ не хотѣлъ употребить никакого леченія, отвергалъ хининъ и прибѣгалъ къ однимъ только жертвамъ и обѣтамъ. Мы пробыли въ Карпи три, или четыре дня и во все это время жили въ саду подъ деревьями, не имѣя надъ собою никакой другой кровли, кромѣ листьевъ: это была жалкая больница при температурѣ въ 108°. Палящую жажду свою мы утоляли вишневымъ шербетомъ со льдомъ, который находится здѣсь въ большомъ изобиліи.

Во время болѣзни насъ беспокоили тревожные слухи, относившіеся собственно до насъ самихъ: говорили, что бухарскій государь, узнавъ о нашемъ приближеніи, хотѣлъ не только запретить намъ въездъ въ свою столицу, но даже воспрепятствовать дальнѣйшему продолженію нашего путешествія. Къ этому прибавляли еще то, что онъ уже выслалъ нѣсколь-

ко эссауловъ съ приказаніемъ схватить насъ. Мы невольно вѣрили этой молвь, ибо дѣйстви- тельно эссаулы три раза вызъжали къ намъ для осмотра багажа, и въ каждый прѣздъ свой все болѣе и болѣе увеличивали наше безпокойство. Привыкнувъ ко всевозможнымъ тревогамъ, на каждомъ шагу встрѣчающимъ Европейца, путе- шествующаго по восточнымъ странамъ, я рѣ- шился немедленно принять мѣры къ устрани- нію дурнаго впечатлѣнія въ туземцахъ: тотчасъ же написалъ гисъмо къ Кушъ Беги и отпра- вилъ съ нимъ Сулимана, однаго изъ нашихъ афганскихъ служителей. Я писалъ къ министру по всемъ правиламъ восточнаго этикета и кра- сорѣчія и, помня ханжество края, въ которомъ мы находились, называлъ его: башнею Ислама, драгоценнымъ камнемъ вѣры, звѣздой религіи, источникомъ правосудія, столпомъ государства и т. д. Потомъ, изложивъ обстоятельства нашего положенія, объяснилъ, что мы безопасно про- шли владѣнія многихъ другихъ государей и, на- конецъ, выразилъ ему все удовольствіе, кото- рое мы ощущали при приближеніи къ Бухарь,

твердынь Ислама. Все это я заключилъ тѣмъ , что во всѣхъ странахъ мы постоянно считали себя подъ покровительствомъ его властителя и въ той же увѣренности приближались теперь къ столицѣ *повелителя правопьрныхъ*: таково титулъ бухарскаго государя, извѣстнаго въ отдаленнѣйшихъ странахъ Востока покровительствомъ, которое онъ оказываетъ купцамъ и путешественникамъ. Я еще прежде этого имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, какъ было полезно намъ самимъ извѣщать о нашемъ прибытіи, а потому и теперь не сомнѣвался въ хорошихъ послѣдствіяхъ подобнаго извѣщенія. Мы не ошиблись, и, прежде нежели достигли города, узнали, что одинъ лживый Персіянинъ, принадлежавшій къ нашему каравану, распространилъ всѣ эти слухи, неимѣвшіе никакого основанія. Министръ отправилъ къ намъ обратно служителя и приказалъ сказать, что онъ будетъ радъ видѣть насъ въ Бухарѣ.

Наше пребываніе въ Карши дало намъ возможность осмотрѣть это мѣсто. Городъ разбросанъ на пространствѣ одной мили; онъ имѣетъ

обширный базаръ и около 10,000 жителей; всѣ дома въ немъ съ плоскими крышами. На сѣверо-западномъ концѣ его находится земляной фортъ, окруженный мокрымъ ровомъ, и составляетъ значительное укрѣпленіе. Рѣка, выходящая изъ окрестностей Шахаръ-Сабза, города, лежащаго на разстояніи пятидесяти миль отъ этого мѣста и замѣчательнаго рожденіемъ Тимура, проходитъ съ сѣверной стороны Карши, и даетъ жителямъ возможность разводить безчисленные сады, обсаженные плодовитыми деревьями и высокими тополями. Эти послѣдніе имѣютъ величественный и прекрасный видъ, въ особенности въ вѣтрѣную погоду, когда ихъ листья дѣлаются бѣлыми и какъ бы серебряными, хотя въ дѣйствительности они зеленые: это производитъ любопытный и пріятный эффектъ въ ландшафтѣ. Нигдѣ благодатныя дѣйствія воды такъ не ощутительны, какъ въ этомъ мѣстѣ, которое безъ нее превратилось бы въ совершенную пустыню. По берегамъ рѣки и ея притоковъ все зеленѣетъ и цвѣтетъ, между тѣмъ какъ на нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи

стелятся песчанья пустыни. Карши составляет послѣ столицы самое значительное мѣсто въ бухарскихъ владѣнiяхъ. Этотъ оазисъ имѣеть около двадцати миль ширины: рѣка орошаетъ всѣ поля его.

Изъ Карши мы отправились въ Карзанъ, бѣдную деревню, лежащую въ шестнадцати миляхъ отъ него на концѣ оазиса. Мы прѣехали въ базарный день: въ городахъ Туркестана; такъ же какъ въ Европѣ, базары собираются въ назначенные дни. Мы встрѣтили множество народа по направленiю къ торгу; ни одного челоука не было пѣшкомъ, всѣ ѣхали на лошадяхъ; мужья везли за сѣдломъ женъ своихъ, которья, само собою разумѣется, всѣ были подъ покрывалами. Здѣсь женщины по большей части предпочитаютъ синiя одежды бѣлымъ, также какъ въ Кабуль, что придаетъ имъ чрезвычайно мрачный видъ. Въѣхавъ на базаръ, мы увидѣли себя между Узбеками, важнымъ, широколицымъ, мирнымъ народомъ съ татарскимъ выраженiемъ лица; они имѣють свѣт-

мый цвѣтъ кожи ; нѣкоторые изъ нихъ хороши собою ; но масса народа , по крайней мѣрѣ мужчины , не отличаются особенной красотой . Я былъ пораженъ множествомъ старообразныхъ лицъ между ними . Здѣсь мы разстались съ туркманскими племенами , которыя переходятъ за Оксъ на весьма недалекое разстояніе .

Въ нашемъ второмъ переходѣ отъ Карши , мы остановились въ Кароуль-Тапцѣ , гдѣ есть каравансарай , построенный Абдуломъ , государемъ бухарскимъ , царствовавшимъ въ XVI столѣтіи : онъ привелъ мнѣ на память Индустанъ и его монарховъ . Мы также миновали три большіе резервуара (сардаба) , сдѣланные по приказанію этого же челоѣколюбиваго государя . Они были построены съ большими издержками въ плоской и пустынной странѣ ; дождевая вода собирается въ нихъ посредствомъ каналовъ , проведенныхъ на очень большое разстояніе . Абдулъ , совершивъ странствованіе на поклоненіе въ Мекку , возвратился съ убѣжденіемъ , что оно не было пріятно Богу и въ надеждѣ заслу-

жить святую милость Его, началъ строить каравансарай и цистерны во всѣхъ частяхъ своихъ владѣній, что, конечно, полезно человечеству этихъ безводныхъ странъ, чѣмъ странствованія къ отдаленной гробницѣ аравійскаго пророка.

Въ Карши къ намъ присоединилось нѣсколько другихъ путешественниковъ, между которыми былъ одинъ мулла изъ Бухары: онъ познакомился со мною. Жители этой страны чрезвычайно ласковы въ обращеніи и составляютъ пріятныхъ товарищей въ путешествіи. Съ этимъ человекомъ я ѣхалъ вмѣстѣ почти во все время послѣдняго переѣзда до столицы, потому что мы только двое были на лошадяхъ. Онъ рассказывалъ мнѣ объ училищѣ, къ которому самъ принадлежалъ въ Бухарѣ, и просилъ меня посѣтить его, что я и не преминулъ сдѣлать. Другой мой пріятель, Кваджа, смѣнилъ муллу и разговаривалъ со мною до полуночи: онъ читалъ и толковалъ мнѣ оды и стихи, которые болѣею частью относились къ соловьямъ и къ

любви, и я дивился, какъ много говорится объ этой страсти въ странѣ, гдѣ на самомъ дѣлѣ она почти не существуетъ. Этотъ недостатокъ, по видимому, ни сколько не поражаетъ самихъ туземцевъ, хотя въ нѣкоторыхъ стихахъ поэты имъ какъ будто бы и намекають на это. Такъ на примѣръ:

«Ашикъ шудъ ба габрики динъ на дарадъ,
Инъ каръ каръ и нишъ асть дахли ба динъ на дарадъ.»

„Я полюбилъ невѣрную дѣву, неимѣющую вѣры: вотъ это любовь! Какую связь имѣетъ она съ вѣрою?“ Бухарцы женятся безъ всякаго предварительнаго знакомства жениха съ невѣстою: до свадьбы они никогда другъ друга не видятъ и знаютъ о себѣ только то, что они различнаго пола. Это еще не все: нерѣдко купецъ въ чужой странѣ женится только на то время, которое ему нужно пробыть въ ней и оставляетъ жену, какъ скоро наступитъ срокъ возвратиться на родину: чета разстается и оба ищутъ новаго союза.

Наше путешествіе отъ Окса въ Бухару было самое тягостное и безпокойное. Въ Кабуль

мы костенѣли отъ холода, а здѣсь почти сгарали отъ жара. Самый образъ нашего путешествія былъ чрезвычайно утомителенъ: верблюды идутъ вдвое тише лошади, следовательно мы употребляли вдвое болѣе времени на переходы, что чрезвычайно увеличивало усталость. Единственная лошадь, которая шла съ нами, была до того разбита, что нѣсколько разъ падала при въѣздѣ въ Бухару. Мы ѣхали также и по ночамъ, а сонъ на верблюдахъ тревоженъ и непродолжителенъ. Вода нрѣдко была у насъ самая дурная, а пища болѣею частью состояла изъ однихъ сухарей. Но всѣ эти неудобства приближались къ концу, и, прежде нежели мы прибыли къ вратамъ Бухары, воображеніе успѣло уже смѣнить ихъ на всѣ удобства жизни. Въ началъ нашего путешествія, на границахъ Индіи, мы съ безпокойствомъ помышляли о томъ, что насъ ожидало въ этомъ городѣ, равно какъ и другихъ отдаленныхъ мѣстахъ, чрезъ которыя лежала наша дорога; но по мѣрѣ слѣдованія, эти опасенія исчезали, и потомъ мы уже съ удивленіемъ смотрѣли на обширное пространство зе-

мель, которое прошли такъ безопасно и успѣшно. Бухара, нѣкогда казавшаяся намъ столь отдаленною, теперь была передъ нами: успѣхи, досель сопровождавшіе всѣ наши усилія, обнадеживали насъ счастливымъ окончаніемъ путешествія. Съ такими чувствами мы достигли вратъ этого великаго города Востока, часъ спуста по восхожденіи солнца, 27 Іюня 1832 г. Видъ Бухары не представляетъ ничего поразительнаго: богатая равнина, вокругъ нея лежащая, не имѣетъ никакихъ возвышенностей, и потому деревья скрываютъ отъ путешественника стѣны и мечети до самаго вступленія его въ столицу. Мы вошли вмѣстѣ съ караваномъ и остановились въ отдаленной части города, гдѣ нашъ посланный отыскалъ намъ квартиру.

ГЛАВА IX.

БУХАРА.

По прибытіи въ Бухару, первая забота наша состояла въ томъ, чтобъ перемѣнить одежду и во всемъ принаровиться къ правиламъ, предписаннымъ законами этой страны, хотя, можетъ быть, просьба къ министру и избавила бы насъ отъ необходимости такого примѣненія. Мы немедленно замѣнили свои чалмы некрасивыми овчинными шапками, а свои *каммарбанды* (пояса) грубымъ снуркомъ, или тесмою; также сняли верхнее платье и чулки, что въ священномъ городѣ Бухарь составляетъ внѣшнее различіе между невѣрными и правовѣрными. Узнавъ, что одни только Магоммедане имѣютъ право ѣздить въ стѣнахъ этой столицы, мы по внутреннему убѣжденію радостно соглашались

ходить пѣшкомъ, и такимъ ничтожнымъ пожертвованіемъ купить себѣ позволеніе жить сколько намъ было угодно въ городѣ, который въ стихахъ, * описывающихъ Самаркандъ всемірнымъ раемъ, названъ крѣпостью Ислама и вѣры. При нашемъ нечестіи и безсиліи, мы ни сколько не желали искущать тѣхъ, которые казались намъ, по крайней мѣрѣ по наружности, такими святошами. Одежда, описанная выше, въ Коранѣ нигдѣ не упоминается: она введена въ этихъ странахъ двумя столѣтіями позднѣе пророка, въ слѣдствіе предразсудковъ какого-то Калифа, который разсудилъ, что *правовѣрные* необходимо должны отличаться отъ всѣхъ не принадлежащихъ магоммеданству,

При вѣздѣ въ городъ насъ не обыскивали; но послѣ обѣда явился чиновникъ и позвалъ насъ къ министру. Товарищъ мой все еще былъ въ лихорадкѣ, и потому не могъ идти со мною; я отправился одинъ во дворецъ, гдѣ Визирь

* Самаркандъ зайкаль-и-руи заминъ астъ
Бухара куать-и-Исламъ уа динъ астъ.

жилъ вмѣстѣ съ государемъ, и терялся отъ изумленія при открывавшейся предо мною картинѣ въ то время, какъ меня вели по улицамъ Бухары до цитадели, отстоявшей мили на двѣ отъ нашей квартиры. Меня тотчасъ же допустили къ министру или къ такъ называемому Кушъ Бегу, т. е. господину всѣхъ Беговъ, пожилому челоуьку, пользующемуся здѣсь большимъ вліяніемъ. Онъ сидѣлъ въ небольшой комнатѣ, передъ которой былъ особый дворъ, и когда я вошелъ, то попросилъ меня сѣсть внѣ комнаты на мостовой и своимъ ласковымъ и внимательнымъ обращеніемъ совершенно ободрилъ меня. Жесткое сѣдалище и разстояніе, на которомъ я находился отъ министра, ни скелько меня не огорчили, тѣмъ болѣе, что сынъ его, пришедшій во время моего представленія, сѣлъ еще дальше меня. Я поднесъ визирю серебряные часы и кашмирскую одежду, которые и привезъ съ этимъ намѣреніемъ; но онъ отказался отъ того и другаго, говоря, что онъ рабъ своего государя. Около двухъ часовъ онъ спрашивалъ меня о моихъ собственныхъ дѣ-

лахъ и о цѣли, которая привела меня въ столь отдаленную страну. Я рассказалъ ему затверженную повѣсть о нашемъ путешествіи по направленію къ родинѣ и представилъ паспортъ отъ генераль-губернатора Индіи. Министръ прочиталъ его съ особеннымъ вниманіемъ. За этимъ я прибавилъ, что такъ какъ Бухара пользуется громкою славою между всеми восточными городами, то я почти нарочно пріѣхалъ въ Туркестанъ, чтобы посмотреть ее. „Чѣмъ же ты занимаешься?“ спросилъ министръ. Я отвѣчалъ, что служу офицеромъ въ индійской арміи. „Ну, такъ расскажи мнѣ“, возразилъ онъ, „чтонибудь такое, что ты знаешь и что видалъ.“ За этимъ онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о обычаяхъ и политикѣ Европы и въ особенности Россіи, съ которою онъ былъ хорошо знакомъ. Въ отвѣтъ на вопросы о нашемъ багажѣ я ехалъ неизлишнимъ предупредить его въ томъ, что имѣлъ при себѣ октантъ, и, опасаясь, что насъ станутъ обыскивать, спѣшилъ сказать ему, что возилъ этотъ инструментъ потому только, что люблю наблюдать звѣзды и другія небес-

ныя тѣла, представляющія самыя привлекательныя предметы для изученія. Это объясненіе возбудило вниманіе визиря: онъ началъ торопливо и убедительно просить меня объяснить ему благопріятнѣйшія сочетанія звѣздъ и предсказать цѣну на зерновой хлѣбъ въ будущемъ году. Я объяснилъ, что наша астрономія не сообщала намъ никакихъ подобныхъ свѣдѣній, и это, по видимому, очень огорчило его. Вообще онъ былъ весьма доволенъ всѣмъ, что я говорилъ ему о себѣ, и увѣрилъ меня въ своемъ покровительствѣ, однако же сказалъ, что на время нашего пребыванія въ Бухарь, онъ вынужденъ запретить намъ всякое употребленіе пера и чернилъ, ибо это могло ввести его государя въ недоразумѣніе и, слѣдовательно, повредить намъ самимъ. Потомъ онъ говорилъ, что дорога къ Каспійскому морю чрезъ Хиву была съ прошлаго года закрыта, и что если мы намѣрены ѣхать въ Россію, то должны избрать или путь, идущій на сѣверъ отъ Бухары, или дорогу, пролегающую чрезъ туркманскую

степь , ниже Оргенджа , къ Астрабаду на Каспійскомъ морѣ.

Черезъ два дня послѣ этого представленія , я былъ снова позванъ къ визирю и нашелъ его въ кругу многихъ почтенныхъ особъ , которымъ онъ , по видимому , хотѣлъ показать меня. Тутъ мы начали дѣлать такіе вопросы , изъ которыхъ я невольно заключилъ , что насъ подозрѣвали; а визирь даже въ шутку сказалъ мнѣ: „я полагаю , что ты писалъ о Бухарѣ.“ Разсказавъ ему при первомъ свиданіи всю истину , я не боялся разногласія въ своихъ словахъ , и потому смѣло отвѣчалъ присутствовавшимъ , что , желая посмотреть свѣтъ , я пріѣхалъ подивиться чудесамъ Бухары , и что , по милости визиря , уже успѣлъ осмотрѣть городъ и сады , которые находятся за его стѣнами. Министръ былъ доволенъ моею откровенностью и объявилъ мнѣ , что по вечерамъ онъ всегда будетъ радъ меня видѣть въ своемъ домѣ. За этимъ онъ спросилъ — не могу ли я показать ему какія нибудь рѣдкости , привезенныя изъ Индіи , или изъ мо-

его отечества. Въ отвѣтъ, я изъявилъ сожалѣніе, что не могъ исполнить его желанія; когда же возвратился домой, то мнѣ пришло на мысль, что любознательному визирю, вѣроятно, пріятно будетъ взглянуть на мой новый патентованный компасъ со всеми его многочисленными винтиками и рефлекторами. Вмѣстѣ съ этимъ я подумалъ, что этотъ же самый инструментъ своею замысловатостію можетъ повести министра и къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ. Однако же, не взирая на это, я положилъ компасъ въ карманъ и, тотчасъ же отправившись къ визирю, сказалъ ему, что имѣлъ, какъ мнѣ казалось, вещь, которая могла быть для него любопытною, и съ этими словами показалъ ему свой инструментъ, совершенно новый и превосходно-сдѣланный. Я объяснилъ ему его употребленіе и пользу, и такъ удачно выставилъ на видъ его достоинства, что визирь, совершенно забывъ, что онъ рабъ своего государя, не державшій ничего принимать отъ постороннихъ лицъ, началъ усердно торговать его. Но я увѣрилъ министра, что нарочно привезъ ему

эту вещь изъ Индустана въ подарокъ, ибо, зная его усердіе къ вѣрѣ, я думалъ, что она дастъ ему возможность опредѣлять съ точностію положеніе Мекки и повѣрять киблу большой мечети, которую онъ въ то время воздвигалъ въ Бухарь. Къ этому я прибавилъ, что не могъ ничего принять въ замѣнъ своего приношенія, ибо вполне былъ вознагражденъ его покровительствомъ. Кушъ Беги спряталъ компасъ съ поспѣшностью и нетерпѣніемъ ребенка и сказалъ, что тотчасъ же представить его государю и опишетъ ему всю изобрѣтательность нашей націи. Такимъ образомъ исчезъ одинъ изъ моихъ компасовъ — прекрасное произведеніе Шмалкальдера; но, кажется, я былъ вполне вознагражденъ за такое пожертвованіе, тѣмъ болѣе, что у меня находился другой экземпляръ этого инструмента. Если бы мы вздумали жить въ Бухарь скрытно, или разыгрывать какую нибудь ложную роль, то, вѣроятно, чувства наши не были бы такъ покойны, и мы подобно совамъ рѣшались бы показываться только ночью. Послѣ же описаннаго мною свиданія съ мини-

стромъ, мы смѣло выходили изъ дому, прогуливались среди благо-дня и безопасно осматривали весь городъ.

Обыкновеннымъ мѣстомъ моихъ вечернихъ прогулокъ въ Бухарь былъ *Регистанъ*: этимъ именемъ названа просторная площадь въ городѣ передъ дворцемъ, стоящимъ съ одной ея стороны. По двумъ другимъ сторонамъ расположены массивныя зданія—коллегіи ученыхъ; а на четвертой бьетъ фонтанъ, осыненный высокими деревьями. Здѣсь, вокругъ товаровъ Европы и Азіи, разложенныхъ для продажи, собираются все праздные люди и все охотники до новостей. Чтобъ ознакомиться съ Узбеками и жителями Бухары, иностранцу стоитъ только сѣсть на одну изъ скамеекъ Регистана: тамъ онъ найдетъ уроженцевъ Персіи, Турціи, Россіи, Татаріи, Китая, Индіи и Кабула, встрѣтитъ Туркмановъ, Калмыковъ и Кайсаковъ изъ соседнихъ степей, также какъ и уроженцевъ земель болѣе плодоносныхъ, и увидитъ всю разницу между утонченными обычаями поддан-

ныхъ великаго государя и между грубыми нравами кочующихъ Татаръ. Тамъ представляется ему Узбеки изъ всѣхъ областей Мауаръ-уль-Нура, и по ихъ физиономіямъ онъ составитъ себѣ понятіе о перемѣнахъ, производимыхъ временемъ и мѣстомъ въ племенахъ народовъ. Въ бухарскомъ Узбекъ трудно узнать Турка, или Татарина, по причинѣ примѣси къ нему персидской крови. Жители странъ, прилежащихъ къ Жокану, претерпѣли меньшее измѣненіе; а уроженцы Оргенджа, древняго Харесма, удерживаютъ въ своихъ чертахъ суровость, имъ однимъ свойственную: ихъ всегда можно узнать по чернымъ овчиннымъ шапкамъ, имѣющимъ около фута высоты. По временамъ красная борода, сѣрые глаза, бѣлая кожа обратятъ на себя взоры путешественника, или вниманіе его привлечетъ бѣдный Русскій, утратившій свободу и родину и влачащій здѣсь бѣдственную жизнь невольника. Иногда вы замѣтите въ такомъ же положеніи Китайца, въ чалмѣ и съ обстриженною косою: онъ, также какъ и другіе пльнники, разыгрываетъ роль музульманина.

За тѣмъ слѣдуетъ Индусъ въ одеждѣ, столько же несвойственной ему самому, сколько и его отчизнѣ: небольшая четырехугольная шапка и снурокъ вмѣсто пояса отличаютъ его отъ Магомеданъ и, какъ объяснить вамъ каждый музульманинъ, предостерегаютъ правовѣрныхъ отъ оскверненія ихъ обычнаго привѣтствія, обращеніемъ его къ идолопоклоннику. Кромѣ этого отличія, уроженца Индіи можно еще узнать по его уклончивому взору и старанію избѣгать всякаго сообщенія съ толпою: онъ сближается только съ немногими, находящимися въ одинаковыхъ съ нимъ обстоятельствахъ. Евреи отличаются также рѣзко, какъ и Индусы; въ одеждѣ ихъ есть разница: шапки они носятъ остроконечныя. Больше же всего ихъ отличаетъ известный типъ еврейскаго народа. Въ Бухарѣ это племя замѣчательно необыкновенною красотою, и мнѣ не разъ случалось встрѣчать въ своихъ прогулкахъ прекрасную Ревекку съ густыми локонами, опускавшимися на плечи и придававшими лицу еще болѣе прелести. Въ Бухарѣ считается до 4000 тысячъ Евреевъ, вы-

шедшихъ изъ Мешеда въ Персіи и бѣльшую частью занимающихся окрашиваніемъ тканей. Съ ними обращаются также какъ съ Индусами. Скитающіеся Армяне, отличающіеся особенною одеждою, служатъ представителями своей бродящей націи; но ихъ не много въ Бухарѣ. За этими исключеніями путешественникъ видитъ на бухарскихъ базарахъ толпы осанистаго, красиваго и хорошо одѣтаго народа—Магоммеданъ Туркестана. Большія бѣлая чалмы, *чога* или шуба какого нибудь темнаго цвѣта, надѣтая сверхъ трехъ, или четырехъ ей подобныхъ, составляетъ обыкновенную ихъ одежду. Въ Регистанѣ же, находящемся передъ дворцемъ, Узбеки любятъ являться передъ жилищемъ своего государя въ пестрыхъ шелковыхъ нарядахъ, называемыхъ *адрасъ* и сшитыхъ изъ самыхъ ярко-цвѣтныхъ матерій, подходящихъ подъ вкусъ однихъ только Бухарцевъ. Нѣкоторые изъ вельможъ одѣваются въ парчу. Сановниковъ, облеченныхъ милостью государя, всегда можно узнать по тому, что имъ дается право вѣзжать въ цитадель на лошадяхъ; между тѣмъ какъ всѣ дру-

гіе должны оставлять ихъ за воротами. Все особы, посѣщающія бухарскаго повелителя, обыкновенно отправляются во дворець въ сопровожденіи рабовъ, которые по большой части состоятъ изъ Персіанъ, или ихъ потомковъ, и имѣють совершенно особенный типъ. Здѣсь даже говорятъ, что, по крайней мѣрѣ, три четверти жителей Бухары имѣють рабское происхожденіе, ибо изъ всѣхъ плѣнниковъ, привозимыхъ изъ Туркестана и Персіи; только весьма немногіе получаютъ позволеніе возвращаться на родину, и, если вѣрить общей молвѣ, то большая часть изъ нихъ этого и не желаетъ. Жители Бухары преимущественно являются въ городѣ на лошадяхъ; но какъ верхомъ, такъ и пѣшкомъ, они всегда носятъ сапоги съ такими высокими и узкими каблуками, что я едва могъ не только ходить, но даже и стоять на нихъ: они имѣють около одного съ половиною дюйма вышины, а въ основаніи не болѣе полдюйма и составляютъ непремѣнную принадлежность національнаго узбекскаго наряда. Многіе изъ знатныхъ особъ носятъ сверхъ сапогъ баш-

маки, которые снимаютъ при входѣ въ домъ. Говоря о жителяхъ Бухары, я не могу забыть женщинъ: онѣ большею частью ѣздятъ на лошадахъ, садясь въ сѣдло какъ мужчины; не многія ходятъ пѣшкомъ, и всѣ покрываются черными волосяными покрывалами. Неудобство смотреть сквозь такія власяницы заставляетъ ихъ приглядываться къ встрѣчающимся, какъ въ маскарадѣ. Здѣсь никто не смѣетъ говорить съ ними; если же проходитъ кто нибудь изъ царскаго гарема, то встрѣчающимся предписывается смотреть въ сторону, а въ противномъ случаѣ ударъ по головѣ напомнитъ имъ объ исполненіи: такъ недоступны даже и для взора красавицы въ Бухарѣ.

Изъ этого описанія читатели могутъ составить нѣкоторое понятіе о наружномъ видѣ жителей Бухары, гдѣ по улицамъ съ утра до ночи кипитъ глухо-шумящая толпа, изумляющая многочисленностью движущагося въ ней народа. Въ срединѣ Регистана продаются плоды подъ тѣнью четырехугольныхъ рагожныхъ

навѣсовъ, поддерживаемыхъ подпорками, и путешественникъ невольно удивляется хлопотливости торговцевъ виноградомъ, дынями, абрикосами, яблоками, персиками, грушами и сливами, отпускающихъ свой товаръ непрерывному ряду покупателей. Вы съ трудомъ можете пройти по улицѣ и безпрестанно рискуете попасть подъ лошадь, или подъ осла. Эти послѣднія животныя здѣсь необыкновенно красивы и бѣгаютъ довольно скорою рысью подъ сѣдоками и вьюками. Повсюду ѣздятъ взадъ и впередъ тележки легкой постройки, ибо ширина улицъ позволяетъ употреблять экипажи на колесахъ. Въ каждой части базара есть люди, занимающіеся приготовленіемъ чая, который настаивается въ большихъ европейскихъ самоварахъ вмѣсто чайниковъ и подогревается посредствомъ металлической трубы. Страсть Бухарцевъ къ чаю выше всякаго сравненія; они пьютъ его вездѣ и во всякое время и притомъ на полдюжину разныхъ способовъ: съ сахаромъ и безъ сахару, съ лимономъ и безъ лимона, съ жиромъ, съ солью и т. д. Кромѣ продавцевъ этого теплаго

напитка, еще можно встретить торговцев *ра-затъ* и *джаномъ* или радостью жизни. Это виноградное желе или сиропъ, смѣшанный съ толченымъ льдомъ. Изобиліе льда составляетъ одно изъ величайшихъ наслажденій въ Бухарь, гдѣ его всегда можно достать до самаго наступленія холоднаго времени, когда въ немъ нѣтъ уже надобности. Въ зимнюю пору имъ набиваютъ ледники и продаютъ льдомъ по цѣнѣ доступной для каждаго бѣдняка. Безъ льда никто и не думаетъ пить воду въ Бухарь, а потому не рѣдко случается видѣть нищихъ, которые покупаютъ ледъ и въ то же время, опиывая свое убожество, просятъ милостины у проходящихъ. Смотри на огромныя массы этого товара, лежащаго грудями въ лавкахъ, чувствуешь какое-то освѣженіе подъ здѣшнюю температуру воздуха въ 90°. Долго было бы описывать всѣ классы торговцевъ, а потому достаточно сказать, что въ Регистанъ можно достать почти все: и галантерейные и ножевые товары европейскаго производства, хотя впрочемъ довольно грубые, и китайскій чай, и индійскій

сахаръ и мавильскія пряности. Здѣсь можно пайдти и мудрость персидскую и турецкую : стоитъ только отправиться въ книжныя лавки, гдѣ ученые со вниманіемъ разсматриваютъ , или только показываютъ видъ , что разсматриваютъ , истертыя страницы рукописей. Вечеромъ , удаляясь отъ этой шумной толпы въ болѣе уединенныя части города , путешественникъ то вступаетъ подъ арки опустѣлыхъ базаровъ , то проходитъ мимо мечетей , вѣнчаныхъ красивыми куполами и украшенныхъ всемъ , что только допускаютъ Магомедане въ своей архитектурѣ. Въ этихъ мечетяхъ по закрытіи базаровъ толпы собираются на вечернюю молитву. При входахъ въ училища, построенныя преимущественно противъ мечетей, вы увидите искателей знанія, отдыхающихъ послѣ дневныхъ своихъ занятій, не столь, однако же, веселыхъ какъ студенты европейскихъ университетовъ , ибо это по большой части важные и пожилые люди, отличающіеся бѣльшимъ педантизмомъ и не мѣньшими пороками отъ молодыхъ людей другихъ частей свѣта. Съ наступленіемъ суме-

рекъ исчезаетъ вся картина суеты и хлопотъ, раздается грохотъ дворцоваго барабана, ему вторятъ другіе во всѣхъ частяхъ города, и за этимъ въ опредѣленный часъ никто не имѣетъ права выходить безъ фонаря на улицу. Отъ этой мѣры полиція въ городѣ превосходна: подъ ея присмотромъ огромные тюки тканей лежатъ всю ночь на прилавкахъ въ совершенной безопасности. Мертвая тишина царствуетъ до самаго утра, но съ разсвѣтомъ снова начинается суматоха въ Регистанѣ. День открывается бражничаніемъ и чаемъ; сотни ребятишекъ съ ослами, нагруженными молокомъ, спѣшатъ со всѣхъ сторонъ къ хлопотливой толпѣ на базаръ, гдѣ и продаютъ свой товаръ въ небольшихъ сосудахъ вмѣстѣ со сливками. Обыкновенно каждый мальчикъ приносить отъ двадцати до тридцати такихъ сосудовъ на лоткѣ, привѣшанномъ чрезъ плечо на палкѣ. Какъ бы велико ни было количество привозимаго молока, оно быстро исчезаетъ предъ чаепійцами этого великаго города.

Вскорѣ послѣ пріѣзда въ Бухару, я поспѣтилъ нашихъ попутчиковъ—чайныхъ купцовъ которые помѣстились въ каравансараѣ и занялись раскупоркою, выхваливаніемъ и продажею своего товара. Они тотчасъ же послали на базаръ за льдомъ и абрикосами: мы съѣли и всѣ вмѣстѣ наслаждались ими. Одинъ изъ вошедшихъ покупателей, принявъ меня также за чайнаго купца, обратился ко мнѣ и просилъ показать ему сорты моего товара. Его требованіе много позабавило насъ; но мы не стали выводить его изъ заблужденія и продолжали разговоръ. Онъ рассказывалъ намъ всѣ новости: говорилъ о послѣднихъ побѣдахъ государя, при Шаръ Сабзъ и объ угрозахъ Персіянъ сдѣлать набѣгъ на Бухару, и во все время принималъ меня за Азіятца. Эти купцы отдали намъ визитъ, а за ними приходили многія другія особы, любопытствовавшія насъ видѣть. Такъ какъ намъ запрещено было писать, то всѣ подобныя посѣщенія были необыкновенно пріятны для насъ, и еще болѣе потому, что всѣ гости наши были чрезвычайно разговорчивы. Узбеки

просты въ обращеніи , а потому съ ними не трудно сблизиться , не смотря на то , что въ голосѣ ихъ есть что-то особенное , заставляющее съ перваго раза думать , что они говорятъ какъ будто бы съ презрѣніемъ , или досадою . Насъ они никогда не встрѣчали обычными у Магоммеданъ выраженіями , а всегда употребляли для этого особыя выраженія , изъ коихъ самыя обыкновенными были слѣдующія : „да увеличится твое богатство — *доулатъ зіада* ,“ или „умръ даразъ — да продлится жизнь твоя .“ Но , не взирая на это , они неизмѣнно проговаривали *фата* или молитву изъ Корана , протянувъ впередъ руки и ударивъ себя по бородѣ ; мы съ своей стороны повторяли то же самое , прежде чѣмъ сѣли съ ними . Многіе изъ посѣщавшихъ насъ изъявляли сомнѣніе на счетъ нашего званія ; но это не препятствовало имъ откровенно говорить съ нами обо всемъ , начиная съ политики ихъ государя до состоянія базаровъ . Простяки ! они думаютъ , что лазутчикамъ необходимо только вымѣривать ихъ крѣпости и стѣны , а того не понимаютъ , какъ важны раз-

говору. При такой готовности нашихъ посѣтителей отвѣчать на все вопросы, мнѣ было не скучно объяснять имъ обычаи Европы; но я посоветую каждому путешественнику приобрести добрый запасъ общихъ свѣдѣній, прежде чѣмъ онъ рѣшится на странствованіе по Востоку: ему необходимо имѣть хотя поверхностное понятіе о торговлѣ, искусствахъ, наукахъ, религій, медицинѣ и, словомъ, обо всемъ. Отвѣтъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда лучше отрицанія: всякое незнаніе, истинное или притворное, принимается здѣсь за умышленную скрытность.

Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, я посѣтилъ невольничій базаръ Бухары, который бываетъ каждую субботу утромъ. Узбеки ведутъ все свои дѣла чрезъ посредство невольниковъ, которыхъ большею частью привозятъ Туркмены изъ Персіи. Здѣсь выставляютъ этихъ несчастныхъ на продажу, размѣщая ихъ въ тридцати, или сорока балаганахъ, гдѣ покупатели осматриваютъ ихъ какъ животныхъ, съ тою только разницею, что этотъ то-

варь самъ даетъ о себѣ отчетъ *viva voce*. Я пришелъ на базаръ утромъ; тутъ было только шестеро несчастныхъ и мнѣ удалось видѣть, какъ ихъ продали: прежде всего невольниковъ спрашиваютъ объ ихъ родинѣ, потомъ, какъ они были захвачены и наконецъ музульмане ли они, т. е. Суниты ли? Послѣдній вопросъ предлагаютъ здѣсь потому, что Узбеки не признаютъ Шитовъ за правовѣрныхъ и, подобно христіанамъ первыхъ временъ, презираютъ сектантовъ болѣе, чѣмъ язычниковъ. Когда покупатель увѣрится, что невольникъ принадлежитъ къ числу невѣрныхъ (каффировъ), то осматриваетъ его тѣло, наблюдая въ особенности, чтобы онъ не имѣлъ проказы, столь обыкновенной въ Туркестанѣ, и потомъ уже начинаетъ торговаться въ цѣнѣ. При мнѣ продавали трехъ персидскихъ мальчиковъ за тридцать золотыхъ *тиль* * каждого, и я удивлялся, съ какимъ равнодушіемъ смотрѣли они на судьбу свою. Одинъ изъ нихъ рассказывалъ о томъ, какъ его схва-

* 200 рупій—20 фунтовъ стерлинговъ.

тили на югъ отъ Мешеда , въ то время, когда онъ пасъ стада; а другой, вслушавшись въ разговоръ зрителей о маломъ числѣ невольниковъ въ продажѣ, сказалъ , что ихъ захватили въ большомъ числѣ. На это товарищъ его возразилъ съ нѣкоторымъ чувствомъ : „ты судишь объ этомъ , также какъ и я, только по своему собственному несчастію; а эти люди знаютъ лучше насъ.“ На базарѣ была еще одна несчастная дѣвушка , долго-находившаяся въ услуженіи и теперь поступавшая въ продажу по причинѣ бѣдности ея хозяина. Я увѣренъ, что много слезъ пролито на дворѣ этого базара ; но , вмѣстѣ съ этимъ , не могу не сказать , что здѣсь вообще хорошо обращаются съ невольниками : это подтверждается тѣмъ , что многіе изъ нихъ, получая право возвратиться на родину, остаются навсегда въ Бухарь. Невольничьи базары Бухары преимущественно снабжаются изъ Оргенджа ; на нихъ также продаются и Китайцы, хотя довольно рѣдко. Торговля эта оскорбляетъ чувства Европейца , но Узбеки не имѣютъ подобныхъ понятій: они ду-

мають, что, покупая Персіянина, они дѣлають ему большое благодареніе, въ особенности, если видать, что онъ отказывается отъ своихъ еретическихъ мнѣній.

Съ невольничьяго рынка я прошелъ на большой базаръ: первое, что тутъ обратило на себя мое вниманіе, было наказаніе преступившихъ законъ Магоммеда въ минувшую пятницу. Четверо изъ нихъ были найдены спящими во время молитвы, а пятый, молодой человекъ, куриль среди народнаго сходбища. Ихъ вели, привязавъ одного къ другому; курившій шелъ впереди и держалъ въ рукахъ *хука*хъ или трубку, а полицейскій офицеръ слѣдовалъ сзади и наказывалъ ихъ толстою плетью, громко провозглашая: „последователи Ислама, смотрите, какъ наказуются нарушители закона!“ Не смотря, однако же, на такую строгость, ни въ чемъ нѣтъ столько противорѣчій и нелѣпостей, какъ въ самой вѣрѣ Бухарцевъ и въ примѣненіи ся къ дѣлу. Вы можете открыто покупать табакъ и всѣ принадлежности куренія; но если васъ увидятъ

курящими на улицѣ, то немедленно отведуть къ Кази и накажутъ плетью, или съ вычерненнымъ лицомъ посадятъ на осла и повезутъ по улицамъ въ предостереженіе жителей. Если кто вздумаетъ гонять голубей въ пятницу и будетъ на этомъ пойманъ, то его возятъ на верблюде, привязавъ на шею мертваго голубя. Если кого найдутъ во время молитвы на улицѣ и уличать, что это произошло отъ привычнаго небреженія, то подвергаютъ немедленному штрафу и тюремному заключенію. Не смотря однако же на это, цѣлыя толпы закоренѣлыхъ негодяевъ бродятъ по вечерамъ на улицахъ съ цѣлями, столько же противными Корану, сколько и природѣ. Я сказалъ, что здѣсь все представляетъ рядъ противорѣчій; но ни что не поражаело меня такъ, какъ наказаніе виновныхъ, которыхъ торжественно и всенародно водятъ мимо тѣхъ самыхъ воротъ невольничьяго базара, гдѣ люди поставлены на одну степень съ скотами какъ въ противность всѣмъ законамъ челоѣчества, такъ и вопреки законамъ Магоммеда.

Бухарскіе Индусы искали нашего сообщества, ибо этотъ народъ, по видимому, привыкъ уже смотреть на Англичанъ какъ на существа, прѣвосходящія ихъ отъ природы. Они посѣщали насъ во всѣхъ странахъ, чрезъ которыя мы проходили, и не говорили съ нами иначе, какъ поиндустански, что было залогомъ нашего союза съ ними. Въ Бухарь, какъ мнѣ казалось, они пользуются терпимостью, по крайней мѣрѣ такою, которая достаточна, чтобъ упрочить ихъ благоеостояніе, хотя исчисленіе стѣсненій, которыми они здѣсь подвергаются, можетъ съ перваго взгляда показаться гоненіемъ. Такъ имъ не позволено строить храмовъ, ставить идоловъ и учреждать процессій; они не имѣютъ права ѣздить въ стѣнахъ города и должны носить особенное платье; они платятъ *джизіа* или поголовную подать, которая простирается отъ четырехъ до восьми рушій въ годъ; впрочемъ ей подлежатъ всѣ не исповѣдующіе магоммеданизма; они не смѣютъ оскорблять Магоммеданъ, или дурно обращаться съ ними. Если государь проезжаетъ въ той части города, которая населена ими, то

они должны выходить изъ домовъ и привѣтствовать его, желая ему здравія и благоденствія; если же они встрѣчаются съ его величествомъ, или съ Казн за городомъ, то обязаны сходить съ лошадей. Они не могутъ покупать невольницъ, дабы правовѣрная женщина не была осквернена невѣрующимъ и, наконецъ, имъ не позволено перевозить свои семейства за Оксъ. За такія пожертвованія Индусы живутъ спокойно въ Бухаръ и во всѣхъ тяжбахъ и слѣдственныхъ дѣлахъ пользуются правосудіемъ наравнѣ съ Магоммеданами. О насильственномъ ихъ обращеніи въ Исламизмъ мнѣ не случилось слышать, чтобы хотя въ теченіи трехъ, или четырехъ лѣтъ чловѣка три, или четыре перемѣнили свою вѣру. Они вообще поведенія самаго трезваго и хорошаго; судя по ихъ неизмѣнной важности, можно подумать, что они дали обѣтъ никогда не смѣяться. Бухарскіе Индусы сами выхваляютъ свои льготы и вполне довольны своимъ быстрымъ обогащеніемъ, не смотря на то, что при этомъ они жертвуютъ многими своими предразсудками. Въ Бухаръ

считается ихъ около 300 человекъ, живущихъ въ своемъ собственномъ каравансаравъ, и большею частью пришедшихъ изъ Шикарпура, въ Синдъ. Въ послѣдніе годы число ихъ замѣтно увеличилось. Узбеки и вообще всѣ Магомедане сознаютъ себя побѣжденными способностью къ промышленности этого народа, который пускаетъ въ оборотъ огромныя суммы изъ самыхъ ничтожныхъ барышей.

Въ числѣ бухарскихъ Индусовъ насъ посѣщала одинъ дезертиръ остъ-индской бомбейской арміи. Онъ далъ обѣтъ поклониться всѣмъ святынямъ индустанскаго міра и теперь пробирался къ огненнымъ храмамъ на берега Каспія. Зная многихъ офицеровъ того полка, къ которому онъ принадлежалъ (24. N 1), я съ удовольствіемъ услышалъ знакомыя мнѣ имена ихъ въ этомъ отдаленномъ городѣ. Разказы этого человека о его странствованіяхъ и приключеніяхъ были необыкновенно любопытны, тѣмъ болѣе, что онъ передавалъ ихъ со всею откровенностью, ибо не боялся, чтобъ я могъ донести о немъ,

или задержать его. Я смотрѣлъ на этого бѣглеца какъ на брата по оружію, а онъ доставилъ мнѣ много удовольствія повѣствованіемъ о моемъ *пріятель* Мурадъ Бегъ кундузскомъ, съ которымъ онъ нѣсколько разъ ходилъ въ походы въ званіи бомбардира. Этотъ человекъ при первой встрѣчѣ со мною былъ въ одеждѣ богомольца; но солдатскую выправку можно узнать и въ Бухарѣ.

Домъ, гдѣ мы помѣщались, былъ чрезвычайно малъ и, кромѣ того, закрытъ со всѣхъ сторонъ другими строеніями; но мы объ этомъ ни сколько не горѣвали, ибо имѣли случай часто видать одну туркійскую красавицу — прекрасную молодую женщину, часто прогуливавшуюся на одномъ изъ соседнихъ балконовъ, и предполагавшую, что ее никто не видитъ. По временамъ она даже притворно убѣгала во внутренніе покои; но, не смотря на это, любопытство часто направляло ея взгляды на Фиринджисовъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ вся безопасность была на нашей сторонѣ, то она насъ

ни сколько не беспокоила; мы сожалѣли только о томъ , что по отдаленности не могли обратиться къ ней „сладкую музыку рѣчи.“ Женщины въ Бухарѣ красятъ зубы черною краскою, заплетаютъ волосы и распускаютъ косы по плечамъ. Одежда ихъ мало отличается отъ мужской: онѣ носятъ точно такія же шубы, и вся разница въ одѣяніи состоитъ только въ томъ , что онѣ не надѣваютъ рукавовъ, а завязываютъ ихъ сзади; онѣ носятъ, даже и въ своихъ покояхъ, высокіе сапоги, сшитые изъ бархата съ богатыми украшеніями. Мнѣ всегда казалось страннымъ такое обыкновеніе: женщины, обреченныя на вѣчное заточеніе, обуваются здѣсь такъ , какъ будто онѣ собираются въ дальнюю дорогу! На головѣ онѣ носятъ большія сълыя чалмы, а лицо завѣшиваютъ покрывалами и, вѣроятно, много прекрасныхъ лицъ цвѣтеть и увядаетъ втайнѣ. Щегольство красотою, занимающее столь много времени у женщинъ другихъ странъ, здѣсь совершенно неизвѣстно. Тутъ человѣкъ имѣетъ полное право застрѣлить своего сосѣда, если въ неуказанный часъ увидитъ его на бал-

конъ ; за малѣйшимъ подозрѣніемъ слѣдуетъ убійство : законы Корана въ отношеніи къ женщинамъ исполняются со всею строгостью. Однако же ревность не есть еще самый худшій порокъ въ Узбекахъ.

Во время моего путешествія по Кабулу я часто наслаждался роскошью бань по обычаю восточныхъ жителей. Въ Бухарь я также позволялъ себѣ это удовольствіе ; но тутъ меня впускали только въ извѣстныя бани, ибо здѣшнія духовныя особы утверждаютъ , что во всѣхъ прочихъ вода превратится въ кровь, какъ скоро онѣ будутъ осквернены женщиною, или неправовѣрнымъ. Восточныя бани такъ хорошо извѣстны , что мнѣ нѣтъ надобности ихъ описывать подробно. Способъ мытья чрезвычайно страненъ : вась раскладываютъ во весь ростъ , трутъ волосяными щетками , скребутъ , колотятъ , ломаютъ , и все это необыкновенно освѣжаетъ тѣло. Бани въ Бухарь чрезвычайно просторны: онѣ состоятъ изъ множества небольшихъ комнатъ со сводами , устроенныхъ

вокругъ большой круглой залы съ куполомъ
 и нагрѣваемыхъ до различныхъ температуръ.
 Днемъ свѣтъ проходитъ сквозь разноцвѣтныя
 стекла въ куполь, а ночью одной лампы доста-
 точно для освѣщенія всѣхъ отдѣловъ. Въ той
 части круга, которая обращена къ Меккѣ, устрое-
 на мечеть, гдѣ роскошный Магоммеданинъ мо-
 жетъ возносить свои молитвы, наслаждаясь од-
 нимъ изъ обѣтованныхъ благъ пророкова рая.
 Въ Бухарѣ считается восемнадцать бань; но не
 многія изъ нихъ построены въ большомъ раз-
 мѣрѣ. Онѣ по большей части приносятъ по
 150 тиллъ (1000 рупій) гѣдоваго доходу. Каж-
 дый, входящій въ баню, платитъ ея содержате-
 лю десять бронзовыхъ монетъ, коихъ на рупію
 полагается 135. Следовательно, за одну тиллу
 могутъ вымыться сто человекъ, а за 150 тиллъ
 15,000 человекъ въ каждой банѣ; въ восемнад-
 цати же баняхъ ежегодно наслаждается этою
 роскошью 270,000 человекъ. Здѣсь, однако же,
 бани открыты только на полгода, въ продолже-
 ніе холодныхъ мѣсяцевъ. Бѣдный классъ жите-
 лей не въ состояніи пользоваться ими.

Гуляя по городу, я не забывалъ являться къ министру для засвидѣтельствованія ему моего почтенія. Др. Жерардъ дней чрезъ десять послѣ нашего прїезда поправился здоровьемъ и былъ уже въ состояніи сопровождать меня въ этцхъ визитахъ. Визирь, подобно кабульскому Науабу, любопытствовалъ знать о приготовленіи разныхъ лекарствъ и пластырей и просилъ доктора сообщить ему эти свѣдѣнія. При этомъ случаѣ мы убѣдились, что, приблизившись къ Европѣ, мы вступили въ страну болѣе образованную, ибо узнали, что Визирь получалъ хининъ и другія лекарства изъ Константинополя. Мы бывали у Визиря и въ такое время, когда онъ занимался дѣлами, и видѣли, какъ онъ занималъ пошлину съ купцовъ, съ которыми здѣсь вообще обращаются чрезвычайно снисходительно. Они обыкновенно представляютъ кипы тканей, изъ коихъ каждый сороковой кусокъ поступаетъ въ казну въ видѣ пошлины: это даетъ торговцамъ ту выгоду, что они не платятъ чистыми деньгами. Чтобы избавиться отъ платежа пошлины, Магоммеданину стоитъ только произ-

нести имя пророка, ударить себя по бородѣ и сказаться бѣднякомъ. Такъ при насъ одинъ купецъ говорилъ, что онъ обремененъ долгами и можетъ привести свидѣтелей, которые подтвердятъ справедливость словъ его. Министръ отвѣчалъ: „Намъ не нужно твоихъ свидѣтелей; дай только клятву.“ Купецъ поклялся, всѣ воскликнули: „Великъ Богъ!“ потомъ прибавили „фата“ и сполна возвратили ему товары. Здѣсь, однако же, при всей моей склонности хорошо думать о жителяхъ Востока и при всемъ добромъ о нихъ мнѣніи, основанномъ на ближайшемъ знакомствѣ съ ними, я долженъ сказать, что они не совершенно чужды лживости и что клятвы ихъ не всегда чистосердечны. Никто такъ охотно не благопріятствуетъ торговлѣ, какъ правители Бухары: въ царствованіе послѣдняго государя пошлину взимали не прежде, какъ по разпродажѣ товаровъ, также какъ по закладной системѣ британской таможи. Визирь въ этотъ разъ долго разговаривалъ со мною о торговлѣ между Британією и Бухарією, изъявилъ желаніе распространить и

усилить сообщенія между этими странами, и просилъ меня прѣхать опять уже въ качествѣ торговаго посланника и не забыть привезть ему пару хорошихъ очковъ, которыя могли бы помочь ему при чтеніи Корана. Я не забылъ этой послѣдней просьбы, и думаю, что книга Пророка теперь возрасла въ глазахъ Визиря къ полной радости его сердца. Въ скоромъ времени наше сближеніе съ министромъ приняло такой видъ, что мы могли ожидать отъ него всего хорошаго; по этому я, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, выразилъ ему свое желаніе представиться къ государю. Это дѣло было чрезвычайно щекотливое: казалось, Визирь боялся, чтобъ мы не сдѣлали его повелителю такихъ предложеній, которыя скрывали отъ него самага. „Я тоже что и Эмиръ,“ сказалъ онъ (такъ называютъ здѣсь государя), „а потому если у васъ нѣтъ особенныхъ дѣлъ, до него касающихся, то что вамъ, путешественникамъ, дѣлать при дворѣ?“ Я сказалъ ему, что намъ былобы любопытно взглянуть на него; но онъ не удостоилъ насъ такой чести, и его отказъ былъ уже достаточень, чтобъ отказать отъ дальнѣйшей просьбы.

Я, однако же, рѣшился, во что бы то ни стало, посмотреть на бухарскаго владыку, и для этого въ слѣдующую пятницу въ полдень отправился въ большую мечеть, построенную Тамерланомъ, гдѣ и видѣлъ его величество со всѣмъ его дворомъ при выходѣ отъ молитвы. Государю, по видимому, не болѣе тридцати лѣтъ; видъ его не имѣетъ съ собою ничего пріятнаго: глаза его малы, лице худощаво и блѣдно. На немъ былъ простой шелковый *адрасъ* и бѣлая чалма, на которую онъ иногда надѣваетъ эгретъ алмазныхъ перьевъ. Передъ государемъ несли Коранъ; два человека шли предъ нимъ съ золотыми булавами, также какъ и двое другихъ, слѣдовавшихъ позади; люди эти громкимъ голосомъ провозглашали: „Молите Бога, чтобъ повелитель правовѣрныхъ поступалъ правосудно!“ Свита его не превышала ста человекъ; большая часть изъ нихъ была одѣта въ русскую парчу; каждый чиновникъ имѣлъ при себѣ мечъ съ богатымъ украшеніемъ или, лучше сказать, ножъ, служащій въ этой странѣ знакомъ отличія. Теперешній государь окружаетъ себя торже-

ственностию болѣе, нежели кто либо изъ его предшественниковъ; но въ храмъ и во всѣхъ религіозныхъ церемоніяхъ онъ предпочитаетъ смиреніе. Народъ раступался, тѣснясь по сторонамъ улицъ при его приближеніи; Бухарцы, ударяя себя по бородѣ, желали благоденствія его величеству; въ этомъ и я присоединился къ нимъ. Богодуръ-Ханъ, — такъ называютъ здѣсь этого государя, — стоитъ чрезвычайно высоко во мнѣніи народномъ: онъ при восшествіи на престолъ роздалъ все свое богатство; онъ, не будучи столько преданъ ханжеству, сколько отецъ его Миръ Гайдеръ, строго исполняетъ все обряды своей вѣры и во всемъ слѣдуетъ предписаніямъ Корана, и, если вѣрится молвъ, живетъ только поголовною податюю, собираемою съ Евреевъ и Индусовъ. Говорятъ, что все государственные доходы Бухары расходятся на содержаніе муллъ и мечетей; но этотъ молодой государь имѣетъ характеръ честолюбивый и воинственный, а потому, мнѣ кажется, гораздо вѣроятнѣе, что онъ употребляетъ свои сокро-

вища для содержанія войска и для увеличенія власти.

Жизнь бухарскаго государя менѣе завидна , чѣмъ жизнь всякаго частнаго челоуѣка. Воду, которую онъ пьетъ, обыкновенно приносятъ два офицера изъ рѣки , въ кожаныхъ, запечатанныхъ мѣхахъ, къ визирю, который распечатываетъ се, даетъ пить своимъ прислужникамъ , потомъ пьетъ самъ и наконецъ, запечатавъ снова, отсылаетъ къ государю. Такому же осмотру подвергается и ежедневная пища его величества: всѣ блюда министръ вначалѣ даетъ отвѣдывать своимъ приближеннымъ, потомъ, спустя цѣлый часъ, который опредѣляется для того, чтобъ посмотреть, не произведутъ ли они какого нибудь вреднаго дѣйствія , пробуетъ ихъ самъ и послѣ уже отправляетъ къ своему повелителю въ запертый ящикъ, отъ котораго его величество имѣетъ точно такой же ключъ, какой находится у министра. Фрукты, сласти и все съѣстное подвергается подобнымъ же испытаніямъ. Послѣ всего этого можно подумать,

что бѣдный государь Узбековъ никогда не наслаждается теплыми блюдами и свѣже-изготовленными обѣдами. Ядъ здѣсь въ большомъ ходу: говорятъ, что при восшествіи на престолъ Богодуръ Хана это зелье играло роль непоследнюю. Однажды какой-то туземецъ предложилъ мнѣ нѣсколько винныхъ ягодъ; я тотчасъ же сталъ ѣсть одну изъ нихъ, дабы показать ему, что я цѣнилъ его подарокъ; но онъ предостерегъ меня отъ такой неосторожности на будущее время: „ты необходимо долженъ,“ сказалъ онъ мнѣ, „прежде всего предложить часть подобнаго подарка тому, кто тебѣ даетъ его: если онъ станетъ ѣсть, то и ты безопасно можешь послѣдовать его примѣру.“

Кругъ нашего знакомства съ Русскими, Индусами и Узбеками вскорѣ увеличился. Многіе изъ афганскихъ и кабульскихъ купцовъ искали нашего знакомства и мы были вполне благодарны имъ за хорошее мнѣніе о Британцахъ въ Индіи. Одинъ изъ нихъ, Серуаръ Ханъ, богатый логанійскій купецъ, не взирая на то, что

мы ни сколько не были отрекомендованы ему, предлагалъ намъ любую сумму денегъ, если только мы будемъ въ нихъ нуждаться, и предлагалъ это такимъ образомъ, что мы не могли сомнѣваться въ его искренности. Другой купецъ, Шеръ Магоммедъ, уроженецъ Кабула, сообщилъ мнѣ много свѣдѣній о торговлѣ средней Азии. Афганы и Узбеки, осаждали насъ безпрестанно, прося письменныхъ удостовѣреній въ томъ, что они знакомы съ нами: они были увѣрены, что всякая подобная росписка служила залогомъ союза ихъ съ Англичанами и что обладаніе такимъ документомъ упрочить имъ хорошей пріемъ въ Индіи. Мы соглашались на эти просьбы въ тѣхъ только случаяхъ, когда считали просителей заслуживающими довѣрія. Въ числѣ нашихъ знакомыхъ былъ одинъ кашмирскій купецъ, Ахмеджун, умный, разговорчивый малый, просившій меня помочь ему въ приготовленіи нѣкотораго рода кошенили, которую собираютъ въ Бухарѣ во множествѣ, но, какъ кажется, не умѣютъ готовить. Былъ еще одинъ старикъ, по имени Гажи Миракъ, объ-

ѣхавшій весь страны отъ Каитона до Константинополя: онъ втайнѣ привезъ мнѣ нѣсколько бактріанскихъ медалей и рѣдкостей, зная, что онъ всегда пріятенъ для Европейцевъ. Самымъ же короткимъ изъ всѣхъ знакомыхъ былъ нашъ хозяинъ, узбекскій купецъ, по имени Махсумъ, производившій торговлю съ Яркандомъ. Онъ посѣщалъ насъ ежедневно и почти всегда приводилъ съ собою кого-либо изъ своихъ пріятелей. Я не могу не упомянуть здѣсь одного обстоятельства, которое дѣлаетъ честь его характеру. Такъ какъ онъ былъ чрезвычайно разговорчивъ и сообщалъ намъ множество полезныхъ свѣдѣній, то мы въ самое короткое время совершенно сблизились съ нимъ. Однажды, подробно спрашивая его о доходахъ и средствахъ Бухары, о пространствахъ ея владѣній и о ея силѣ, я раскрылъ небольшую карту этой страны въ его присутствіи. Отвѣтивъ на всѣ мои вопросы, онъ попросилъ меня закрыть карту и умолялъ никогда не показывать подобныхъ бумагъ въ Бухарѣ, ибо безчисленные шпионы окружаютъ здѣсь государя и потому это

можетъ имѣть самыя дурныя послѣдствія. Послѣ этого предостереженія онъ все также продолжалъ посѣщать насъ и разговаривать съ прежною свободой. Кромѣ этого должно еще сказать, что въ то время, какъ мы въ первый разъ вступили въ городъ, содержатель каравансарая, въ которомъ мы хотѣли остановиться, отказалъ намъ въ квартирѣ на томъ основаніи, что мы не имѣли ни какого званія, т. е. что не были ни купцы, ни посланники; мы были въ большомъ затрудненіи, но Махсумъ насъ выручилъ, благосклонно, предложивъ свой домъ къ нашимъ услугамъ. Сосѣди осуждали его за такое гостепріимство, друзья стращали, да и самъ онъ боялся опасности, на которую отважился такимъ образомъ. Когда же узнали въ городѣ о сдѣланномъ намъ приѣмѣ, то содержатель каравансарая закрывалъ отъ стыда лице, хозяинъ нашъ раздѣлялъ съ нами милости Визиря, а сосѣди Махсума начали заискивать его добраго расположенія, дабы имѣть случай къ намъ представиться, такъ что охотниковъ до знакомства съ нами явилось болѣе, чѣмъ мы желали.

ГЛАВА X.

БУХАРА.

Преданія относятъ основаніе города Бухары ко временамъ Сикиндера Зулкарнаина, или Александра Великаго. Дѣйствительно, географическое положеніе страны допускаетъ существованіе этого города въ глубокой древности: здѣсь среди степей клочекъ плодородной почвы, орошаемый небольшою рѣкою, служилъ путешественнику какъ пристань мореплавателю. Бухара окружена садами и деревьями, такъ что издали ее нельзя видѣть.

Мѣсто это прекрасно и имѣетъ весьма здоровый климатъ. Но все-таки я не могу согласиться съ арабскими географами, называющими его земнымъ раемъ: Фердузи, великій персидскій поэтъ, говоритъ: „что государь, увидѣвъ Мауаруннаръ,

увидѣлъ цѣлый міръ городовъ.“ Это еще можетъ быть справедливо въ сравненіи съ Аравією и безплодными равнинами Персіи; но относительно нѣкоторыхъ изъ береговъ индійскихъ рѣкъ должно сказать, что они своимъ богатствомъ, красотою и плодородіемъ ни сколько не уступаютъ этому мѣсту. Бухара имѣетъ болѣе восьми англійскихъ миль въ окружности. Она представляетъ видъ треугольника и окружена земляною стѣною въ двадцать футовъ высоты съ двадцатью воротами. По восточному обыкновенію, всѣ эти ворота названы именами тѣхъ городовъ и мѣстъ, къ которымъ они ведутъ. Весьма не многія изъ большихъ зданій видны изъ-за стѣны; но за то путешественникъ, вступивъ въ городъ, проходитъ между высокими, выстроенными изъ кирпича, сводчатыми базарами, и въ каждой части города видитъ какую нибудь отдѣльную отрасль торговли—здѣсь продавцевъ кисей, а тамъ башмачниковъ; подъ одною аркадою тюки сукна, а подъ другою кипы шелковыхъ матерій. Повсюду представляются огромныя, массивныя зданія училищъ, мечетей и высо-

кихъ минаретовъ; двадцать каравансараевъ служатъ для помѣщенія купцовъ разныхъ націй; около ста фонтановъ и водоемовъ, построенныхъ изъ обтесаннаго камня, снабжаютъ водою многочисленныхъ жителей. Весь городъ перерѣзанъ каналами, питающимися отъ рѣки Самарканда; всѣ они осынены тузовыми деревьями. Здѣсь въ народѣ есть достойное замѣчанія повѣрье: Бухарцы думаютъ, что самый высокій минаретъ ихъ города, имѣющій около 150 футовъ, достигаетъ той же высоты, на которой стоитъ знаменитая столица Тимура—Самаркандъ. Нельзя сказать, чтобъ Бухара была снабжена хорошо водою, ибо рѣка протекаетъ не ближе, какъ въ десяти миляхъ отъ города, а идущій отъ нее каналъ открывается только одинъ разъ въ каждые двѣ недѣли, и потому лѣтомъ очень часто жители не имѣютъ свѣжей воды въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Во время нашего пребыванія въ Бухарѣ всѣ каналы были совершенно сухи въ продолженіе шестидесяти дней сряду: снѣгъ въ этотъ періодъ не таялъ на горахъ Самарканда и скудныя воды рѣки ис-

тощались прежде, нежели достигали Бухары. Запасъ этой необходимостью жизни составляетъ здѣсь предметъ весьма важный. Къ тому же вода чрезвычайно дурна въ самомъ составѣ своемъ и, говорятъ, причиняетъ болѣзнь, известную подѣ именемъ гвинейскаго червя, такъ жестоко свирѣющую въ Бухарѣ. Туземцы вполне убѣждены, что этотъ недугъ происходитъ отъ воды и увѣряютъ, что точно такіе же черви терзали тѣло пророка Іова. Бухара имѣетъ 150.000 жителей; въ стѣнахъ ея нѣтъ ни одного кладбища и почти ни одного сада. За исключеніемъ общественныхъ зданій, всѣ дома чрезвычайно малы и выстроены въ одинъ этажъ; но, не смотря на это, есть много домовъ очень красивыхъ: нѣкоторые изъ нихъ опуткатурены и довольно хорошо расписаны, а другіе украшены готическими арками, обдѣланными позолотою и лазурнымъ камнемъ. Внутренніе покои великолѣпны и удобны. Простые дома построены изъ высушеннаго на солнцѣ кирпича, скрѣплены деревомъ и, по восточному обыкновению, окружены со всѣхъ сторонъ

высокими стѣнами. Самое огромное изъ всѣхъ публичныхъ зданій въ Бухарѣ есть главная мечеть: она занимаетъ пространство въ 300 квадратныхъ футовъ, имѣетъ куполь, возвышающійся почти на сто футовъ, и, будучи покрыта глазированными черепицами лазурнаго цвѣта, представляетъ богатый видъ. Она принадлежитъ ко временамъ довольно древнимъ, ибо извѣстно, что поврежденный землетрясеніемъ куполь ея былъ исправленъ Тамерланомъ. Въ 542 г. Геджиры, къ этой мечети пристроенъ высокій минаретъ изъ кирпичей, сложенныхъ самыми замысловатыми узорами. * Съ этой башни сбрасываютъ преступниковъ. На вершину ея никому не дозволяется всходить, кромѣ главнаго муллы, и то только по пятницамъ для призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ. Запрещеніе это сдѣлано для того, чтобъ любопытные не заглядывали съ нее на женскія половины домовъ въ городѣ. Красивѣйшимъ зданіемъ въ Бухарѣ считается училище государя Абдулла. Изрѣченія изъ Корана, вырѣ-

* Рисунокъ этого минарета можно найти въ Мейендорфовомъ путешествіи въ Бухару.

занныя на высокой аркъ, сведенной надъ входомъ, имѣють въ размѣрѣ болѣе двухъ футовъ и начертаны на такой же прекрасной глазури, о какой упомянуто выше. Большая часть куполовъ въ городѣ имѣеть подобное украшеніе; а вершины ихъ покрыты гнѣздами *лаглага* — перелетной птицы изъ породы аистовъ, посѣщающей эту страну, и считающеюся здѣсь предвѣстницей добра.

Бухара, какъ кажется, не была большимъ городомъ въ древности: она сдѣлалась знаменитою только по отдаленности своей отъ другихъ магомеданскихъ государствъ, и еще потому, что была въ числѣ первыхъ завоеваній Калифовъ. Легко можно вообразить, что многочисленные потомки первыхъ повелителей правотѣрныхъ искали славы въ ея отдаленныхъ и роскошныхъ рощахъ, ибо ея имя далеко было прославлено многочисленными учеными и благочестивыми мужами, которыхъ она произвела, и вскорѣ прозваніе *шерифъ* или святая было ей придано магомеданскими завоевателями. Если бы кто ска-

заль, что стѣны домовъ въ Бухарѣ покривились, то это сочли бы здѣсь за несомнѣнный признакъ неправовѣрности; а между тѣмъ архитектура такъ еще несовершенна, что едва ли можно пайдти даже одну перпендикулярную стѣну въ цѣломъ городѣ. Здѣшнія духовныя особы утверждаютъ, что во всѣхъ другихъ странахъ свѣтъ *нисходитъ* на землю, а тутъ *восходитъ* отъ святой Бухары. Магоммедъ въ своемъ переходѣ въ нисшее небо видѣлъ это, и ангелъ объяснилъ ему, что причиною такого явленія есть прозваніе города. Послѣ такихъ нелѣпныхъ сказокъ я только прибавлю, что названіе *святая* придано Бухарѣ гораздо позднѣе время пророка, ибо мнѣ случалось видать монеты не старѣе 850 лѣтъ, на которыхъ не было этого эпитета. Бухара, какъ городъ, существовала во времена Кизиль (Альпъ?) Арслана. Она была разорена Чингисъ-Ханомъ; ей грозилъ внукъ его, Галаку. О переговорахъ ея съ этимъ послѣднимъ грабителемъ мы имѣемъ анекдотъ, который, однако же, мнѣ случалось слышать еще о какомъ-то другомъ

городъ. Рассказываютъ, что народъ выслалъ къ Хану одареннаго мудростію мальчика съ верблюдомъ и козломъ, и когда малютка предсталъ къ завоевателю, то онъ спросилъ его о причинѣ столь страннаго посольства. „Если ты желаешь существа большаго,“ отвѣчалъ мальчикъ, „вотъ тебѣ верблюдъ; если требуешь бороды, вотъ тебѣ козель; если ты хочешь разума, то выслушай меня.“ Галаку внявъ мудрымъ рѣчамъ мальчика, пощадилъ городъ и позволилъ увеличить городскія укрѣпленія. Теперьшнія стѣны построены Рахимъ Ханомъ во времена Надира; а какъ правота бухарскихъ правителей возрастаетъ по мѣрѣ разширенія города, то это подаетъ надежду, что Бухара будетъ современемъ славнѣе, нежели она была въ древности.

Воспользовавшись знакомствомъ съ муллою, который сблизился съ нами на дорогѣ изъ Карши, я посѣтилъ его училище, помѣщавшееся въ одномъ изъ главныхъ зданій этого рода въ Бухарѣ — *Мадрасса и Кази Каланъ*.

Подробныя свѣдѣнія о подобныхъ заведеніяхъ я получилъ отъ моего хозяина и отъ одного его знакомаго, который, предложивъ намъ чашку чаю, долго съ нами разговаривалъ. Въ Бухарѣ считается около 366 большихъ и малыхъ училищъ, изъ коихъ одна треть занимаетъ обширныя зданія, вмѣщающія въ себя отъ семидесяти до восьмидесяти студентовъ. Многія имѣютъ не болѣе двадцати, а нѣкоторыя только десять учениковъ. Училища построены по образцу каравансараевъ: это четверугольныя зданія, по внутреннимъ стѣнамъ которыхъ устроены небольшія комнаты, называемыя *гуджрасъ* и отдаваемыя внаймы за шестнадцать, а нѣкоторыя за тридцать тилль. Профессоры и ученики, живущіе въ училищахъ, получаютъ определенное жалованье изъ весьма значительныхъ капиталовъ, принадлежащихъ заведеніямъ и пополняемыхъ доходами съ базаровъ, съ бань и даже съ большей части окружныхъ полей, купленныхъ для этой цѣли благочестивыми людьми. На поддержаніе вѣры законъ предписываетъ употреблять государственные доходы:

въ Бухарь поступаетъ на этотъ предметъ одна четвертая часть всѣхъ такихъ сборовъ; даже и таможенные сборы дѣлятся между духовенствомъ. Въ училищахъ между молодыми студентами и студентами-стариками можно найти людей изъ всѣхъ сосѣднихъ странъ, кромѣ Персiи. Окончивъ курсъ ученiя, продолжающiйся семь, или восемь лѣтъ, они возвращаются на родину съ запасомъ образованiя и славы. Наемъ кельи даетъ студенту право на извѣстное годовое содержанiе отъ заведенiя и отъ государственныхъ доходовъ. По приказу государя всѣ училища закрываются на полгода, чтобъ дать возможность живущимъ въ нихъ обработать свои поля и тѣмъ прибавить что нибудь къ своему содержанiю. Что сказали бы наши оксфордскiе и кембриджскiе юноши, если бы имъ пришлось жать пшеницу? Время ваканцiи называется здѣсь *та-тиль* (отдыхъ), а время ученья — *тахсиль* (прiобрѣтенiе). Студенты могутъ жениться, но не имѣютъ права вводить женъ въ училища. Въ время ученiя классы открыты отъ восхожденiя до захожденiя солнца. Профессоръ присутствуетъ

постоянно; ученики спорятъ при немъ о богословскихъ предметахъ, а онъ имъ служить въ этомъ руководителемъ. Кто нибудь скажетъ: докажи, что есть Богъ? и около пяти сотъ доводовъ предлагается разомъ; то же самое и въ другихъ предметахъ. Студенты занимаются богословіемъ, замѣнившимъ все прочія науки: они не знаютъ даже исторіи своего отечества. Нигдѣ нѣтъ такого сборища неучей, всегда самодевольныхъ и лицемерныхъ: это толпа людей, ни сколько не вникающихъ въ сущность религіи и занимающихся одними только обрядами богослуженія.

Я уже упоминалъ о строгомъ исполненіи магомеданскихъ законовъ въ Бухарь: вотъ еще нѣсколько примѣровъ, которые покажутъ это яснѣе. Лѣтъ двадцать тому назадъ одинъ мulla, преступивъ законъ, явился во дворецъ, рассказалъ въ присутствіи государя свое преступленіе и просилъ осужденія, согласнаго съ Кораномъ. Государь, удивленный странностью своего подданнаго, рѣшившагося обвинить самаго

себя, вельзь ему удалиться. На другой день тотъ же самый человекъ явился снова съ тѣмъ же рассказомъ и съ тою же просьбою и былъ снова прогнанъ. Онъ пришелъ въ третій разъ, исповѣдалъ свои грѣхи, упрекалъ государя въ нерадѣніи къ исполненію правосудія и какъ поклонникъ Магоммеда умолялъ о наказаніи въ этой жизни, дабы избавиться отъ него въ будущей. Собрали Улему или конгрессъ богослововъ, который и присудилъ смерть: виновный самъ ожидалъ такого приговора. Улема рѣшилъ побить его камнями. Несчастный, обратившись лицомъ къ сторонѣ Мекки, закрылъ голову одеждою и повторяя каламу—„Единъ Богъ и Магоммедъ пророкъ его!“—смирненно предался своей участи. Государь присутствовалъ при казни и первый бросилъ камень, отдавъ, однако же, приказаніе не останавливать безразсуднаго, если бь онъ сдѣлалъ попытку на бѣгство. Когда же мulla упалъ мертвый, то государь, оплакавъ трупъ, приказалъ обмыть и похоронить его и самъ участвовалъ при погребеніи, читая похоронную молитву. Говорятъ, что онъ былъ чрезвычайно

разтроганъ этимъ происшествіемъ. Смерть несчастнаго и до сихъ поръ воспѣвается въ стихахъ; но мы не можемъ считать его иначе, какъ за изувъра, или за помѣшаннаго. Около года тому назадъ случилось еще одно подобное же происшествіе. Сынъ проклялъ мать свою и явился собственнымъ обвинителемъ, требуя правосудія. Мать умоляла о помилованіи и о прощеніи; сынъ требовалъ наказанія. Улема приговорилъ его къ смерти, и онъ былъ казненъ какъ преступникъ на улицахъ Бухары. Недавно одинъ купецъ привезъ сюда изъ Китая нѣсколько картинъ; правительство конфисковало ихъ, выплатило хозяину то, что онѣ стоили, и тотчасъ же ихъ истребило; ибо законъ Магоммеда не дозволяетъ дѣлать какое-либо подобіе на землѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ понятія Бухарцевъ о правосудіи чрезвычайно странны. Вотъ примѣръ: одинъ Афганъ ограбилъ каравансарай и былъ приговоренъ къ смерти; но ему, какъ чужеземцу, согласно съ Кораномъ, позволено было откупиться отъ наказанія подъ условіемъ немедленнаго удаленія изъ Бухары. Пре-

жде чѣмъ онъ успѣлъ воспользоваться этимъ, Афганы, его единоплеменники, сдѣлали еще какое-то разграбленіе въ городѣ: духовенство при- судило ихъ къ смерти, и полагая, что наказаніе перваго виновнаго увеличить силу и спасительное значеніе примѣра, возвратило ему его выкупъ, отмѣнило дарованное прощеніе и казнило его вмѣстѣ съ прочими.

Произволь такнхъ дѣйствій въ дѣлѣ приговоровъ возмущаетъ чувства Европейца; но, не взирая на это, нельзя сказать, что наказаніе было несправедливо; а если оно успѣло оказать какое либо вліяніе на злодѣевъ, то нельзя не назвать его мудрымъ. Чтобы мы ни думали о подобныхъ обычаяхъ и законахъ, они, однако же, усилили Бухару и увеличили благосостояніе ся жителей, такъ что нѣтъ страны въ цѣлой Азіи, гдѣ бы всѣ классы народа безъ различія пользовались такимъ же равномернымъ покровительствомъ, какимъ они пользуются здѣсь. Людямъ, не исповѣдающимъ магомеданства, стовтъ только соображаться съ немногими установленными

правилами, чтобъ стать въ этомъ отношеніи наравнѣ съ правовѣрными. Законы жестоки, но они не чужды справедливости. Если мы поставимъ пороки Бухары въ противоположность съ ея законами и правосудіемъ, то увидимъ, что въ ней есть еще многое достойное осужденія; но, какъ бы то ни было, народъ счастливъ, страна благоденствуетъ, торговля прецвѣтаетъ и собственность обезпечена.

Въ Европѣ господствуетъ мнѣніе, что эта часть Азіи была некогда царствомъ образованія и литературы. Дѣйствительно, нельзя сомнѣваться, чтобы греческіе монархи Бактріи не водворили въ своемъ новопріобрѣтенномъ государствѣ искусствъ и наукъ своей родины. Знаменитый Гиббонъ полагаетъ, что большая часть учености Скиѣи и Индіи происходитъ отъ этихъ же греческихъ монарховъ. Мы объ Индіи теперъ не говоримъ; что же касается до средней и западной Азіи, то я не могу согласиться съ мнѣніемъ великаго историка. Въ ше-

стомъ вѣкъ, когда Аларикъ и Аттила нахлынули на Римскую Имперію, страны эти не имѣли ни искусствъ, ни литературы. Онѣ не имѣли ихъ и въ восьмомъ столѣтіи во время господства Калифовъ. Въ десятомъ столѣтіи, когда эти же самыя страны произвели рядъ селджакскихъ государей, мы все еще находимъ въ нихъ пастушескія племена, исповѣдующія Исламизмъ, утвержденный Калифами. Нашествіе Чингисъ Хана въ тринадцатомъ вѣкъ представляетъ намъ толпы варваровъ; также и въ послѣдовавшемъ столѣтіи, при всеокрушающемъ Тимурь, мы не видимъ слѣдовъ улучшеній. Всѣ эти набѣги произведены варварами, и мы только лишь по смерти Тимура находимъ литературу въ средней Азіи. Астрономія Алагъ Бега обезсмертила Самаркандъ. Легко можетъ быть, что этотъ ученый заимствовалъ свои свѣдѣнія изъ Бактріи — изъ страны, которая, тысячу лѣтъ спустя послѣ Македонянъ, была покорена Арабами, съ давнихъ временъ считавшимися за непослѣднихъ астрономовъ; а потому и успѣхи этой науки въ здѣшнихъ стра-

нахъ можно съ достовѣрностью отнести къ этому послѣднему народу. Въ періодъ, наступившій послѣ дома Тимура, послѣдовало чашествіе другаго племени, Узбековъ, изъ той же страны, которая произвела Аттилу и Чингиса; но они были столько же грубы, сколько и предшественники ихъ за тысячу лѣтъ. Известно, однако же, что литература имѣла большее поощреніе въ вѣкъ Тимура. Во времена Бабера явилось цѣлое созвѣздіе замѣчательныхъ поэтовъ; онъ самъ знакомитъ насъ съ духомъ своего вѣка своими разсужденіями и стихами. Надобно полагать, что туземныя музы не оставляли этой страны до весьма поздняго періода, потому что жители здѣсь отъ природы склонны къ поэзіи. Въ настоящее же время они, кажется, навсегда простились съ Транзоксіаною, ибо царствованіе послѣдняго бухарскаго государя, Миръ Гайдера или Саида, (чистаго), водворило ханжество и энтузіазмъ релігіозный. Онъ принялъ названіе *Эмиръ-уль Моменина* или повелителя правовѣрныхъ, отправлялъ болѣе обязанности священнослужки-

теля, чѣмъ государя, читаль молитвы надъ умершими, спорилъ въ мечетяхъ, совершалъ богослуженіе и преподавалъ въ училищахъ; пріѣзжалъ на улицахъ Сеида или Кваджу, всегда сходилъ съ лошади и все свободное время посвящалъ религіозному созерцанію. Сосѣдь его, правитель Кокана, вель себя точно также, и, принявъ титулъ *Эмиръ-уль Музлимина* или повелителя Музульманъ, ввелъ вмѣстѣ съ предъидущимъ совершенно новый порядокъ вещей въ Туркистанъ. Съ тѣхъ поръ въ училищахъ муллы начали пренебрегать всякимъ знаніемъ, кромѣ теологіи, и всякимъ изученіемъ, кромѣ Корана и его толкованій. Бухара и Коканъ, можно сказать, включаютъ въ себя весь Туркистанъ, ибо составляютъ два сильнѣйшія его государства. Послѣ всего этого нельзя не пожалеть, что училища въ Бухарѣ погрязли въ бесполезную путаницу полемическихъ разсужденій.

Спустя около пятнадцати дней послѣ нашего пріѣзда въ Бухару, однажды, около полудня,

Визирь прислалъ за нами и продержалъ насъ у себя до вечера : у него случилось свободное время, и онъ разсудилъ провести его въ бесѣдѣ съ нами. Мы нашли у него большое общество Узбековъ. Онъ началъ разговоръ о неземныхъ предметахъ: желалъ знать, вѣруемъ ли мы въ Бога, и сталъ спрашивать о нашихъ религіозныхъ понятіяхъ. Я отвѣчалъ ему, что мы вѣруемъ въ единого Бога, вездѣсущаго и низпосылающаго на землю пророковъ; говсрижъ ему, что наступитъ день страшнаго суда, что есть небо и адъ. Выслушавъ это, онъ коснулся нашихъ понятій о Сынѣ Божіемъ и о пророческомъ значеніи Магоммеда и хотя не одобрилъ христіанскихъ мнѣній объ этихъ предметахъ, однако же, ни сколько не обидился моими отвѣтами, потому что я говорилъ о пророкѣ со всевозможною осторожностью. „Поклоняетесь ли вы идоламъ?“ продолжалъ Визирь. Я отвѣчалъ отрицательно, что, по видимому, удивило его, ибо онъ значительно взглянулъ на нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ лицъ. Тутъ одинъ изъ нихъ сказаль ему, что въ рѣчахъ нашихъ нѣтъ

правды и что у насъ на шеѣ всегда можно найдти доказательство этому. Я тотчасъ же открылъ грудь и удостоверилъ все общество въ противномъ, а Визирь съ улыбкой замѣтилъ: „нѣтъ, это не дурной народъ.“ Въ это время слуги готовили послѣ-обѣденный чай; Визирь взявъ чашку и сказалъ намъ: „вы будете пить съ нами чай, ибо вы люди книги, и, кажется, имѣете довольно празильныя понятія объ истинѣ!“ Мы поклонились за такое предпочтеніе, и съ этихъ поръ насъ постоянно угощали чаемъ каждый разъ, когда мы посѣщали министра. Коснувшись однажды нашей вѣры, онъ, по видимому, хотѣлъ вывѣдать отъ насъ все: онъ желалъ знать, считаемъ ли мы Армянъ святыми угодниками христіанства. Я увѣрилъ его, что мы не отдаемъ никакого предпочтенія этой первоначальной сектѣ. За этимъ онъ выразилъ свое удивленіе тому, что мы сообщаемся съ Евреями, которые всегда были народомъ лживымъ и коварнымъ: отчаянное сопротивленіе аравійскихъ Израильтянъ Магоммеду, какъ кажется, сдѣлало всѣхъ единоплеменниковъ ихъ

презрѣнными въ глазахъ его послѣдователей. Потомъ министръ спрашивалъ нашего мнѣнія о индусскихъ и магоммеданскихъ народахъ въ Индіи. Я отвѣчалъ ему, что мы въ одинаковой степени уважаемъ мнѣнія обоихъ и одинаково поддерживаемъ какъ пагоды, такъ и мечети ихъ, и не убиваемъ павлиновъ, коровъ и обьязнь, изъ уваженія къ понятіямъ тамошнихъ жителей. „Правда ли,“ сказалъ Кушъ Беги, „что Индусы боготворятъ этихъ животныхъ?“ Я отвѣчалъ, что нѣкоторыхъ они обожаютъ, а другихъ почитаютъ. „Устахъ Фирролахъ—Боже, буди милостивъ къ намъ!“ воскликнулъ Визирь. Вслѣдъ за этимъ хитрый экзаменаторъ спросилъ меня, ѣдимъ ли мы свинину. На это нужно было дать отвѣтъ положительный и основательный: я сказалъ—ѣдимъ; но у насъ преимущественно бѣдный классъ людей употребляетъ ее въ пищу. „А какой вкусъ имѣетъ она?“ продолжалъ онъ. Я понялъ, что это былъ уже допросъ и отвѣчалъ: „я слышалъ, что вкусомъ она походитъ на говядину.“ Тутъ онъ спросилъ, отвѣдывалъ ли я лошадиное мясо съ тѣхъ

портъ, какъ прїѣхалъ въ Бухару; я сказалъ, что отвѣдывалъ и нашелъ его довольно вкуснымъ и питательнымъ. Потомъ онъ хотѣлъ знать, посѣщали ли мы знаменитую гробницу Бауадина, близъ Бухары, и когда я выразилъ желаніе видѣть ее, то назначилъ намъ проводника и просилъ не оглашать своей поѣздки въ оную. Потомъ Кунъ Беги предложилъ намъ вопросъ вполне-достойный добраго сердца этого человѣка: онъ спрашивалъ, что мы веземъ нашимъ родственникамъ въ Европу, послѣ столь долгаго отсутствія? Я отвѣчалъ, что мы ничего не веземъ по причинѣ дальняго нашего путешествія и по неудобству вести какой-либо багажъ, а въ заключеніе прибавилъ, что солдаты никогда не бываютъ богаты. Услышавъ это, старикъ быстро всталъ съ своего ковра, велѣлъ принести ружье и попросилъ показать ему наши ружейные приемы. Когда я удовлетворилъ его требованіе, то онъ замѣтилъ, что англійскіе приемы отличаются отъ русскихъ, о которыхъ онъ имѣлъ нѣкоторое понятіе, и вслѣдъ за этимъ сталъ маршировать по комнатѣ. Это насъ мно-

го позабавило: Кушъ Беги, высокій, широкоплечій Узбекъ, ходилъ и повертывался съ смѣшными ужимками и, наконецъ, обратившись къ намъ, вскричалъ: „Всѣ вы недоростки, Фиринджисы; гдѣ вамъ драться съ Узбеками! вы ходите какъ палки.“ За этимъ послѣдовалъ разговоръ о выгодахъ и преимуществахъ военной дисциплины, къ которой здѣшніе жители не имѣютъ никакого довѣрія, что въпрочемъ извинительно съ ихъ стороны, ибо они не имѣли еще случаевъ удостовѣриться въ ея истинѣ. Послѣ этого визирь сказалъ намъ, что въ городѣ готовились два каравана: одинъ къ Каспійскому морю, а другой въ Россію, и что онъ сдѣлаетъ распоряженіе на счетъ нашей безопасности, если мы намѣрены съ которымъ нибудь изъ нихъ отправиться. Для насъ было чрезвычайно утѣшительно видѣть такую услужливость и милостивое вниманіе этого добраго человѣка; онъ даже спрашивалъ насъ о состояніи нашихъ финансовъ и о ежедневныхъ расходахъ. Какъ, однако же, маловажны они ни были, я не считалъ за нужное говорить о нихъ. Фонды у насъ были

такъ значительны, что Индусы, агенты наши, трепетали при мысли, что ихъ уличать въ снабженіи насъ деньгами. Мы вышли отъ министра, когда уже совершенно стемнѣло; но прежде, нежели простились съ нимъ, онъ попросилъ г. Жѣрарда навѣстить одного изъ его дѣтей, болѣзнь котораго поставила втупикъ всѣхъ туземныхъ медиковъ. Докторъ нашелъ больного въ самомъ опасномъ положеніи, въ англійской болѣзни, развившейся до высокой степени, и объявилъ, что не было никакой надежды на спасеніе его отъ близкой смерти. Визирь спокойно выслушалъ это и сказалъ, что у него остается еще тринадцать сыновей, а дочерей гораздо больше.

Мы воспользовались первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ осмотрѣть гробницу Бауадина, которая отстоитъ отъ Бухары только на нѣсколько миль по самаркандской дорогѣ. Но, выѣхавъ изъ столицы, я забылъ о гробницѣ: мысли мои перенеслись къ знаменитому Самарканду, и во мнѣ родилось желаніе посѣтить этотъ городъ; я, однако же, не смѣлъ привести его въ испол-

неніе, ибо считалъ неблагоразумнымъ просить на это позволенія по сомнительности своего положенія. Самардандъ отстоитъ на 120 миль отъ Бухары; проѣзжая Карши, мы находились отъ него только на разстояніи двухъ переходовъ. Я принужденъ былъ довольствоваться одними разсказами объ этой древней столицѣ, существованіе которой можно выслѣдить до временъ Александра. Она служила мѣстопребываніемъ Тимуру, а другіе государи изъ его дома проводили въ ней зимніе мѣсяцы. „Во всемъ обитаемомъ мірѣ“, говоритъ Баберъ, „немного найдется городовъ, которые имѣютъ такую же хорошую мѣстность, какою пользуется Самаркандъ.“ Въ настоящее время онъ низшелъ съ высоты своего величія на степень провинціального города и имѣетъ только восемь, или, по бѣльшей мѣрѣ, десять тысячъ жителей; сады и поля занимаютъ мѣсто его прежнихъ улицъ и мечетей; но, при всемъ этомъ, народъ еще смотритъ на него съ глубокимъ уваженіемъ и до тѣхъ поръ не считаетъ бухарскаго государя своимъ законнымъ властителемъ, пока онъ не

упрочить въ немъ своей власти. По этому усвоенію этого города составляетъ первый предметъ заботы при смерти одного государя и при восшествіи на престолъ другаго. Нѣкоторыя изъ его древнихъ зданій существуютъ и по-сіе время, свидѣтельствуя о его минувшей славъ. Три коллегіи сохранились въ совершенной цѣлости; одна изъ нихъ, служившая обсерваторією знаменитому Алагъ Бегу, необыкновенно красива: она украшена бронзою, всѣ кирпичи покрыты глазурью и расписаны. О знаменитомъ обелискѣ, построенномъ этимъ ученымъ, я не могъ ничего узнать, кромѣ нѣкоторыхъ сбывчивыхъ преданій о томъ, что кирпичи его клали по мѣрѣ боя часовъ. Сверхъ упомянутыхъ коллегій есть еще одно училище превосходной архитектуры, называемое Шередаръ. Гробница Тимура и его семейства существуетъ и донынѣ; прахъ императора покоится подъ высокимъ сводомъ, стѣны котораго превосходно изукрашены агатомъ (*лшмъ*). Мѣстоположеніе Самарканда не безъ основанія прославлено Азіятцами: онъ стоитъ близъ невысокихъ холмовъ, въ странѣ

повсюду ровной и гладкой. Говорятъ, что писчая бумага въ первый разъ изобрѣтена въ Самаркандѣ; теперь обстоятельства перемѣнились: этотъ матеріалъ привозятъ сюда изъ Россіи.

Запрещеніе ѣздить верхомъ не простирается за предѣлы столицы; по этому, отправившись къ городскимъ воротамъ пѣшкомъ, мы приказали своимъ служителямъ вывести туда лошадей и, выбравшись изъ города, скоро достигли гробницы Бауадина Нахсбанда, одного изъ величайшихъ святыхъ Азіи, процвѣтавшаго во дни Тимура. Говорятъ, что два путешествія на поклоненіе къ этой гробницѣ равняются шествию въ Мекку. Здѣсь каждую недѣлю бываетъ ярмарка; Бухарцы безпрестанно ѣздятъ сюда на ослухъ для поклоненія. Нынѣ-царствующій государь до восшествія своего на престолъ далъ обѣтъ этому святому еженедѣльно отправляться пѣшкомъ изъ своей столицы къ его гробу, если только онъ окажетъ ему помощь, и, кажется, его величество держитъ свое слово: мы на дорогѣ встрѣтили его багажъ и узнали отъ

сопровождавшей прислуги, что государь будетъ тамъ молиться и останется на всю ночь. При гробницѣ нѣтъ никакого зданія, заслуживающаго описанія; сама же она состоитъ изъ возвышенной платформы, близъ которой находится мечеть и большая коллегія. Каждый приходящій сюда богомолецъ обыкновенно обходитъ вокругъ гробницы и прикладываетъ къ надписямъ, свидѣтельствующимъ годъ кончины святаго. Она обладаетъ богатѣйшими вкладами; потомки Бауадина считаются ея покровителями. Насъ впустили въ это священное мѣсто безъ всякой церемоніи, кромѣ того, что предъ входомъ попросили снять туфли. Потомъ мы посѣтили духовную особу, имѣвшую смотрѣніе за гробницею; этотъ мулла подчивалъ насъ чаемъ съ корицею и даже хотѣлъ зарѣзать барана, чтобъ угостить насъ. Въ продолженіе двухъ часовъ онъ такъ много говорилъ намъ о своихъ болезняхъ, дѣйствительныхъ, или воображаемыхъ, что мы не знали какъ отдѣлаться отъ него. Онъ входилъ въ малѣйшія подробности объ имени Бауадина, разспрашивая, не слышали ли мы чего

нибудь о его путешествіи по Индіи и Европѣ. Всѣ эти разспросы были ничто иное какъ только долгъ уваженія къ памяти знаменитаго святаго, ибо онъ дѣйствительно славецъ во всемъ музультманскомъ мірѣ, такъ что даже въ самой Меккѣ богомольцы бухарскіе извѣстны подъ названіемъ *Нохсбанди*. Эта гробница, также какъ и большая часть подобныхъ зданій, встрѣчавшихся мнѣ во время путешествія, была украшена рогами барановъ, приносимыхъ подлѣ нея въ жертву. Увѣряютъ, что эти рога означаютъ силу; можетъ быть въ слѣдствіе такого обычая Азіятцы придаютъ Александру Великому прозваніе Залкарнаина, т. е. двурогаго, хотя мы знаемъ, что онъ употреблялъ рога какъ сынъ Юпитера Аммона.

Почти въ двадцати пяти миляхъ на сѣверо-западъ отъ Бухары, на границѣ степи, есть развалины Хаджаобана, древняго города, построеніе котораго относится къ вѣку Калифа Омара. Но это сказаніе ничего не доказываетъ, ибо Магоммедане рѣдко относятъ свои преда-

нія далѣе время пророка. Въ развалинахъ находятъ множество монетъ, и я имѣлъ счастье приобрѣсть нѣсколько превосходныхъ экземпляровъ, которые въ послѣдствіи оказались настоящими остатками бактрианскихъ монарховъ. * Всѣ онѣ серебряныя, величиною почти равняющіяся англійской полу-кронѣ. Съ одной стороны отчеканено лицо, а съ другой сидящая человѣческая фигура. Работа превосходна, выраженіе лицъ и общій характеръ сдѣлали бы честь даже и временамъ Греціи, къ которымъ, можно сказать, онѣ и принадлежать. Мнѣ также приносили множество антиковъ изъ того же мѣста: всѣ они состояли изъ сердалика и другихъ камней, съ изображеніями людей и животныхъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ были надписи, отличавшіяся отъ всѣхъ тѣхъ, которыя мнѣ случалось видать прежде, и походившія отчасти на индійскія. Во время этихъ розысканій, мнѣ рассказывали, что въ горахъ бадакшанскихъ иногда встрѣчаются окаменѣлости, имѣющія видъ птицъ

* Подробное описаніе этихъ монетъ читатель найдетъ въ третьей части этой книги.

величиною съ ласточку. Самому мнѣ не удалось видѣть подобныя камни : человѣка, у котораго они хранились, не было въ это время въ Бухарѣ; но я охотно вѣрю существованію такихъ рѣдкостей, потому что мнѣ прежде этого случалось нѣсколько разъ видать камни, принесенныя съ верхнихъ террасъ Гималаевъ и имѣвшіе форму небольшихъ черепахъ. Нельзя было также охотно повѣрить рассказамъ объ очарованномъ и окаменѣломъ городѣ, будто бы стоящемъ на юго-западномъ углу Аральскаго моря, между Оргенджемъ и Оренбургомъ. Его здѣсь называютъ *Барза-гиль-мисъ*, что на туркскомъ языкѣ значить *идти и никогда не возвратиться*, ибо такова участь всѣхъ любопытствующихъ видѣть его. Въ такой странѣ, какова Транзоксія, мы естественнымъ образомъ должны ожидать рассказовъ достойныхъ *Арабскихъ Ночей*, ибо она постоянно доставляла восточнымъ писателямъ множество предметовъ для несбыточныхъ повѣстей и для метафоръ о райской жизни. Жители Бухары всегда были твердыми верователями въ магію и доселѣ считаютъ Ин-

дню мѣстомъ существованія этой науки, въ могуществѣ которой здѣсь никто не сомнѣвается, и все говорятъ, что въ Саратѣ она въ ежедневномъ ходу, и что тамъ занимаются ею женщины. Я два года прожилъ въ Саратѣ и могу сказать, что это были два счастливые года: тамъ я имѣлъ обширное знакомство съ туземцами, изучалъ ихъ нравы и народныя вѣрованія и только лишь въ Бухарѣ въ первый разъ узналъ, что все тамошнія женщины чародѣйки. Если онѣ дѣйствительно и обладаютъ чарами, то эти чары заключаются въ ихъ природной красотѣ и прелести. Отдаленность и пространство даютъ жизнь и питаніе бѣльшей части сказокъ, зарождающихся въ умахъ легковѣрныхъ: такъ, 300 лѣтъ тому назадъ, Абулфаззаль распространилъ молву, что въ Индіи есть люди, которые могли съѣдать печень въ живомъ челоуѣкѣ; съ тѣхъ поръ это мнѣніе сдѣлалось общимъ и донынѣ господствуетъ во всѣхъ странахъ Азіи.

Въ Бухарѣ я познакомился съ однимъ весьма почтеннымъ узбекскимъ семействомъ и однажды

посѣтилъ его въ пятницу. Предки его первоначально вышли изъ *Даштъ-и-Кипчака* и оно существуетъ въ этой странѣ около 150 лѣтъ. Одинъ изъ членовъ его былъ два раза отправляемъ въ Константинополь въ качествѣ посла, за что и получилъ высокій титулъ *Би*. Этотъ домъ издавна ведетъ постоянную торговлю съ Россіею и понесъ убытки въ слѣдствіе московскаго пожара. Можно ли было ожидать, чтобъ это обстоятельство со всеми своими ужасами могло причинить бѣдствія въ центрѣ Туркистана? Меня приняли по-узбекски и принудили проглотить нѣсколько чашекъ чаю въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, посреди необыкновенно-жаркаго дня. У Узбековъ господствуетъ странный обычай угощенія: хозяинъ дѣлается, такъ сказать, слугою своихъ гостей и, своими руками подавая имъ блюда, до тѣхъ поръ не ѣстъ самъ, пока не обойдетъ всѣхъ присутствующихъ друзей своихъ и пока всѣ они не насытятся. Народъ этотъ вообще очень добръ; ханжество, составляющее въ немъ преобладающій недостатокъ, должно быть отнесено только къ

образу воспитанія; ибо Узбеки, никогда не проявляя его нападками на религіозныя понятія другихъ народовъ, обличаютъ его только въ своихъ житейскихъ дѣлахъ и въ общемъ характерѣ разговоровъ. Во время угощенія мы говорили объ открытіяхъ, сдѣланныхъ Русскими, которые недавно попали на золотоносныя жилы въ странѣ, лежащей между Бухарою и своимъ отечествомъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ при этомъ Узбековъ сказалъ, что пути Бога неисповѣдимы, ибо Онъ, сокрывъ отъ правобѣрныхъ сокровища, нынѣ указалъ ихъ невѣрнымъ или каффирамъ почти на самой земной поверхности. Я улыбнулся; обидѣться такимъ замѣчаніемъ было невозможно: это обыкновенный образъ выраженія Бухарцевъ на счетъ всѣхъ Европейцевъ. Оставивъ общество и возвращаясь домой, я былъ пораженъ благоговѣніемъ, съ которымъ на здѣшнихъ улицахъ соблюдается день пятницы; въ Бухарь его также свято чтутъ, какъ воскресный день въ Европѣ: ни одна лавка не отпирается ранѣе втораго часа по жолудни, т. е. послѣ молитвы; до того же вре-

мени всѣ жители толпятся въ мечетяхъ въ своихъ лучшихъ одеждахъ. Магоммедане вообще отличаются важностью, а въ нарядѣ ихъ есть что-то такое, что придаетъ имъ особенное величіе, когда они толпами идутъ въ храмъ Божій.

Такъ какъ около мѣсяца прошло со времени вступленія нашего въ Бухару, то намъ необходимо было подумать о дальнѣйшей поѣздкѣ, и по причинѣ безпокойнаго состоянія предстоявшей намъ страны, внимательно обсудить выборъ дороги. Цель наша состояла въ томъ, чтобъ добраться до Каспійскаго моря и чѣмъ съвернѣе къ берегамъ его, тѣмъ лучше; но тутъ со всѣхъ сторонъ являлись затрудненія. Въ продолженіе цѣлаго года ни одинъ караванъ не могъ пройти изъ Хивы къ морю въ слѣдствіе кровавой вражды, возникшей между Хивинцами и Киргизами, кочующими въ степяхъ. Бухарскій караванъ принужденъ былъ остановиться въ Хивѣ, а другой, вышедшій изъ Астрахани,— въ Мангашлакѣ на Каспійскомъ морѣ: ни тотъ,

ни другой не осмѣливался продолжать своего пути въ ожиданіи мѣрь къ устраненію препятствій. Въ послѣдствіи читатель увидитъ, какъ мы были счастливы, что не присоединились къ хивинскому каравану. Прямой путь, чрезъ владѣнія Хивы къ Астрабаду въ Персіи, также былъ закрытъ, ибо хивинскій ханъ, выступивъ въ походъ противъ Персіанъ, стоялъ лагеремъ въ степи на югъ отъ своей столицы, куда и повелѣлъ вести всѣ караваны. Путь на Мервъ и Мешедъ былъ открытъ и болѣе безопасенъ; но намъ казалось благоразумнѣе избрать второй изъ этихъ путей: слѣдуя по немъ, мы могли бы увидѣть часть владѣній Хивы, потомъ пробраться до границъ Персіи и, наконецъ, достигнуть Каспійскаго моря чрезъ Туркманскую степь. Всѣ друзья наши, Индусы, Армяне и Афганы старались отклонить насъ отъ встрѣчи съ хивинскимъ ханомъ, котораго они описывали человекомъ недоброжелательнымъ ко всѣмъ Европейцамъ; но твердо рѣшившись попытать счастья на дорогѣ, которая вела прямо къ нему, я пошелъ къ своему покровителю визирю и

объявилъ ему свои намеренія. Кушъ Беги совѣтывалъ мнѣ отправиться съ караваномъ въ двѣсти верблюдовъ, который готовъ былъ выступить въ Россію и привелъ бы насъ въ Троицкъ. Но это не соответствовало нашимъ планамъ, во первыхъ по тому, что дорога эта была уже изслѣдована русскою миссіею, а во вторыхъ потому, что мы не желали вступать въ азіатскую Россію: намъ нужно было проѣхать на Каспійское море. Визирь въ заключеніе сказалъ, что онъ справится на счетъ отхода каравановъ и въ слѣдствіе нашего желанія избрать путь, ведущій на границы Персіи, постарается доставить намъ всевозможныя вспомошествованія, какія только находятся въ его власти. Персидскій караванъ ожидалъ только его приказаній, чтобъ выступить въ путь.

Двадцать перваго Іюля, мы сдѣлали прощальный визитъ бухарскому визирю: это посѣщеніе дало намъ случай узнать характеръ этого добраго человѣка еще болѣе. Кушъ Беги имѣетъ около шестидесяти лѣтъ отъ роду; гла-

за его исполнены огня, не смотря на то, что борода посеребрена годами; въ лицѣ его просвѣчиваетъ умъ, оттъненнѣй хитростью, которая, какъ говорятъ, составляетъ отличительную черту его характера. Онъ много спрашивалъ насъ объ англійскомъ языкѣ и заставилъ меня написать персидскими буквами англійскія числительныя имена, а равно и нѣсколько другихъ словъ, выражающихъ самыя обыкновенныя потребности жизни. Проведя около часу въ этомъ урокъ, онъ изъявилъ сожалѣнiе, что не имѣлъ удобнѣйшаго случая изучить нашъ языкъ. Потомъ попросилъ меня написать его имя по англійски и, передавъ бумагу др. Жерарду, сказалъ ему, чтобы онъ прочиталъ, что на ней написано. Отъ этого онъ перешелъ къ медицинѣ и остался очень доволенъ, когда мы показали и объяснили ему инструментъ, употребляемый при вытаскиванiи зубовъ; онъ взялъ его, приложилъ къ двери и отломилъ отъ нее нѣсколько кусковъ. За этимъ просилъ насъ возвратиться въ Бухару въ качествѣ „торговыхъ посланниковъ“ для установленiя болѣе

выгодныхъ отношеній и для разширенія торговли. Потомъ, призвавъ Кафила-баша каравана и туркманскаго начальника, который долженъ былъ сопутствовать намъ въ охраненіе отъ своего племени, онъ приказалъ записать ихъ имена, фамиліи и мѣсто жительства и, обратившись къ нимъ, сказалъ: „я поручаю вамъ этихъ Европейцевъ. Если что нибудь съ ними случится, то жены и семейства ваши, остающіяся въ моихъ рукахъ, будутъ искоренены съ лица земли. Не возвращайтесь въ Бухару безъ свидетельства за ихъ печатью о томъ, что вы хорошо служили имъ.“ Обратившись къ намъ, онъ продолжалъ: „не показывайте *фирмана* моего государя, который я теперь даю вамъ, до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится въ немъ нужды. Путешествуйте безъ огласки и не дѣлайте знакомствъ; ибо вамъ придется ѣхать чрезъ опасныя страны. Когда же вы окончите путь вашъ, то помолитесь за меня: я человекъ старый и вамъ доброжелательствующій.“ Тутъ онъ далъ каждому изъ насъ платье, которое хотя и не было многоцѣнно, однако же сопровождалось

слѣдующими словами : „Не уѣзжайте отъ насъ съ пустыми руками, возьмите это и спрячьте.“ Я со всею искренностью благодарилъ министра какъ за себя, такъ и за своего товарища. Онъ всталъ, поднялъ руки, далъ намъ *фата* и мы вышли изъ дома Кушъ Беги. Я не успѣлъ дойти до своей квартиры, какъ онъ приказалъ воротить меня: я нашелъ Визиря посреди пяти, или шести хорошо одѣтыхъ особъ, которыя, по видимому, разговаривали объ насъ. „Сикандръ,“ (такъ меня обыкновенно называли здѣсь), сказалъ Кушъ Беги, „я послалъ за тобою, чтобъ спросить, не обидѣли ли тебя въ этомъ городѣ, или не бралъ ли кто нибудь у тебя денегъ на мое имя и, уѣзжая отъ насъ, остаешься ли доволенъ?“ Я отвѣчалъ, что въ Бухарь со мною обращались какъ съ почетнымъ гостемъ, что имущества нашего даже и не распаковывали, что не взяли никакой пошлины и что я всегда буду помнить съ глубочайшимъ чувствомъ признательности всѣ тѣ милости, которыя были мнѣ оказаны въ священной Бухарь. Мой отвѣтъ заключилъ всѣ наши сношенія съ ми-

нистромъ. Я оставилъ этого достойнаго чело-
вѣка съ растроганнымъ сердцемъ и съ непри-
творными желаніями благоденствія его отече-
ству. Возвратясь домой, я сталъ рассматри-
вать фирманъ полученный отъ визиря; онъ былъ
самый лаконическій, но вмѣстѣ съ этимъ для
насъ самый драгоцѣнный: въ немъ упомянуто
было о нашемъ представленіи къ государю,
чего на самомъ дѣлѣ мы не удостоились. Онъ
былъ написанъ на персидскомъ языкѣ и вотъ
переводъ:

„Въ настоящее время, по волю Божіей, два
человѣка, Фиринджисы, отправляются въ свое
отечество. Да не представляютъ имъ никакихъ
препятствій люди, состоящіе при перевозахъ,
равно и правители городовъ и округовъ во
всемъ бухарскомъ государствѣ, ибо они ѣдутъ
на свою родину съ дозволенія нашего государя,
къ которому они представлялись.“ За этимъ
слѣдуетъ печать Нассиръ Уллаха, Эмира бухар-
скаго.

Послѣ полудня верблюды были навьючены и совершенно готовы къ отправленію. Послѣднее лице, которое мы видѣли въ нашемъ домѣ, былъ хозяинъ, въ попыхахъ сборовъ прибѣжавшій проститься съ нами. Онъ принесъ мнѣ въ подарокъ прекрасную и богато-вышитую ермолку; я благодарилъ его, но не сказалъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ перемѣна наряда сдѣлаетъ для меня его подарокъ бесполезнымъ. Я съ своей стороны подарилъ ему пару ножницъ и мы разстались въ самыхъ обильныхъ изліяніяхъ дружбы. Верблюды отправились впередъ, а мы въ сопровожденіи одного Узбека, нашего знакомаго, пошли за ними въ послѣдній разъ по улицамъ Бухары. Мы ни чѣмъ не отличались отъ туземцевъ, ибо приняли ихъ костюмъ и всѣ обычаи и кромѣ того выкраивали свои лица сообразно съ ихъ понятіями. Я шелъ самыми скорыми шагами и по обыкновенію выказывалъ какъ можно менѣе любопытства, по крайней мѣрѣ не болѣе того, сколько не могло скрыть лице мое. Мы обратили на себя мало вниманія, только два, или три Еврея, на кото-

рыхъ мы отчасти походили своимъ нарядомъ, сдѣлали намъ нѣсколько вопросовъ. Я не могу сказать, чтобъ я съ сожалѣніемъ вышелъ за ворота города: выбравшись изъ нихъ, мы избавлялись отъ подозрѣнія и при томъ могли ѣхать верхомъ и писать сколько намъ было угодно. Правда, что и въ городѣ мы по временамъ принимались за перо, но это всегда было по ночамъ съ сонными глазами и съ опасностью. Въ полумилѣ отъ городскихъ воротъ мы присоединились къ каравану и тутъ же въ полѣ сдѣлали привалъ.

ГЛАВА XI.

ЗАДЕРЖКА ВЪ БУХАРСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ.

Три небольшіе перехода привели насъ къ мѣсту жительства Кафила-баши нашего каравана, къ небольшому селенію изъ двадцати домовъ, называемому Мирабадъ и находящемуся въ округѣ Каракуль, въ сорока миляхъ отъ Бухары. Здѣсь наканунѣ нашего слѣдующаго выезда мы съ сожалѣніемъ узнали, что всѣ купцы, наши попутчики, отказались продолжать путешествіе въ слѣдствіе опасеній, возбужденныхъ дѣйствіями хивинскаго Хана. Этотъ властитель, осматривая тюки одного каравана, шедшаго изъ Персіи, нашель въ нихъ узелки съ землею изъ священной Кирбелы; земля эта бы-

ла запакована вмѣстѣ съ товарами какъ талисманъ , упрочивающій безопасный провозъ. Но такая предосторожность имѣла совершенно противное дѣйствіе: большая часть товара была разграблена. Такъ какъ общество нашихъ купцовъ состояло преимущественно изъ Персіянъ, или, по крайней мѣрѣ, изъ шитовъ, то они, не осмѣливаясь искать счастья , рѣшились ждать, пока хивинское войско отступить, или пока они выхлопочутъ свидѣтельство за ханскою печатью, которое упрочивало бы имъ безопасность имущества. Это послѣднее казалось для нихъ благоразумнѣйшею мѣрою для устраненія опасности, потому и рѣшено было обсудить предметъ въ общемъ собраніи.

Купцы собрались на совѣтъ въ хижинѣ, которую мы занимали , сдѣлавъ это потому , что визирь, со свойственною ему милостью , говорилъ объ насъ каждому изъ нихъ. Необыкновенно забавно было видѣть, какъ эти господа въ высокихъ сапогахъ, съ кнутомъ въ рукѣ , обсуживали столь важное дѣло и какъ послѣ

многихъ предложеній и отказовъ они убѣдили одного изъ своихъ товарищей написать письмо къ какому-то офицеру хивинскаго Хана. Этотъ избранный сѣлъ посреди комнаты, съ важностью очинилъ перо и общалъ писать самымъ четкимъ почеркомъ, лишь бы только ктонибудь продиктовалъ ему содержаніе документа. Однако же, прежде нежели онъ приступилъ къ дѣлу прошло около получаса въ спорахъ о томъ, какимъ слогомъ писать; на счетъ этого обращались даже и ко мнѣ; но я объявилъ, что не имѣю объ этомъ никакого понятія, потому что мы на своемъ языкѣ, обращались даже къ самымъ высокимъ властямъ просто, употребляя краткій титулъ и имя того, кому писали. Наконецъ всѣ согласились написать документъ въ видѣ прошенія и послѣ многихъ споровъ сочинили слѣдующее:

„Просьба купцовъ къ Юзъ Баши, начальнику Мерва. Мы привѣтствуемъ тебя съ миромъ! Извѣстились мы, что караванъ, недавно отправившійся по дорогѣ въ Бухару, не только внесъ

пошлину, какъ то бывало прежде, но еще заплатилъ по 4½ тиллы съ каждаго верблюда и что, не смотря на это, выюки купцевъ были разбиты на большой дорогѣ и даже многіе изъ нихъ совершенно уничтожены. Два каравана шедшіе въ Мешедъ, узнавъ объ этомъ, принуждены были остановиться на пути изъ опасенія, а потому мы отправляемъ къ тебѣ бумагу чрезъ Туркмана для извѣщенія объ этомъ. Ты окажешь намъ великую услугу, если дашь посланному письмо, гдѣ упомянешь о пошлинѣ, которую намъ ренъ взять съ насъ, а равно и о томъ—что дѣлается все это по приказанію его высочества, Хана Оргенджа (Хана Газрата) и будетъ ли ему угодно воспрепятствовать нашему проѣзду, когда мы заплатимъ ту же пошлину, какую платили до сего времени. Какъ скоро придетъ твой отвѣтъ, мы немедленно выступимъ въ путь и будемъ соблюдать съ твоими указаніями. Мы, все общество купцовъ, кланяемся тебѣ!“

Изъ этого письма видно, что въ важныхъ дѣлахъ Азіятцы могутъ говорить прямо и даже

умѣютъ обойтись безъ своей обычной вычурности. Когда посланіе было прочтено вслухъ, то раздалось единогласное *Барикалла* (браво), потомъ все обратились къ пяти, или шести Туркманамъ, сидѣвшимъ у дверей, и начали совѣтываться съ ними о томъ, какимъ образомъ доставить письмо. Одинъ изъ послѣднихъ обещалъ привезть отвѣтъ чрезъ восемь дней, не смотря на то, что разстояніе до мѣстопробыванія Юзъ Баши равнялось 60 фарсахамъ (240 миль) и за такой трудъ просилъ три тиллы въ награду. По видимому дѣло было окончено: все купцы наши, воздвѣвъ руки, проговорили благословеніе и ударили себя въ бороды, ибо ни какое государственное дѣло не могло занять такъ глубоко людей, какъ настоящее обстоятельство занимало нашихъ купцовъ: сколько тутъ было сурьезности въ лицахъ, сколько предположеній, сколько табачнаго дыма, сколько споровъ на счетъ выраженій, сколько различныхъ мнѣній: одни предлагали рѣчь мѣрную, другіе умоляющую, третьи совѣтывали изложить все подробности дѣла. Къ счастью все это управ-

влялъ одинъ благоразумный мулла, не молодыхъ лѣтъ, имѣвшій въ подобныхъ случаяхъ болѣе свѣдѣній, нежели кто либо изъ всего нашего общества, которое имѣло довольно смыслу, чтобы принять его образъ воззрѣнiя. Но послѣ всего такого траги-комическаго совѣщанiя повѣрять ли, что эти Ротшильды и Баринги не могли согласиться на требованiе Туркмана за доставку письма: они скорѣе соглашались прождать цѣлый мѣсяцъ, чѣмъ уменьшить свои кошельки, и все это окончилось тѣмъ, что мы заплатили собственныя деньги. Меня болѣе всего удивляло то, что эти люди рѣшались на основанiе какого бы то ни было отвѣта довериться народу, который они единодушно считали жестокимъ и варварскимъ. По отправленiи гонца всѣ главнѣйшіе купцы нашего каравана возвратились въ Бухару; а мы обсуживая, что будетъ для насъ выгоднѣе: остаться ли намъ въ неизвѣстной деревнѣ Татарiи, или также возвратиться въ столицу, наконецъ, рѣшились на первое и, такъ сказать, примирились съ своею несчастною задержкою.

На пути изъ Бухары, въ четырехъ, или пяти миляхъ отъ города, мы вступили въ край, который представлялъ намъ и богатство и запустыніе: направо отъ насъ земля была обильно орошена водопроводами изъ Кохика, а налево — пыль и песокъ въяли въ странѣ печальной и запустылой. Проѣхавъ около двадцати миль въ западно-юго-западномъ направленіи, мы увидѣли себя на рѣкѣ Самаркандѣ, которую поэты называли *Зарафшанъ* — золотоносною. Причину такого названія скорѣе должно отнести къ тѣмъ великимъ благодѣніямъ, которыя она изливаетъ на берега свои, чѣмъ къ драгоцѣнному металлу, въ ней находящемуся. Рѣка эта, въ то время какъ мы ее видѣли, имѣла около пятидесяти ярдовъ ширины, не представляла бродовъ и походила болѣе на каналъ, потому что нѣсколько ниже по теченію, воды ея запружены плотиною и распределяются по всѣмъ окружнымъ полямъ. Полоса обработанной земли по обоимъ берегамъ не превосходила одной мили въ ширину, а нерѣдко даже и менѣе этого, ибо степь близко подходитъ къ рѣкѣ съ обѣихъ сторонъ.

Число обитаемыхъ мѣстъ на всемъ пространствѣ, проѣханномъ нами отъ столицы, довольно значительно; каждое селеніе окружено стѣною, построенною изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей, также какъ и селенія въ Кабуль, но дома не такъ опрятны и не такъ прочны какъ въ этой послѣдней странѣ. Въ это время (въ Іюль) каждый обработанный клочекъ земли былъ заваленъ гигантскими бухарскими арбузами, которые въ большемъ числѣ отправляются отсюда на верблюдахъ въ столицу. Почва земли здѣсь различна; въ сосѣдствѣ съ рѣкою она тверда и хрящевата. Хрящи состоятъ изъ острыхъ и угловатыхъ камней, совершенно отличныхъ отъ тѣхъ, которые подвергаются дѣйствию воды. Прямое направленіе, по которому мы слѣдовали къ Оксу, отдалило насъ на нѣкоторое время отъ Кохика; но перейдя полосу песчаныхъ холмовъ, имѣющую около трехъ миль въ ширину, мы снова спустились къ этой рѣкѣ. Тутъ ложе ея было совершенно сухо, ибо каракульская плотина, которую мы оставили въ сторонѣ, препятствуетъ въ это время года ея

водамъ, всегда скуднымъ, достигать до этихъ мѣстъ. Мы нашли, что Кохикъ вмѣсто того, чтобъ впадать въ Оксъ, образуетъ довольно обширное озеро, которое Узбеки называютъ *Денгизъ*. * Возлѣ этого-то озера находилось мѣсто нашей стоянки. Нижнія части этой рѣки худо снабжены водою, она только въ известное время года течетъ въ округъ Каракула. Въ Мир-абадѣ мы жили между Туркманами, занимающими всю страну отъ Окса до Бухары и отличающимися отъ великаго семейства, къ которому они принадлежатъ, только тѣмъ, что живутъ въ постоянныхъ жилищахъ и составляютъ мирныхъ и спокойныхъ подданныхъ бухарскаго государя. Изъ того мѣста, въ которомъ мы жили, видно было около сорока различныхъ *робатовъ* или селеній, и мы провели между дикими людьми около мѣсяца, не претерпѣвъ никакого вреда или обиды съ ихъ стороны и постоянно пользуясь ихъ добрымъ расположеніемъ. Въ нашемъ беззащитномъ положеніи это дѣлало честь жителямъ Туркистана.

* Это турецкое слово и значитъ—море.

Какъ въ Бухарѣ мы имѣли обширное поле для наблюденій нравовъ и обычаевъ горожанъ, такъ здѣсь, въ деревнѣ, намъ представлялось столько же случаевъ для изученія образа жизни сельскихъ жителей. Съ этими послѣдними мы ознакомились чрезъ посредство одного туркманскаго начальника, съ которымъ мы сблизились еще въ Бухарѣ: онъ и Кафила-баши являлись къ намъ два, или три раза въ день, постоянно приводя съ собою новыхъ знакомыхъ, которыхъ встрѣчали на сосѣднихъ базарахъ и сядясь во всякое время вмѣстѣ съ нами пить чай. Такимъ образомъ мы узнали многія особенности туркманскихъ племенъ, и я подъ конецъ началъ даже принимать живое участіе въ дѣлахъ и намѣреніяхъ многихъ лицъ, съ которыми въ это время познакомился: такъ сблизился я съ племенемъ, которое когда-то казалось мнѣ внѣ предѣловъ возможности для нашего изученія. Туркманскій начальникъ, служившій намъ во всѣхъ случаяхъ церемонимейстеромъ, былъ человѣкъ замѣчательный: онъ шелъ съ караваномъ съ тою цѣлью, чтобъ въ дорогѣ служить совѣтомъ

своимъ соотечественникамъ и охранять ихъ отъ разграбленія. Мы, однако же, скоро убѣдились, что онъ самъ не имѣлъ ясныхъ понятій о *теит* и *тиит*, ибо умѣлъ присвоить себѣ три золотыя тиллы, которыя взялъ у меня въ счетъ наемной платы, слѣдовавшей наиперво Кафила-баши, который также былъ Туркманъ. Эрназзаръ (такъ назывался этотъ пріятель нашъ) былъ, однако же, полезный и занимательный товарищъ. Высокій и широкоплечій, онъ имѣлъ лѣтъ пятьдесятъ отъ роду; мужественное лице его было украшено прекрасною бородою, посе-ребренною годами. Въ ранніе годы жизни, онъ по обычаю своего племени, ходилъ на *алланы* (на разбой) въ страны Газаровъ и Казиль-башей: нѣсколько страшныхъ ранъ на головѣ его свидѣтельствовали опасную службу, которую онъ несъ въ то время. Покинувъ занятія юности и совершенно отставъ отъ наклонностей своего племени, Эрназзаръ переселился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Мервъ, какъ уже Туркманъ образованный и переродившійся; но не взирая на это, наружный видъ его

и образъ выраженія были воинственны по прежнему. Съ тѣхъ поръ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ занимается провожаніемъ каравановъ въ Персію и къ Каспійскому морю. Подъ руководствомъ такого проводника мы еще удобнѣе могли наблюдать любопытный народъ, къ которому онъ принадлежалъ. Кафила-баши былъ человекъ не столько добротный и кромѣ того, постоянно занятый множествомъ дѣла, а потому мы не могли не сравнить его равнодушія къ намъ съ дружескимъ вниманіемъ нашего добраго Гіата. Онъ, не смотря на предостереженіе бухарскаго визиря, даже покидалъ насъ однихъ въ уединенномъ нашемъ мѣстопробываніи и отправлялся съ своими верблюдами за солью на берега Окса. Такимъ образомъ мы оставались одни подъ охраненіемъ беззаботнаго Эрназзара.

Самымъ замѣчательнымъ изъ всѣхъ нашихъ туркманскихъ посѣтителей былъ одинъ человекъ, пожилыхъ лѣтъ, отличавшійся суровостью своего обращенія и называвшійся Субханъ Верди Галихъ, что въ переводѣ значитъ *мечъ, данный Богомъ*.

Лице у него было красное, вакханальное, хотя онъ и увѣрялъ, что никогда не предавался запрещенному соку винограда. Онъ могъ объясняться только по-туркски, а я зналъ этотъ языкъ весьма не много и потому намъ нуженъ былъ переводчикъ; однако же, послѣ нѣсколькихъ свиданій мы начали понимать другъ друга и вскорѣ ни одинъ гость не былъ для насъ такъ пріятенъ, какъ Верди, который любилъ описывать намъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, свои наѣзды на Казиль-башей. „У насъ есть пословица,“ говорилъ онъ, „что Туркманъ на лошади не знаетъ ни отца, ни матери.“ Другое туркское выраженіе или, лучше, двоестішіе, которое онъ часто съ жаромъ повторялъ, давало намъ понятіе о чувствованіяхъ его племени. Вотъ переводъ этихъ стиховъ:

«У Казиль-башей десять башень; въ каждой башнѣ одинъ
грузинскій рабъ!
Что жъ за сила у Казиль-башей? Пойдемъ и нападёмъ на
нихъ!»

Верди принадлежалъ къ поколѣнію Салоръ, благороднѣйшему между Туркманами и нерѣдко

говаривалъ намъ, что оно положило основаніе имперіи константинопольскихъ Османлисовъ. Въ этомъ увѣреніи ничего нѣтъ невѣроятнаго: преданія народовъ всегда заслуживаютъ уваженія. Онъ трепеталъ отъ радости, когда рассказывалъ намъ какимъ образомъ захватываютъ въ плѣнъ Казиль-башей, и со вздохомъ жалѣлъ о томъ, что старость не позволяла ему болѣе воевать противъ неправовѣрныхъ. Преклонныя лѣта успѣли въ нѣкоторой степени ослабить его предрасудки, ибо онъ нерѣдко прибавлялъ въ заключеніе своихъ повѣствованій, что если подобныя дѣла противны законамъ Бога и Корана, то онъ вполне увѣренъ, что постъ и молитва искупятъ всѣ грѣхи его. Въ настоящее время Верди разводилъ овецъ и верблюдовъ и, не будучи отъ старости въ состояніи продолжать набѣговъ, снаряжалъ въ нихъ своихъ сыновей. Онъ часто говаривалъ мнѣ, что его верблюды и бараны стоятъ столько-то невольниковъ, и что онъ купилъ одну лошадь за трехъ человекъ и за мальчика, а другую за двухъ дѣвушекъ: вотъ дѣйствительный образъ ежечаснаго имущества. Слушая, какъ

этотъ разбойникъ оцѣнивалъ своихъ животныхъ, я смѣясь просилъ его сказать мнѣ, что я буду стоять, если попаду въ плѣнъ къ Туркманамъ; онъ уклонился отъ отвѣта, сказавъ, что мы были слишкомъ хорошіе люди, чтобъ сдѣлаться рабами, и я такимъ образомъ не узналъ отъ него своей собственной цѣнности. „Но,“ сказалъ я ему, „ты конечно не станешь продавать Сеида, священнаго потомка своего пророка (миръ праху его!) если онъ попадетъ въ число твоихъ плѣнниковъ?“ „Какъ!“ отвѣчалъ онъ, „если продается Кораць, то почему не продать нечестиваго Сеида, который своею ересью издѣвается надъ его истинами.“ Туркмены народъ отчаянный; къ счастью они раздѣлены и враждуютъ между собою, иначе сосѣди терпѣли бы отъ нихъ еще больше зла. Эта великая семья рода человеческого кочуетъ отъ береговъ Каспійскаго моря до Балка, мѣняя мѣста своего жительства по внушеніямъ прихотливой воли.

Племя, между которымъ мы жили, известно подъ именемъ Ерзари. Тутъ въ первый разъ

въ магоммеданскомъ краѣ мы увидѣли женщинъ безъ покрывалъ, которыя вообще не употребляются между туркманскими племенами. Ни въ одной части свѣта не встрѣчалъ я такихъ дѣбелыхъ и здоровыхъ дѣвъ, какія попадались намъ здѣсь, хотя онѣ и считаются соотечественницами нѣжной Роксаны, очаровательной супруги Александра, на которой онъ женился въ Трансоксіани. Нашъ туркманскій начальникъ, Эрназзаръ, для развлеченія своей скуки влюбился въ одну изъ этихъ красавицъ и нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ просьбою указать ему какое нибудь сверхестественное средство, которымъ онъ могъ бы привлечь вниманіе дѣвушки. Я много смѣялся любви и простотѣ этого старика. Всѣ здѣшнія женщины носятъ чалмы, которыя вообще очень идутъ къ нимъ; а сосѣди этого племени, живущіе на югъ отъ Окса, до того преувеличиваютъ въ своихъ разсказахъ объемъ этого головнаго убора, что я долженъ буду въ послѣдствіи, когда перейдемъ чрезъ эту рѣку, сдѣлать нѣсколько особыхъ замѣчаній по этому предмету. Ерзарисы придерживаются об-

щихъ туркманскихъ обычаевъ, хотя близость Бухары успѣла уже распространить между ними нѣкоторую степень просвѣщенія. Въ нашемъ караванѣ находилось пять, или шесть Туркмановъ изъ южныхъ округовъ Окса: люди эти, всегда гостепріимные дома, не забывали, что здѣсь они въ свою очередь имѣли полное право на гостепріимство, и потому Ерзарисы не безъ причины жаловались на остановку нашего каравана. Каждое утро одинъ изъ этихъ молодцевъ относилъ свою саблю въ домъ какого нибудь Туркмана и этимъ знакомъ, обще-принятымъ между здѣшними жителями, напоминалъ хозяину о томъ, что онъ обязанъ заколоть барана и разделить его съ пришедшими къ нему гостями. Отказаться отъ такой повѣстки невозможно и пиръ обыкновенно имѣетъ мѣсто ночью. Намъ въ подобныхъ случаяхъ никогда не приглашали: пирушки эти были часто туркманскія; но за то намъ очень часто присылали съ нихъ лепешки. Ерзарисы вообще обращались съ нами хорошо и ласково: они знали, что мы Европейцы и христіане, и, не взирая на это, всегда въ разгово-

ръ съ нами употребляли слово *эшанъ* почтительный, эпитетъ , придаваемыйъ всемъ хваджамъ. Каждый Персіянинъ, прѣзжающій въ Туркистанъ, обязанъ во время молитвы складывать свои руки и слѣдовать кой-какимъ другимъ обрядамъ, изъ коихъ нѣкоторые не совсемъ опрятны , и за это онъ пользуется терпимостью и покровительствомъ закона. Христианину же, чтобъ пользоваться точно такимъ же покровительствомъ, нужно только говорить съ уваженіемъ о магомеданизмѣ и избѣгать преній. Персіяне по своей вѣрѣ обязаны слѣдовать слѣдующему правилу: „если въ обществѣ семидесяти шіитовъ,“ сказано въ законѣ , „находится хотя одинъ суннитъ, то всѣ они должны укрыться покрывалами по причинѣ присутствія такого чловѣка.“ Насъ ничто подобное не стѣсняло, ибо мы во всемъ охотно придерживались обычаямъ жителей и уважали понятія народа.

Хотя деревня , въ которой мы жили, имѣла не болѣе двадцати домовъ , однако же въ ней находились восемь персидскихъ пльнниковъ. Ка-

жется, что эти несчастные точно въ такой же пропорціи распредѣлены по всему здѣшнему краю, гдѣ ихъ употребляютъ преимущественно при воздѣлываніи полей. Въ это время они заняты были уборкою хлѣба, не смотря на то, что термометръ стоялъ на 96° внутри дома. Трое, или четверо изъ нихъ нѣсколько разъ посѣщали насъ и просили меня отвезти письмо къ ихъ роднымъ въ Персію, что я въ послѣдствіи исполнилъ по адресу. Многіе изъ такихъ невольниковъ сберегаютъ достаточную сумму для своего выкупа, ибо Персіяне всегда тароватѣе Узбековъ и не упускаютъ ни малѣйшаго случая, который можетъ доставить имъ какую нибудь выгоду. Такъ, въ Марабадѣ, два, или три плѣнника успѣли собрать значительный капиталъ, чтобъ купить себя свободу и намѣревались при первой возможности возвратиться въ Персію. Мнѣ не случалось слышать отъ нихъ жалобъ на худое съ ними обращеніе въ Туркистанѣ. Правда, что нѣкоторые владельцы запрещаютъ имъ читать молитвы и соблюдать праздники, предписываемые Кораномъ, ибо такая на-

божность заняла бы много робчаго времени; но за то ихъ никогда не бьютъ, кормятъ и одѣваютъ такъ, какъ будто бы они принадлежали къ семейству и даже нерѣдко облачаютъ большею милостью. Говорятъ, что обыкновеніе хватать въ плѣнь Персіянъ не было извѣстно до вторженія Узбековъ, и увѣряютъ, что оно началось не болѣе какъ сто лѣтъ тому назадъ. Нѣсколько бухарскихъ духовныхъ лицъ, посѣтивъ Персію, слышали, какъ тамошніе жители всенародно поносили трехъ первыхъ калифовъ и, возвратившись въ отечество, рассказывали объ этомъ своимъ соотечественникамъ; въ слѣдствіе чего сунитскій синодъ издалъ *фатуа* или приказъ, разрѣшавшій торговлю такими нечестивцами. Рассказъ бухарскихъ муллъ былъ справедливъ: Сэръ Джонъ Чардинъ говоритъ, что Персіянинъ, пуская стрѣлу, не рѣдко говоритъ: „да пойдетъ она въ сердце Омара!“ и мнѣ самому случалось нѣсколько разъ слышать подобныя восклицанія; а потому можно сказать, что Персіяне сами накликали это бѣдствіе на свою голову. Рассказываютъ, что одинъ персидскій государь во

время недавних сношеній съ ханомъ Оргенджа, отправилъ къ нему четыре книги, считающіяся у Магоммеданъ священными — Ветхій и Новый Заветъ, Псалмы Давида и Коранъ, и просилъ указать, въ которой изъ нихъ заключаются законы рабства, на основаніи коихъ онъ дѣйствуетъ противъ Персіяня. Хивинскій ханъ не затруднился и отвѣчалъ, что это давно-принятый обычай, отъ котораго онъ ни сколько не намѣренъ отступать, и если Шахъ Персіи не можетъ воспрепятствовать этому силою, то онъ по прежнему будетъ продолжать его къ безславію его государства. Замѣчено было, что магоммеданское рабство далеко отличается отъ неволи негровъ, и это замѣчаніе совершенно справедливо; но захватываніе жителей Персіи и ихъ насильственный уводъ въ чуждыя имъ страны, гдѣ не уважены ни ихъ вѣра, ни ихъ понятія, есть точно такое же нарушеніе правъ и вольностей человечества, какъ и африканская невольничья торговля.

Какъ обычаи и нравы народа, между которыми мы жили, представляли намъ множество

предметовъ для наблюденія, такъ и въ самомъ караванѣ вниманіе наше привлекали нѣсколько человѣкъ, рѣшившихся лучше остаться съ нами въ деревнѣ, чѣмъ возвратиться въ Бухару. Люди эти были уроженцы Мерва, въ степи, или, лучше сказать, потомки колоніи, которая лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ была насильно выведена Шахомъ Мурадомъ въ Бухару, гдѣ и въ настоящее время она составляетъ самую трудолюбивую часть народонаселенія столицы. Не богатые, но постоянно-веселые, они проводили цѣлые дни въ забавахъ чисто-восточныхъ, т. е. въ разсказахъ повѣстей и въ представленіи двора бухарскаго государя въ лицахъ: одинъ принималъ роль государя, другой просителя, третій исполнителя закона, убивая такимъ образомъ время и скуку. Дѣти иногда ссорились; но распри ихъ продолжались не далѣе вечера, когда всѣ собирались внѣ домовъ слушать гитару и туркійскія пѣсни. Здѣсь пѣнье совершается не такъ, какъ въ другихъ странахъ: пѣвецъ обыкновенно садится противъ музыканта, такъ, что колѣни ихъ соприкасаются и звукъ

инструмента какъ бы чрезъ живой проводникъ сливается въ голосомъ пѣвца. Туркійскій языкъ необыкновенно воинственъ и гармонически-звученъ. Бардъ, какъ мы говорили, пѣлъ про любовь, первенствующій предметъ пѣсенъ всѣхъ странъ.

Положеніе нашего собственнаго немногочисленнаго общества столько же подавало намъ поводъ къ размышленіямъ, сколько и любопытный народъ, между которымъ мы жили. Вечеромъ, въ сумеркахъ, мы выносили на дворъ войлоки, разстилали ихъ и всѣ вмѣстѣ, какъ господа, такъ и слуги, суетились вокругъ огня, сами строя для себя кушанья и подкрѣпляя ими свои силы. Въ отдаленной странѣ, въ неизвѣстной деревнѣ Туркистана, живя безъ всякаго охраннаго конвоя, мы обыкновенно спали подъ открытымъ небомъ, и проводили цѣлыя недѣли, не подвергаясь ни малѣйшимъ обидамъ. Прежде нежели мы вступили въ эти страны, темныя и неопредѣленныя понятія, которыя мы объ нихъ имѣли, рождали въ насъ странныя мысли; но

когда мы чрезъ нихъ проходили, то наши опасенія исчезали мало по малу и наше положеніе казалось намъ самымъ естественнымъ. Въ каждомъ мѣстѣ, чрезъ которое мы проѣзжали, мы находились во власти туземцевъ, такъ, что всякій сумазбродъ, какихъ много повсюду, могъ однимъ ударомъ уничтожить всѣ глубоко-обдуманые планы и замыслы наши. Не смотря на это, мы свободно сообщались съ жителями, и хотя такое столкновеніе съ ними ежедневно ставило насъ въ опасность, однако же мы всегда счастливо избѣгали ее. Главнѣйшею причиною нашей удачи мы обязаны стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ, за что мы должны благодарить провидѣніе, а равно и спокойному состоянію странъ, чрезъ которыя проѣзжали, ибо довѣріе и благоразуміе, первыя потребности въ путешественникъ, ни къ чему не послужили бы въ земляхъ, потрясенныхъ раздоромъ и мятежемъ. Опытъ заставилъ насъ пожалѣть, что во время нашего путешествія мы не привели въ исполненіе нѣкоторыхъ изъ своихъ первоначальныхъ плановъ, ибо на-дѣль убѣдились, что

страствованіе подъ видомъ Азіятца гораздо легче, чѣмъ мы вначалѣ предполагали, и что видящія нами народы ни сколько не были любопытны. Убѣдившись, однако же, въ удобоисполнимости этихъ плановъ, я въ то же время видѣлъ, что они доставили бы намъ менѣе удовольствій. Незначительность багажа также не мало содѣйствовала нашей безопасности; но зато поваренная утварь неполнотою своего числа часто приводила мнѣ на память привычки, пріобрѣтенныя на родинѣ. Впрочемъ, во всемъ слѣдуя обычаямъ Азіи, мы имѣли много хорошихъ обѣдовъ—*кабобовъ*—принесенныхъ съ базара, хотя, можетъ быть, мой вѣрный Гуламъ Гознъ, прежде бывшій главнымъ моимъ служителемъ, а теперь мой поваръ и *factotum*, нерѣдко вспоминалъ о болѣе вкусныхъ блюдахъ, которыя онъ подавалъ мнѣ. Это заставляло его по временамъ покупать на базарѣ такія вещи, которыя могли обличить нашу націю. Хотя мы нѣсколько разъ запрещали ему такую роскошь, однако онъ даже и въ Бухарѣ нерѣдко подавалъ намъ къ завтраку рыбу, яйца, кофе,

варенье и плоды. Впрочемъ изъ этого не должно заключать, чтобъ мы постоянно питались такими роскошными яствами. Общество наше значительно уменьшилось съ того времени, какъ мы оставили берега Инда: одинъ изъ Индійцевъ покинулъ насъ еще въ Кабуль; а другаго, слугу др. Жѣрарда, родомъ Кашмирца, испугали холодные вѣтры Гинду Куша. За исключеніемъ этихъ двухъ чловѣкъ, я не могу не отдать справедливости усердію и постоянству всѣхъ избранныхъ нами сопутниковъ. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Моганъ Даль, молодой Индусъ изъ Делли, проявлявшій рѣдкую въ его соотечественникахъ неутомимость духа и усердіе въ нашемъ предпріятіи. Онъ по моей просьбѣ велъ подробный журналъ всѣмъ событіямъ, который — я смѣло могу сказать — заслужить полное вниманіе публики, если только будетъ напечатанъ. На пути въ Бухару онъ постоянно говорилъ, что ѣдетъ къ своимъ роднымъ, живущимъ въ этомъ городѣ; по выѣздѣ же оттуда увѣрялъ, что отправляется къ своимъ родственникамъ въ Герать. Туземный зем-

лемърь нашъ, Магоммедъ Али, потерю котораго мнѣ въ послѣдствіи привелось оплакивать, обыкновенно ѣхалъ какъ богомолецъ въ Мекку, и показывалъ видъ, что не имѣеть съ нами никакого сношенія.

Въ окрестностяхъ Мирабада мы не упустили случая заняться антикварскими розысканіями и были довольно счастливы тѣмъ, что осмотрѣли развалины Биканда, одного изъ древнѣйшихъ городовъ Туркистана. Онъ лежитъ въ двадцати миляхъ отъ Бухары и, кажется, былъ когда-то снабженъ водою посредствомъ водопроводовъ, остатки которыхъ существуютъ и донинѣ. Въ рукописной исторіи этого края, называемой *Нарсахи* * и купленной мною въ Бухарѣ, сказано, что этотъ городъ, превосходившій древностью теперешнюю столицу, состоялъ изъ тысячи *робатовъ* или деревень, слившихся вмѣстѣ, что въ немъ жило множество купцовъ, торговавшихъ въ Китаѣ и на Океанѣ; хотя слово *деріа* можетъ означать и Оксъ, и что въ послѣдующія вре-

* Я передалъ это сочиненіе въ лондонскій комитетъ переводовъ съ восточныхъ языковъ.

мена, около 240 года Геджирь, если случалось жителю Бухары бывать въ Багдадъ, то онъ обыкновенно называлъ себя пришлецомъ изъ Биканда. Далѣе, исторія говоритъ, что хотя онъ и былъ весьма важнымъ городомъ, однако же значительно страдалъ отъ невѣрныхъ хищниковъ съверныхъ странъ, набгавшихъ на него въ холодное время года. Наконецъ, что Арсланъ Ханъ построилъ въ немъ дворецъ и улучшилъ его водопроводы. Во время производства послѣднихъ работъ случилось обстоятельство, которое напоминаетъ переходъ Аннибала чрезъ Альпы: Бикандъ, по видимому, стоялъ на холмѣ, порода котораго была до того тверда, что не уступала никакимъ орудіямъ работавшихъ; это заставило ихъ смачивать ее уксусомъ и натирать коровьимъ масломъ, отъ чего она уступила ихъ усиліямъ и они успѣли прорыть ее на протяженіи цѣлаго фарсаха, т. е. почти на три съ половиною мили англійскія. Теперешній Бикандъ не имѣетъ жителей, и только стѣны нѣкоторыхъ зданій свидѣтельствуютъ о его прежнемъ величіи. У Магоммеданъ все то, что происхо-

дѣло до Геджиры, обыкновенно облечено баснословными сказаніями, а потому мы необходимо должны обращаться къ другимъ книгамъ и языкамъ для открытія истины въ исторіи Биканда, мѣстопребыванія Афразіаба и древнихъ государей Туркистана. Древностей мнѣ въ немъ не удалось достать, ибо не было возможности разискивать ихъ съ безопасностью.

Если мы не успѣли извлечь удовлетворительныхъ заключеній на счетъ развалинъ Биканда, или объяснить нѣкоторыя мѣста въ историкахъ Александра, то, по крайней мѣрѣ, собрали нѣсколько заслуживающихъ вниманія свѣдѣній о рѣкѣ Бухарь. Рѣка эта постоянно упоминается у Грековъ подъ названіемъ Политимета; Арріанъ говоритъ, что „хотя она и несетъ обильныя воды, однако же, скрывается отъ взоровъ и исчезаетъ въ пескахъ;“ а Квинтъ Курцій, „что она кидается въ провалъ, въ которомъ шумъ потока свидѣтельствуетъ о ея подземномъ теченіи.“ Окончаніе этой рѣки, показанное на нашихъ картахъ, не согласуется съ дѣйствительностью: на нихъ обыкновенно представляется, что она

впадаетъ въ Оксъ; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она вливается въ озеро, о чемъ уже упомянуто выше. * Въ продолженіе бѣльшей части года, воды въ ней такъ недостаточно, что она, не будучи въ состояніи пробраться до Окса, теряется въ пескахъ. Это обстоятельство, по моему мнѣнію, соглашаетъ сказаніе Арріана, у котораго мы читаемъ, что рѣка Бухара *терлется въ пескахъ*, со сказаніемъ Курція, говорящаго, что она кидается *въ провалъ*, или озеро — новѣйшій Денгизъ—имѣющее около двадцати пяти миль въ длину. Послѣ всего этого можно сказать, что деревня, въ которой мы жили, стоитъ на классической землѣ, ибо мы знаемъ изъ исторіи, что Александръ, послѣ того какъ отрядъ его войска бѣмъ разбитъ и вырѣзанъ Спитаманомъ, ходилъ на этого послѣдняго до самыхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Политиметъ теряется въ пескахъ пустыни, т. е. до мѣста пораженія отряда. Впрочемъ намъ потребна была вся сила подобныхъ воспоминаній, чтобъ разсѣять скуку продолжительнаго нашего пребыванія въ тѣ-

* На русскихъ картахъ это показано вѣрнѣе.

снoй хижинѣ Мирабада. У Квинта Курція есть еще другой отрывокъ, заслуживающій нашего вниманія, ибо я встрѣтилъ нѣчто подобное въ одномъ персидскомъ манускриптѣ, купленномъ мною въ Бухарѣ и описывающемъ этотъ городъ. Историкъ, описывая вступленіе Александра въ Базарію, которую принимаютъ за Бухару, или которая находилась въ этихъ же мѣстахъ, говоритъ слѣдующее: „ничто столько не свидѣтельствуетъ о варварской роскоши, господствовавшей въ этомъ краѣ, какъ обширныя звѣринцы, въ которыхъ содержатся дикія животныя самыхъ большихъ породъ. Для этого обыкновенно выбираютъ какой нибудь большой лѣсъ, перерезанный множествомъ источниковъ, окружаютъ его оградою и устрoиваютъ въ разныхъ мѣстахъ башни для помѣщенія охотниковъ. Говорятъ, въ одномъ изъ такихъ звѣринцевъ не тревожили дичь въ продолженіе четырехъ поколѣній. Александръ, вступивъ въ него со всемъ своимъ войскомъ, приказалъ вдругъ поднять всѣхъ обитавшихъ въ немъ животныхъ.“ (Кн. 8. гл. 1). Это была та самая

травля, въ которой Александръ встрѣтилъ
 льва: въ настоящее время царь львовъ не
 обитаетъ въ Трансоксіаніи. Въ персидской ру-
 кописи, мною упомянутой, сказано слѣдующее:
 „Вотъ описаніе Шамсабада, построеннаго здѣсь
 государемъ Шамсудиномъ. Купивъ около Фара-
 санга земли, онъ развелъ на ней садъ и по-
 строилъ дома съ необыкновеннымъ великолѣпі-
 емъ, прорылъ каналы, сдѣлалъ водопроводы и,
 истративъ огромную сумму денегъ, назвалъ это
 мѣсто Шамсабадомъ. Потомъ устроилъ звѣри-
 нецъ и, окруживъ его стѣною, имѣвшею цѣлую
 милю протяженія, пустилъ въ него голубей и
 другихъ птицъ и домашнихъ животныхъ, а
 равно и дикихъ звѣрей—волковъ, лисицъ, каба-
 новъ, оленей, нильган и проч. Домашнихъ жи-
 вотныхъ онъ отдѣлялъ отъ дикихъ, заключивъ
 послѣднихъ въ высокіхъ стѣнахъ, дабы они не
 могли выбѣжать. Когда государь Шамсудинъ
 умеръ, то братъ его, называвшійся Хизръ Ханъ,
 наследовавъ ему, увеличилъ число зданій въ
 Шамсабадѣ и умножилъ животныхъ въ звѣринцѣ,
 устроенномъ его братомъ.“ Сочиненіе, изъ ко-

торого взять этотъ отрывокъ , представляетъ намъ множество любопытныхъ свѣдѣній относительно состоянія страны вокругъ Бухары: въ немъ этотъ край названъ Долиною Согда , когда-то бывшею звѣрловнымъ лѣсомъ. Въ описанныхъ увеселеніяхъ Шамсудина , не смотря на огромный періодъ, протекшій со времени Грековъ , мы все еще видимъ наклонность къ тому же варварскому великолѣпію , которое привлекло на себя вниманіе историковъ Александра.

Около полуночи, 10 Августа, когда мы уже совершенно утратили надежду на возвращеніе нашего гонца изъ оргенджскаго лагеря , насъ внезапно разбудилъ крикъ няти , или шести Туркмановъ , возглашавшихъ *Аллахо Акбаръ* , и этимъ привѣтствовавшихъ своего соотечественника, пріѣхавшаго съ извѣстіемъ о томъ , что правитель Оргенджа не имѣетъ намѣренія преграждать путь каравана. Ключекъ испачканной бумаги отъ Юзъ Баши заключалъ въ себѣ это извѣстіе , подлинность котораго я не имѣлъ желанія оспоривать. Громкій крикъ, разбудившій насъ въ тишинѣ ночи, могъ бы во

всякое другое время сильно встревожить насъ , если бы мы не знали , что подобный возгласъ есть ничто иное , какъ благословеніе , которое всѣ Узбеки и Туркмены употребляютъ при встрѣчахъ съ друзьями. Въ другихъ магомеданскихъ странахъ эти слова произносятся только при погребеніи родственниковъ; въ Туркистанѣ же въра входитъ во всѣ дѣла житейскія. Если Туркманъ сдѣлаетъ вамъ посѣщеніе , то онъ не иначе начинаетъ бесѣду , какъ проговоривъ *фата* , или начальный стихъ Корана , сокращая его въ одно слово *Аллахо* и ударяя себя по бородѣ ; если вы собираетесь въ путь , то къ вамъ придутъ друзья и дадутъ напутственное *фата* ; если вы произносите клятву , то всѣ присутствующіе скажутъ *фата* ; если вы встрѣчаете знакомаго , то говорите ему *фата* и т. д. Этотъ добрый народъ никогда не оканчиваетъ своей трапезы , не проговоривъ такого же благословенія. Можно подумать , что Узбеки принадлежатъ къ самому набожному народу на лицѣ земли , ибо они произносятъ священные стихи своей вѣры даже при всѣхъ малѣйшихъ случаяхъ. Пригла-

сивъ прїѣхавшаго Туркмана съ его друзьями съѣсть и рассказать намъ новости объ оргенджскомъ войскѣ и разтолковать, какимъ образомъ мы съ безопасностью можемъ миновать его, мы освѣжили гонца чаемъ и гукахомъ, который я приказывалъ подавать со всевозможнымъ вниманіемъ, ибо въ Туркистанѣ никто болѣе одного разу не затягивается изъ трубки, а немедленно передаетъ ее сосѣду, такъ, что она переходитъ отъ одного гостя къ другому. Тутъ на общемъ совѣтѣ мы рѣшили, чтобъ Туркманъ отправился въ Бухару и доставилъ извѣстіе купцамъ каравана. Человѣкъ этотъ изобразилъ намъ страшную картину степи, лежащей на югъ отъ Окса, и неизмѣрныя затрудненія въ отысканіи дороги, которая безпрестанно засыпается клубами песку, поднимаемаго вѣтромъ. Но я не стану описывать его приключеній, ибо мы сами готовы вступить въ эти негостепрїимныя страны, и скажу только, что по его совѣту мы наняли еще двухъ верблюдовъ, которые должны были везти шесть мѣховъ съ водою, ибо ею необходимо запастись прежде удаленія отъ Окса.

Наше пребываніе въ Каракуль продолжалось до половины Августа. Если бы мнѣ не предстояла нужда говорить о другихъ предметахъ, то я могъ бы представить здѣсь подробное описаніе этой страны мерлушекъ, которыми она снабжаетъ Туркистанъ, Китай, Персію и Турцію. Скоро весь караванъ снова собрался предъ нашею квартирою, и утромъ, 16 Августа, около восьмидесяти верблюдовъ готовы были выступить въ путь къ Оксу, съ вьюками дорогихъ шкуръ каракульскаго округа, гдѣ мы провели около мѣсяца между Туркманами и пастухами, которые ни о чемъ болѣе не говорили, какъ объ овчинахъ и рынкахъ. Между разными вещами, которыя въ это время были намъ привезены изъ Бухары, мы съ удивленіемъ и съ радостью нашли небольшой пакетъ, адресованный на мое имя; въ немъ заключались три номера газетъ и самое лестное письмо изъ Лагора отъ моего друга г. Аллара. Пакетъ находился три мѣсяца въ дорогѣ и доставилъ намъ невыразимое удовольствіе, ибо, не читая газетъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ перешли чрезъ Индъ, въ половинѣ Марта, мы

дольше время не знали, что дѣлается въ остальномъ мірѣ, и въ настоящее время, обязанные чужестранцу всѣми полученными свѣдѣніями, съ любопытствомъ прочитали длинную статью о несчастномъ Муркрофтѣ. Изъ нее мы увидѣли, что весь образованный міръ любопытствовалъ узнать страны, въ которыхъ мы теперь жили, и что Лондонское Географическое Общество опредѣлило собрать бумаги этого несчастнаго путешественника и чтобъ спасти ихъ отъ забвенія приступило уже къ напечатанію известной части ихъ подъ руководствомъ г. Эльфинстона. Это обстоятельство рождало въ насъ мысль утѣшительную въ высшей степени — мысль, что и мы не будемъ забыты въ нашихъ странствованіяхъ. Впрочемъ намъ не возможно было вполне устранить воспоминанія о судьбѣ Муркрофта, по слѣдамъ котораго мы шли столь долгое время тутъ она снова представилась намъ въ самыхъ яркихъ краскахъ и притомъ съ такой стороны, съ которой мы меньше всего ожидали увидѣть ее.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

